

Р а с к а я н и е
ц а р я

ДУГРИЯ

Рассказание царя Дугрия

Это было очень давно. А близко, далеко ли - все равно. Горы между нами или же моря, расскажу я вам про одного царя, который, в исключение из правил, по справедливости своей страну правил.

А правил тот царь государством Тамерия и имя ему было Дугрий. Отец его был тяжело ранен в бою во время очередной войны с соседним государством Мугалия и после двух недель тяжелых мучений жизнь окончательно оставила его тело. Дугрий был единственным сыном умершего царя и приняв управление государством, первым делом решил положить конец кровопролитной и бессмысленной войне. Эти войны уносили тысячи и тысячи жизней граждан Тамерии и государство пришло в упадок. Визири-министры настоятельно советовали Дугрию, для восполнения казны, увеличить налоги. Дугрию несколько раз снился один и тот же сон. Во сне он видел своего отца, как его, израненного заставляют нести тяжелую ношу, а он идет, падает, еще больше калечится, его снова заставляют подняться, снова нагружают еще более тяжелым грузом и снова заставляют идти. И наконец он падает замертво. И уже никакая сила не способна поднять его. Дугрий хотел обратиться за толкованием этого сна к придворным звездочетам, но вспоминая, как будучи принцем, он много раз убеждался, что звездочеты чаще ошибаются, чем угадывают, не стал этого делать. И он сам истолковал этот сон. Израненный отец его — это народ Тамерии. А тяжелая ноша — это налоги, которые желают увеличить чиновники. И эти налоги могут окончательно загубить народ Тамерии. А если не будет народа, то не будет и государства.

И Дугрий, вопреки советам министров, принял решение снизить налоги. Это решение привело в негодование визирей-министров, которые ссылаясь на неопытность молодого царя, говорили о необходимости введения временного правления страной. Тогда Дугрий созвал визирей и показал им пшеничный колосок. В колоске было ровно тридцать зерен. Дугрий вынул двадцать зерен из колоска и дал их министру финансов. Этим он показал налог, которым облагается народ Тамерии. А затем спросил министров, сколько колосков может вырасти к следующему урожаю. Все хором ответили, что десять. Дугрий сказал, что от следующего урожая в казну поступят двести зерен, по двадцать от каждого колоска. Опять министры закивали. Тогда Дугрий показал второй колосок и отделил от него всего лишь десять зерен. А затем снова спросил министров, сколько колосков может вырасти к следующему урожаю. Все хором ответили, что двадцать. Дугрий сказал, что от следующего урожая в казну поступят тоже двести зерен, по десять от каждого колоска. На этот раз министры стали ухмыляться и переглядываться, ибо они не понимали, к чему это Дугрий затеял эти считалки с пшеничными зернами. А Дугрий продолжал. От третьего урожая, при больших налогах, в казну поступят две тысячи зерен, по двадцать от ста колосков, которые могут вырасти из оставшихся ста зерен. Министры одобрительно закивали. Им очень понравилось, что речь пошла уже о тысячах. Но Дугрий сказал, что при сниженном налоге, от оставшихся четырех сотен зерен могут вырасти четыре сотни колосков, от которых в казну поступят четыре тысячи зерен. Таким образом, сделав налог меньше в два раза, уже от третьего урожая поступления в казну могут стать в два раза больше. Министры недоуменно переглянулись. Они ленились подсчитывать такие большие числа сами и подумали, что Дугрий продемонстрировал им какой-то числовой фокус. Но царский указ о снижении налогов был принят. Министры ожидали скорого опустения казны, как предлога отстранить Дугрия от управления страной. Но, к их

величайшему разочарованию, уже через несколько недель страна стала восстанавливаться и развиваться, а казна стала быстро пополняться, ибо люди стали трудиться активно и открыто, не боясь, что большая часть их заработка будет присвоена жадными чиновниками и аристократами. Товаров стало больше, цены на них снизились, а, следовательно, повысилась покупательная способность у людей. И даже при маленькой ставке налога суммарное поступление в казну значительно увеличилось.

Люди были благодарны Дугрию за то, что впервые за долгие годы, они могли жить и работать мирно и честно. Речи о временном правлении страной уже не могло и быть, даже среди визирей.

Министры не могли понять, как при снижении налогов доходы казны увеличились. Но Дугрий снова попытался объяснить это. Если вырыть один большой и глубокий канал и направить его в море, при этом море будет пополняться, но земли, расположенные по берегам этого канала, будут лишены воды и вскоре высохнут, превратятся в пустыни и затем иссякнет и сам канал. А если по землям будут протекать сотни рек, речушек и ручейков, вода все равно будет наполнять море, при этом земли останутся напоенными водой и останутся плодородными.

Данная ситуация очень не нравилась чиновникам, для которых благополучие простых людей — это самое нежелательное явление. Но у них не было ничего, чтобы заставить Дугрия изменить свое решение. Страна продолжала восстанавливаться после войны, подобно тому, как природа весной расцветает после долгой зимы.

Однако, Дугрий не стал успокаиваться на достигнутом. Необходимо было установить прочный мир и вести активную торговлю между Тамерией и Мугалией.

Правитель Мугалии царь Пэрок был врагом его покойного отца, но вражда до добра не доводит. Никогда!

Пэрок пошел на заключение мирного соглашения лишь потому, что его государство тоже было приведено в упадок жестокой войной. Но если в его сердце осталась ненависть, то рано или поздно это приведет к новому конфликту и, а возможно и к новой войне.

Дугрию было известно, что у Пэрока есть трое детей, среди которых два молодых принца пятнадцати и двенадцати лет и одна старшая дочь, которой уже исполнилось девятнадцать лет.

И послал царь Дугрий трех своих визирей в качестве послов в Мугалию, с целью просить царя Пэрока благословения на брак своей дочери Рутэнии и царя Тамерии Дугрия.

Почти две недели прошло, но ни один из пяти, посланных с экспедицией почтовых голубей не возвратился в дворцовую голубятню. Дугрий пребывал в напряжении. Дорога до столицы Мугалии, сама по себе, занимала не менее десяти дней, но голуби возвращаются по воздуху, а значит им не нужно делать зигзаги и петли, которые вынуждены делать конные повозки, пробираясь по горным тропам. Неужели посланные почтовые голуби стали добычей горных орлов или пастухов, которые не прочь пустить стрелу в надежде полакомиться нежным голубиным мясом? Но, какие бы ни были предположения — оставалось только ждать...

Наконец, на исходе второй недели дворцовый птичник доложил Дугрию о возвращении голубя с сообщением. Дугрий отложил тренировку по фехтованию и приказал птичьему подать ему записку, которая была прикреплена к ножке голубя. Развернув записку, Дугрий прочел: "Ожидаем решения Пэрока". Хотя содержание сообщения и не носило конкретного утверждения, Дугрия оно очень обрадовало. Во-первых, оно говорило, что с послами Тамерии все нормально. А во-вторых, то обстоятельство, что царь Пэрок велел послам ожидать его решения, говорило за то, что предложение царя Дугрия взять в жены Рутэнию было

для правителя Мугалии вполне приемлемым. В противном случае Пэрок, немедленно, отослал бы послов восвояси ни с чем. Поблагодарив дворцового птичьего за службу, Дугрий продолжил тренировку.

Через три дня прилетел очередной голубь, в сообщении которого говорилось: "Ожидаем снаряжения в обратный путь". И вновь на лице Дугрия просияла радостная улыбка. Ведь если бы послы собирались в обратный путь получив отказ Пэрока, им нечего было бы ожидать, а следовало бы поспешно закупить пропитание себе, слугам и лошадям на обратную дорогу и, затем, выехать незамедлительно.

Значит, совсем скоро принцесса Мугалии прибудет в Тамерию, страну, где она станет царицей. Подготовку к встрече нужно начинать уже сегодня. Прибыв в Тамерию, будущая царица, наверняка захочет осмотреть земли, познакомится с людьми, с их обычаями, нравами и культурой. Народ Тамерии, хотя и быстро восстанавливается, но раны, оставленные длительной войной, еще не скоро заживут. Если Рутэния умна, как хотелось бы верить, то она это поймет. И все же народ должен с радостью встретить будущую царицу, пусть даже она и дочь царя Мугалии, против которого столь долго воевали граждане Тамерии.

И Дугрий издал указ выдать из казны каждому гражданину Тамерии определенную денежную сумму, чтобы каждый смог заказать себе новую праздничную одежду для встречи будущей царицы. Гонцы обязаны не просто огласить царский указ, начиная с самых отдаленных территорий, во всех провинциях Тамерии, но и проконтролировать ход его исполнения. И если будет замечена малейшая помеха исполнения царского указа со стороны местных чиновников, и уж, тем более, присвоение выделенных денег, то таковых чиновников подвергнуть жесточайшему наказанию, а их семьи разорить и выслать за пределы Тамерии. Гонцы разъехались. А визири-министры от досады кусали себе губы.

Спустя четыре дня Дугрий с двумя гвардейцами совершал конную прогулку вокруг городской рощи и сам увидел одинокого голубя, летящего в направлении дворца. Он развернул коня и галопом поскакал ко дворцу. Гвардейцы переглянулись, ибо они не заметили голубя и, значит, не поняли причину столь раннего и спешного возвращения царя во дворец. Но им ничего не оставалось делать, кроме как догонять своего правителя.

Дугрий уже поднимался по лестнице башни, в которой находилась дворцовая голубятня, когда на него едва не наткнулся десятилетний мальчуган, которого придворный птичий послал сообщить о прилете очередного голубя. Дугрий взял мальчика за руку, и они вместе поднялись в голубятню. Лицо птичьего выражало очень потешное удивление, ведь он не предполагал, что Дугрий сам увидел голубя, а думал, что его сынишка сбегал к царской конюшне, доложил о прибытии голубя, придворный конюх послал своего сына на поиски царя, который в это время дня по обыкновению совершал верховые выезды, сын конюха разыскал царя, они вернулись во дворец и вот царь вместе с его собственным сыном уже поднялись в голубятню и на все это ушло чуть более минуты. Дугрий, увидев птичьего в таком недоумении от души расхохотался, ну потом, конечно же, все объяснил.

Птичий снял записку с лапки голубя и протянул ее Дугрию. Лицо Дугрия стало серьезным на пару секунд, пока он разворачивал записку, затем в голубятне раздался еще более громкий и радостный смех царя, с которым вместе рассмеялись и птичий и его сынишка. В записке было написано: "Выезжаем. В добрый путь!"

Дугрий подсчитал, что если голубь был выпущен в момент отъезда из столицы Мугалии, то к моменту прилета голубя в столицу Тамерии кареты уже трое суток находились в пути. Именно за такой период голуби преодолевают расстояние между двумя столицами, согласно расчетам

голубятников. Значит, через неделю кареты должны прибыть в столицу Тамерии.

Во дворце начались приготовления к свадьбе. По прошествии еще трех дней прилетел четвертый голубь, доставивший записку, в которой было написано: "Пересекли границу". По расчетам голубятников полет голубя от границы до столицы длится менее двух суток. А это значит, что Рутэния уже второй день проезжает по земле Тамерии.

Дугрий пытался представить себе встречу с будущей женой. Ведь он никогда не слышал даже как она выглядит. Чтобы не тратить время на напрасные грезы, Дугрий решил объехать хотя бы близлежащие от столицы селения, доверив дворцовые приготовления своей матушке.

Едва въехав на земли Тамерии, принцесса Рутэния решила остановиться на несколько минут в одном приграничном селении, мимо которого лежал их путь.

Рутэния знала, что приграничные районы, более других, пострадали от войны. Когда она вышла из кареты, люди вышли из домов навстречу ей. Взрослые, старики, дети. Все они были нарядно одеты в новенькие национальные костюмы. Но они не приветствовали будущую царицу громкими и радостными возгласами, а сохраняли суровое молчание. И только дети не скрывали своего любопытства, разглядывая гостью.

Рутэния поздоровалась, а затем, поклонившись, попросила у людей прощения за все злодеяния, которые те потерпели от мугальских воинов. Селяне, ожидавшие увидеть надменную и важную особу, были тронуты таким обращением. Суровые сердца горцев смягчились. Толпа расступилась, приглашая Рутэнию погостить в любом из домов. Рутэния выбрала дом, который находился возле колодца, а своим спутницам предложила самим выбрать дома, где надлежит погостить десять минут. Рутэния вошла на крыльцо, сняла обувь и вошла в старенькую, но

чистую избу. Она подошла к чаше с водой и омыла руки и лицо. Затем, из своей корзинки она достала сладости и раздала детям. Сама же присела на место, предназначенное для гостя. Ее угостили самыми вкусными блюдами и от каждого она отведала понемногу со словами благодарности и восхищения. Затем омыв руки, она встала и поклонилась хозяевам. Перед самым отъездом Рутэния поблагодарила селян за радушный прием, пожелала им благополучия и спросила, какие пожелания они хотели передать царю Дугрию. Все как один, люди ответили, что желают и дальше жить без войны и спокойно работать. Люди были приятно удивлены тем, что Рутэния столь изящно соблюдала обычаи и была столь приветлива. А то, что будущая царица разулась перед входом в хижину простого пастуха вызывало восхищение. Весть о мудрой и добродушной царице расходилась по селам Тамерии, пожалуй, быстрее, чем двигались кареты.

В дальнейшем, на пути следования в столицу Тамерии кареты часто останавливались в селах. И везде люди желали мирной и спокойной жизни.

И вот однажды утром кареты въехали в столицу. Пятый голубь, которого держали на всякий случай, был выпущен без записки, а Рутэния выпустила своего голубя с сообщением о том, что благополучно добралась до столицы Тамерии.

В столице Тамерии начинался пышный праздник. Все жители, в лучших своих нарядах, расположились вдоль дороги. Карета Рутэнии была открыта, а сама она была уже одета в подвенечный наряд, и склоняла голову то в одну, то в другую сторону отвечая на приветственные возгласы горожан.

Когда Дугрий впервые увидел Рутэнию, он почти минуту стоял, застыв от восхищения. Ни в каких своих грезах он и не мог представить создания,

более прекрасного, чем Рутэния. А когда их руки соприкоснулись они оба почувствовали невыразимое приятное тепло, которое словно лучистое сияние протекало через их тела. Они полюбили друг друга.

Свадебные пиры и гуляния продолжались целую неделю. Весь народ Тамерии ликовал и все люди искренне радовались и желали Дугрию и Рутэнии благополучия и процветания. Тысячи подарков получили молодожены в честь бракосочетания. Отец Рутэнии, прислал в дар Дугрию огромный ковер, на котором была изображена Мугалия. Этим подарком царь Пэрок хотел сказать, что Мугалия открыта для Дугрия. Дугрий очень впечатлился этим и немедленно заказал лучшим мастерам ковроткачества сделать такой же огромный ковер с изображением Тамерии и, как только работа будет выполнена, снарядить почтовые кареты с целью доставить ковер своему тестю (отцу жены). От кабинета министров Дугрий получил в подарок кинжал в золоченых ножнах, рукоятка которого была сделана из чистого серебра, а ее набалдашник изображал голову змеи, с выпущенным, раздвоенным жалом. Вместо глаз этой змеи были вставлены два изумруда. И, конечно же, Рутэния получила множество нарядов и украшений. После свадебных торжеств, которые изрядно утомили молодоженов, Дугрий и Рутэния уехали на недельку отдохнуть на берег живописного горного озера Синри, которое располагалось в четырех часах езды от столицы. Чтобы насладиться дивной природой, спокойствием, и, конечно же, друг другом. Молодожены поехали отдыхать, а тамерские купцы поехали в Мугалию торговать, ибо теперь это было только на благо обеих стран.

Вернувшись после отдыха, Дугрий, с новыми силами, приступил к государственным делам, а Рутэния распорядилась открыть во всех уголках страны народные школы и библиотеки и стала обучать послов мугальскому языку, ведь Дугрий планировал открыть в Мугалии постоянное посольство.

И это посольство было вскоре открыто в столице Мугалии. После этого события прибыла делегация из Мугалии, которую возглавлял царь Пэрок с царицей Бирсэной.

Рутэния очень обрадовалась приезду родителей, по которым она соскучилась. В честь приезда родителей жены и открытия посольства Мугалии царь Дугрий объявил всенародный праздник.

После отъезда родителей Рутэния сообщила Дугрию и его матушке, что ожидает ребенка. И Дугрий, на радостях решил сделать женскую часть дворца еще более удобной и красивой. Он сам начертил эскизы, которые стали основой проекта по перепланировке женской части дворца, а когда работы начались, Дугрий по несколько часов в день работал вместе с мастерами, к их удивлению и восхищению. Конечно же, Дугрий не был пока столь искусным в архитектуре и строительстве, но его усердие и понимание задач изумляло даже опытных зодчих.

В один прекрасный день Дугрий упражнялся в искусстве вычислений и начертаний со своим дворцовым зодчим Нэфрием, когда командир гвардейцев Земфий попросил прощения за то, что вынужден прервать занятие. Вместо ответа на вопрос Дугрия Земфий улыбнулся и рукой указал Дугрию на женскую часть дворца. Дугрий догадался в чем дело и тут же побежал в комнату Рутэнии. Она полулежала в кровати, утомленная, но счастливая и держала у груди маленькое существо, которое с большим аппетитом впитывало первое, самое густое материнское молоко. Дугрий снял обувь, трижды омыл по локоть руки, умылся и подошел к изголовью кровати. Несколько минут, пока малыш насыщался, Дугрий стоял и с восхищением наблюдал за этим крохотным человечком. Ведь это была единая частичка его и Рутэнии. Когда малыш насытился, Рутэния предложила Дугрию взять сына на руки. Дугрий взял ребенка и держал очень осторожно и бережно, нежно глядя на своего первенца. Потом вернул его матери, и малыш вскоре крепко заснул. По взаимному согласию мальчика нарекли именем Ронси.

Если можно бы было измерить радость, которую чувствует человек, когда на свет появляется его ребенок, то можно бы было утверждать, что столь же великая радость, какая наполняла сердца Дугрия и Рутэнии, наполняла сердца ещё двух человек, живущих в соседней стране, которая называлась Ласфадия. Этих людей звали Торус и Эдира. Торус служил смотрителем государственного заповедника, расположенного на западе от столицы Ласфадии. А Эдира была швеей и кружевницей, да такой искусной, что многие придворные дамы делали ей заказы на пошив кружевного белья. В общем, Торус и Эдира жили безбедно и единственной их печалью было то, что долгое время у них не было детей. Но теперь у них родилась прекрасная девочка и они оба были полностью счастливы. Они нарекли свою дочку именем Длама.

Однажды, спустя неделю после рождения Дламы, к дому Торуса и Эдиры подъехала карета, из которой вышла жена придворного лекаря. Торус был на службе, а Эдира кормила Дламу. Жена придворного лекаря сказала, что хочет сделать срочный заказ на пошив шелковой сорочки. Эдира закончила кормление ребенка и положила Дламу в колыбель. Затем Эдира склонилась к ларцу, в котором находились ее швейные принадлежности, а жена придворного лекаря подошла к колыбели с целью посмотреть на девочку. Потом Эдира сняла с нее мерку и сказала, что заказ будет исполнен через три дня.

Но на следующий день, почти с самого утра, жена придворного лекаря снова приехала к Эдире и сказала, что хочет изменить заказ. Эдира была в слезах и выглядела очень уставшей. Она объяснила, что вчера вечером у дочери стала ухудшаться самочувствие, пропал аппетит, повысилась температура тела, на коже появились красные пятна. Она почти все время плачет и очень плохо спит. Жена придворного лекаря тут же забыла про заказ и сказала, что девочку нужно срочно отвезти во дворец и показать ее мужу. Заботясь лишь о выздоровлении дочери Эдира согласилась и пообещала, что если Длама поправится, то она будет

всегда бесплатно шить для нее и для ее мужа. Эдиря попробовала покормить девочку перед отъездом, но Длама только плакала и отворачивалась от груди. Жена придворного лекаря забрала ребенка и уехала. Эдиря с тревогой смотрела вслед уезжающей карете.

На следующий день в Ласфадии был объявлен праздник, по случаю рождения царевны. И только Торус и Эдиря не пошли на всенародные гуляния, а с надеждой и трепетом ожидали возвращения выздоровевшей дочки.

А вечером к ним пришел придворный посыльный, вручил им письмо и сразу же удалился, не говоря ни слова. Дрожащими руками Торус взял письмо и стал читать вслух. В письме сообщалось, что их дочь заболела какой-то страшной и очень заразной болезнью и, не смотря на все попытки придворных лекарей, слабенький детский организм не выдержал, и девочка умерла. Также, в письме сообщалось, что в виду опасности распространения эпидемии девочку незамедлительно похоронили в тайном месте, а Торусу и Эдире было велено сжечь все пеленки и колыбель и строго-настрого приказано никому, даже близким родственникам, не говорить, что у них была дочь.

Закончив читать Торус посмотрел на Эдирю. Она сидела как окаменевшая, лицо ее было бледным, глаза иступленно смотрели на пустую колыбель, которую им велели сжечь. Когда Торус подошел к ней, она встала, припала к нему и дрожа всем телом горько зарыдала.

Ах, если бы они только знали, что дочь их жива и здорова! Ведь жена придворного лекаря приезжала совсем не затем, чтобы заказать сорочку. Ее целью была Длама. Пока Эдиря доставала измерительную ленту и заколки из своего ларца, злодейка подошла к колыбели и незаметно капнула на губы малышке какого-то зелья. Это зелье не имело ни вкуса, ни цвета, ни запаха. И малютка проглотила его, ничего не почувствовав. А уже через несколько часов зелье начало действовать. Девочку стало подташнивать, все ее тело стало чесаться, появились боли в животике.

Разумеется, малышка могла объяснить свое состояние только громким плачем. Эдира вначале подумала, что ребенок просто проголодался. Но при попытке ее покормить стало ясно, что Дламу беспокоит вовсе не голод. Но что? Эдира не могла догадаться. Их дом находился в лесу, до ближайших соседей бежать было далеко. Торус предлагал привязать колыбель с малышкой к седлу и поехать в город, пока не зашло солнце. Но тут малышка, видимо от усталости, уснула. Родители немного успокоились. Но ночью Длама снова стала плакать и ерзать в колыбели. И только на руках она немного успокаивалась. Так они провели почти бессонную ночь, а утром жена придворного лекаря заехала под предлогом изменить заказ и забрала девочку во дворец. Уже в карете она капнула в рот девочке противоядие и потом напоила ее козьим молоком. Длама крепко уснула. Приехав во дворец, жена придворного лекаря уложила девочку в дорожную сумку и быстро прошмыгнула в покои своей племянницы придворной дамы Кирмиты. Как только девочка проснулась, жена придворного лекаря выбежала из комнаты и сообщила слуге, что приняла у придворной дамы Кирмиты роды. Вот так Длама стала Камиссой. А, ничего не подозревающий, царь Ласфадии провозгласил Кирмиту своей новой женой.

У царя Ласфадии уже был сын от первой жены, но он решил объявить конкурс среди своих молодых фавориток. Та, которая первой родит ему дочь получит титул царицы.

Жена придворного лекаря научила свою племянницу Кирмиту как угодить царю. Ведь от своего мужа, который много раз лечил царя от всяческих недугов, она знала, что царю нравится, а что нет. Таким образом Кирмита добилась некоторого преимущества и стала чаще других фавориток общаться с царем и ей удалось первой зачать ребенка от царя. Но Кирмита была очень порывистой и раздражительной. Она страстно любила всякие азартные игры и скачки верхом. Даже будучи беременной она не переставала по несколько часов в день носится верхом на лошади.

И вот, как-то раз, после очередных скачек она потеряла ребенка. Но конкуренция — это стремление к первенству. А какими средствами это первенство достигается не имеет значения. Страстных и азартных людей стремление быть лучше других толкает на всякие гадкие и подлые поступки, а не редко и на преступления. Кирмита знала, что к этому времени ещё двум фавориткам царя удалось забеременеть. И это ее просто бесило. Она просила свою тётушку достать ей смертоносного яда, чтобы отправить обеих конкуренток. Но тетушка, наотрез, отказалась. И не потому, ей не хотелось губить двух человек, а лишь потому, что смерть сразу двух фавориток царя была бы слишком подозрительна. Ее муж был не единственным придворным лекарем, и если следствием будет установлена причина смерти фавориток, то и ее мужу, и ей самой грозила бы смертная казнь. И тетушка велела Кирмите прекратить свидания с царем и подвязывать к животу подушку. Кирмита так и сделала, но не успокоилась. Однажды она увидела, как одна из ее конкуренток спускалась по лестнице, а ее служанка шла сзади. Кирмита догнала их и со всей силой толкнула конкурентку в спину. Та кубарем покатила вниз по ступенькам. А Кирмита тут же набросилась на служанку, стала избивать ее и громко бранить. На шум прибежали стражники и Кирмита, указав на служанку, сказала стражникам, что служанка хотела убить фаворитку царя. Служанка, со слезами, уверяла, что не делала этого. Но стражники верили Кирмите, потому что та была госпожой, а простую служанку не стали даже и слушать. И бедную девушку схватили и бросили в темницу. А упавшая с лестницы фаворитка получила множество ушибов и переломов и едва осталась жива. От второй своей конкурентки Кирмита решила избавиться хитростью. Она выкрала у одного гвардейца пояс и подбросила его в спальню своей конкурентки. Когда царь пришел к ней на свидание, он увидел пояс гвардейца и пришел в ярость. Он повелел немедленно найти этого гвардейца и вместе с его подружкой подвергнуть жестоким наказаниям. Все клятвы и заверения, что они даже не были

знакомы не смягчили царский гнев. Кирмита ликовала. Но избавиться от конкурентов недостаточно. Когда стал приближаться срок родов Кирмита стала беситься снова. Есть тысяча способов убить человека, но есть только один единственный способ дать человеку жизнь. Тогда тетушка, через своих служанок, разузнала о тех, в чьих семьях родились девочки. Семья Торуса и Эдиры подходила как нельзя лучше. Во-первых, их дом находился в лесу, а во-вторых, Эдира принимала заказы на пошив одежды и под этим предлогом можно было легко проникнуть в их дом. Она расспросила у своего мужа, о ядах, которые не приводят к смерти, а приводят лишь к временному отравлению, которое можно легко прекратить, приняв дозу противоядия. Дело было очень рискованным. Ведь если ребенок умрет, то и Кирмите и ей придется ответить за обман царя. И даже то обстоятельство, что она является женой придворного лекаря не спасет ее от жестокого наказания. И она решила испытать действие этого яда на одной из своих служанок, накапав ей в чашу с питьем несколько капель. Через пару часов служанка стала мучиться от болей в животе, головокружения, тошноты, ее кожа покрылась ярко красными пятнами, ее трясло и лихорадило, но тетушка не давала ей противоядие, а пичкала ее какими-то бесполезными лекарствами, которых у нее имелось множество. Через три дня служанка поправилась и без противоядия. Тогда жена придворного лекаря поняла, что можно действовать уверенно и совершила это гнусное преступление.

Кирмита, получив статус царицы, с еще большим рвением пустилась в развлечения. Даже если бы Камисса была ее собственной дочерью, она все равно не уделяла бы ей ни малейшего внимания. Тетушка со своими служанками вскармливала девочку козьим молоком, меняли пеленки, качали в колыбели. Кирмита же каждый вечер до глубокой ночи проводила за азартными играми, а днем брала в царской конюшне какую ни будь кобылицу и выезжала, якобы, на прогулку. Но выехав за пределы города, она безжалостно била в бока лошади острыми шпорами и

хлестала ее плетью. От нестерпимой боли лошадь пускалась вскачь бешеным галопом, а Кирмита надменно хохотала и продолжала подхлестывать животное. Однажды конюх сообщил Кирмите, что после прогулки с ней лошадь умерла. Однако, Кирмита лишь рассмеялась и приказала выдать ей более выносливое животное. Конюх вывел другую кобылицу и попросил Кирмиту бережнее обращаться с царскими лошадьми. В ответ Кирмита с размаху ударила конюха плетью по лицу, затем вскочила на лошадь и с силой ударила по бокам лошади шпорами. Лошадь заржала от дикой боли и с места пустилась в галоп. Горожане в страхе разбежались в стороны, чтобы не угодить под копыта неистово мчащейся, словно обезумевшей от боли лошади. Кирмита ликовала от того, что наводила страх на людей и повелевала таким сильным существом как лошадь причиняя ей боль и при этом никто не смел ее остановить, потому что она была царицей. Выехав за пределы города, она ощутила, что уже никто не страшится ее скачки. Деревья стояли на своих местах, и лишь от лёгкого дуновения ветерка их ветви шевелились, едва слышно шелестя листьями. Птицы щебетали и выводили трели, занимаясь своими делами. Пчелы и бабочки неторопливо перелетали от цветка к цветку, собирая нектар. Кирмита пришла в ярость от того, что все эти безмозглые твари не оказывают ей, царице, должного почтения. Проезжая мимо одного дерева, которое росло около дороги, Кирмита решила наказать его, за то, что это дерево выглядело, по ее мнению, независимо, и даже гордо. Она, по обыкновению, хлестнула по дереву своей плетью. Конец плети при ударе о ствол дерева несколько раз обвился вокруг ствола и Кирмита оказалась привязанной к дереву своей же плетью. А лошадь скакала дальше. Кирмита, на запястье которой была накинута ременная петля от плети, была выдернута из седла. Но нога ее застряла в стремях и Кирмита повисла, привязанная за руку к дереву, а за ногу к лошади. Лошадь, почувствовав это и будучи благоразумным существом, остановилась. Кирмита, побарахтавшись несколько минут,

плюхнулась на землю, получив вывих лодыжки и повредив локтевой сустав. Она задышалась от гнева. Вся перепачканная в дорожной пыли, она едва поднялась на ноги и стала громко орать. Она обвиняла лес и всех его обитателей в неподчинении и нанесении увечий самой царице. Она клялась, что через час вернется сюда с горящими факелами и сожжет тут все живое. Затем она, вскочила в седло и пришпорила лошадь с такой злобой, что та вместо того, чтобы пуститься вскачь, от резкой боли взбрыкнула и Кирмита, словно тряпка, вылетела из седла, и перевернувшись в воздухе, шмякнулась о то самое дерево, которое она пыталась отхлестать. Она попыталась подняться, но не смогла. Она получила ушибов и переломов не меньше, чем та фаворитка, которую она столкнула с лестницы. Лошадь, словно избавившись от чего-то мерзкого, встряхнулась, и неторопливой рысцой направилась в конюшню. Кирмита осталась лежать без движения, с искаженным от злобы и боли лицом.

Когда конюх увидел возвращающуюся лошадь без всадницы, солнце уже скрылось за горизонтом. Конюх вызвал стражников и объяснил, что царица Кирмита в три часа после полудня взяла лошадь для верховой прогулки и вот в десятом часу лошадь возвратилась без царицы. Хотя стражники и были неоднократно обижены, и унижены Кирмитой, они оседлали коней и поскакали на поиски надменной царицы.

Ее нашли только под утро. Ее тело было покусано москитами и обглодано грызунами. По ней ползали муравьи и мухи. Стражники положили Кирмиту на круп одной из лошадей и доставили в дворцовый лазарет. Разумеется, для лечения Кирмиты был назначен муж ее тетушки. Через несколько часов лекарь вышел из лазарета и попросился на прием к царю. Царь принял его, и лекарь доложил, что, не смотря на все усилия спасти Кирмиту не удалось. Надо сказать, что никаких усилий для спасения Кирмиты лекарь и не предпринимал. Более того, если бы Кирмита пошла на поправку приложил бы усилия, чтобы этого не произошло. Поскольку смерть Кирмиты была для него весьма выгодна, ведь его жену назначат

воспитательницей принцессы Камиссы и выделяют на это весьма немалое пособие. Царь, услышав сообщение о смерти Кирмиты, заметно опечалился. Но, вовсе, не смерть Кирмиты его опечалила, а необходимость принимать участие в скучной церемонии похорон. Ведь царь Ласфадии, как и большинство царей, был самодовольным, глупым и ленивым. Он не любил думать и заниматься делами. Государственные дела он полностью переложил на визирей, а сам проводил время в различных бестолковых развлечениях. Царь попросил лекаря придумать что-нибудь, чтобы только избежать похоронной церемонии. Лекарь предложил объявить, что Кирмита умерла от страшной и очень заразной болезни, и поэтому ее следовало похоронить незамедлительно и тайно. Царь, услышав, что он с такой легкостью отделается от своей взбалмошной жены, пришел в восторг и на радостях пообещал наградить лекаря орденом.

Лекарь позвал двух своих санитаров и распорядился засунуть тело Кирмиты в холщовый мешок, отвезти в западный заповедник и там закопать.

В то время, когда санитары копали могилу, мимо проезжал Торус, который был смотрителем западного заповедника. Он поинтересовался, чем занимаются санитары. Санитары сказали, что по приказу лекаря они хоронят какую-то госпожу, которая умерла от страшной и очень заразной болезни. Торус с волнением вспомнил, что год назад, возможно эти же санитары, похоронили его маленькую дочурку. Он спросил санитаров, не известно ли им место, где год назад была захоронена новорожденная девочка. Но те заверили, что не хоронили никакой девочки ни год назад, ни два, ни три. И даже если бы это делали другие санитары, то они об этом знали бы наверняка. Торус спросил санитаров, не известно ли им о судьбе больной девочки, которую доставили к придворному лекарю год назад. Но снова санитары заверили, что не было никакой больной девочки. Торус поблагодарил санитаров за сведения и, в глубокой

задумчивости, поехал дальше по своим служебным делам. Весь день он пытался понять, как получилось так, что им с женой сообщили, что их маленькая Длама умерла, а санитары сообщили, что никакая девочка не умирала. Что-то тут не так. Кто-то врет! Но зачем врать санитарам? И зачем врать жене придворного лекаря? Как ни силился думать Торус, никакого вразумительного объяснения придумать не удалось. Но у него появилась, пусть и весьма слабая, но все-таки надежда, что Длама жива. Но как сказать об этом Эдире? Бедная женщина и так настрадалась, оплакивая свою дочь, и сейчас берeditь едва зажившие раны, не имея достоверных доказательств, пожалуй, не стоило. Особенно, если учесть тот факт, что Эдира снова вынашивает под сердцем ребенка, лишние волнения ей будут ни к чему. И Торус решил, что ничего не скажет Эдире, по крайней мере, пока. Пока не узнает достоверно о судьбе их Дламы.

А Длама, которую теперь звали Камиссой росла и воспитывалась во дворце как принцесса. И про то, что Камисса, на самом деле не является дочерью царя, теперь, знала только жена придворного лекаря. А она намеревалась хранить эту тайну до могилы. Камисса была источником немалого дохода для лекаря и его жены. Поэтому они заботились о ней. Камисса получала все необходимое, кроме любви и ласки. Даже ее мнимый отец ни разу не удосужился навестить Камиссу. Царь Ласфадии проводил время в увеселительных мероприятиях, охоте и войсковых смотрах. Хотя Ласфадия и Тамерия много лет соблюдали мирный договор, царь Ласфадии мечтал к совершеннолетию своего сына собрать и вооружить многочисленное войско и, назначив своего сына главнокомандующим, послать его на захват Тамерии. Тамерия представлялась царю Ласфадии лакомым кусочком, ведь купцы из Тамерии привозили товары, качество которых значительно превосходило качество товаров Ласфадии. И царь надеялся, что, захватив Тамерию он получит власть над изготовителями этих прекрасных товаров. Ему было невдомек, что качество товаров зависит не от национальности, а от

условий и заинтересованности работников. Если из хорошего сырья, на хорошем оборудовании, хорошо обученные специалисты будут стремиться произвести хорошее изделие, то изделие получится, действительно, хорошим. Нарушение хотя бы одного из звеньев приведет к разрыву всей цепочки.

Однако, царь Ласфадии даже не задумывался об этом. Он был уверен, что главное вооружить армию тяжелым оружием, и захват других стран станет легким делом. Сам царь не умел даже держать в руках меч, не говоря уже о метании копья или стрельбе из лука. Даже на охоте за него стрелял егерь, а он отсиживался в беседке возле восточных ворот, даже не выезжая за пределы дворцовой ограды. А когда егерь приносил добычу, он возвращался во дворец и самодовольно говорил, что это он сам добыл дичь. Он проводил парады на дворцовой площади сидя на троне, который был установлен на пьедестале посреди площади, махая золотым жезлом, давая подразделениям дворцового полка команды остановиться или снова маршировать. Царь полагал, что в этом и есть тактика ведения боевых действий. Он был уверен, что война является самым доблестным занятием всех царей, королей, раджей, падишахов, фараонов, ханов, императоров и прочих повелителей.

Царь Дугрий, который, напротив, был убежден, что война является самым ужасным проявлением человеческой деятельности, ежедневно, по несколько часов, занимался оттачиванием боевых искусств, как с применением оружия, так и без такового.

Когда Ронси исполнилось полтора года Рутэния, выходя с ним на прогулку, частенько заходила на восточный двор, где Дугрий проводил тренировки вместе с гвардейцами. Ронси искренне радовался, когда отцу удавалось выходить победителем в учебных боях и плакал, когда его отец терпел поражение. Рутэния, успокаивая его, объясняла, что поражение в учебном бою является только поводом установить причину совершенных ошибок. Рутэния говорила, что папа либо сам допустил неловкое

движение, либо упустил ловкое движение своего соперника. Но, в любом случае, папа осознает это и не допустит подобную ошибку впредь. Ронси, хотя и не все понимал пока, но успокаивался и желал, чтобы папа в следующий раз непременно победил.

Однажды Ронси с мамой, как обычно, стояли у изгороди и наблюдали за тренировкой отца и дворцовых гвардейцев. Дугрий в этот раз оттачивал схватку сразу с тремя воображаемыми противниками. Но, в какой-то момент пропустил сильнейший удар, в результате которого он упал и несколько раз перевернулся, катясь по земле. Маленький Ронси не выдержал этого зрелища, вырвал ручонку из материнской руки, и с криком побежал к отцу. Дугрий, услышав крик своего сына, немедленно вскочил на ноги и резко подхватил Ронси и поднял его над головой, желая дать понять ребенку, что с ним все в порядке. Однако, Ронси закричал еще более пронзительно, а на лицо Дугрия с одежды сына стала капать кровь. Дугрий, в испуге, прижал сына к себе, спрашивая его о случившемся. Ронси, плача, показал ручонкой на левую ножку. Ножка ребенка была вся в крови. Друг Дугрия, командир гвардейцев Земфий уже бежал вместе с лекарем. Кровотечение удалось остановить и Ронси старался больше не плакать, чтобы успокоить разволновавшихся родителей. Оказалось, что, когда Дугрий катился по земле, кинжал, который Дугрий носил на поясе с правой стороны, съехал к середине и повернулся рукояткой на внешнюю сторону. А когда Дугрий поднимал Ронси, металлическое змеиное жало на набалдашнике кинжала впилося в кожу на ножке малыша и распорол ее двойной линией до самого колена. Рана была не глубокая. Лекарь сказал, что через недельку рана затянется, но скорее всего останется шрам на всю жизнь. Дугрий винил себя за то, что так нелепо пропустил удар, и так не аккуратно поднял Ронси. А Рутэния винила себя за то, что так слабо держала Ронси за ручку. Но через неделю, как и сказал лекарь, ранка стала подживать. Ронси снова стал самостоятельно ходить, а еще

через неделю он уже всю бегал и только две белых полосы на левом бедре напоминали о перенесенной травме.

После этого случая Дугрий стал брать уроки в искусстве врачевания. Ведь он, который в одиночку был способен одолеть нескольких воинов, оказался совершенно беспомощным, когда с его сыном произошел несчастный случай. Дугрию было очень стыдно, что он, взрослый мужчина, царь, муж, отец, воин, а почти ничего не знал об устройстве своего собственного тела. Он признал это важнейшее упущение в своей жизни. Беря уроки врачевания, Дугрий восхищался насколько рационально и мудро Природа устроила человека и другие живые существа. Теперь Дугрий стал осознавать значение здоровья. Ведь человек трудится для того, чтобы добыть себе пропитание. А пропитание нужно, вовсе не для получения удовольствия от вкушения пищи, а для поддержания здоровья. Человек спит, вовсе не для того, чтобы увидеть сны, а для того, чтобы отдохнуть и восстановить силы для поддержания здоровья. Человек шьет одежду, строит жилища для того, чтобы укрыться от непогоды и холода, а значит, для поддержания здоровья. Вот и выходит, что здоровье — это самое главное.

И даже царь Ласфадии понимал это. Он сам часто болел и поэтому держал при своем дворе двух придворных лекарей, в семье одного из которых и воспитывалась принцесса Камисса. Придворный лекарь, хоть и не принимал ни малейшего участия в воспитании Камиссы, не мог не удивляться тому факту, что у такой взбалмошной и психованной женщины, какой была Кирмита, и такого эмоционального и капризного мужчины, каким был царь Ласфадии, родилась такая спокойная и приветливая девочка, какой была Камисса. Разумеется, что Камисса любила и побегать, и посмеяться. Но если няньки попросят ее спокойно посидеть и поиграть с игрушками, она садилась и спокойно и увлеченно играла с игрушками, тихонько что-то бормотала и никому не досаждала. Няньки не могли на нее нарадоваться. А когда у них появлялась возможность

погулять с принцессой в саду няньки сами превращались в беззаботных маленьких девочек и вместе с Камиссой весело забавлялись, играя и бегая в саду. Однажды, играя в прятки со няньками Камисса спряталась под кустом шиповника и у самых корней заметила что-то блестящее. Камисса позвала няnek и показала им находку. Няньки, увидев находку Камиссы пришли в восторг. Это была сережка в виде грозди изумрудов в золотой оправе. Они долго любовались блеском золота и игрой световых лучей в изумрудных гранях. Без сомнения, такое украшение могла носить только весьма знатная и богатая дама. Одна из няnek предположила, что это могла быть сережка Кирмиты. Другая сказала, что если бы Кирмита потеряла сережку, то устроила бы такой переполох, что каждая бы запомнила его надолго. Тогда третья нянька предположила, что сережка была утеряна много лет назад, ведь ни золото, ни изумруды не ржавеют. И они стали поочередно прикладывать сережку к уху и изображать важных придворных дам. Это было забавно и Камисса заливалась смехом, глядя как няньки дурачатся. Однако, одна из няnek предложила продать сережку, которая должно быть стоила очень дорого. Другая предложила не продавать сразу сережку, а вынуть из нее изумруды и продавать по одному, что бы хватило на дольше. Третья нянька сказала, что часть вырученных денег нужно будет отдать Камиссе, так как именно она нашла эту сережку. Но первая нянька сказала, что Камиссе пока деньги не нужны, что у нее и так все есть, а будет еще больше. А долю Камиссы следовало бы отдать ей, так как она дольше всех из няnek прислуживает жене придворного лекаря. Вторая нянька закричала, что доля Камиссы должна бы достаться ей, так как она делает самую грязную и тяжелую работу. Третья нянька сказала, чтобы Камисса сама решила, кому отдать свою долю. Тогда первая и вторая нянька набросились на нее с криком, чтобы та и не надеялась получить долю Камиссы, так как была сиротой и считалась безродной. Третья нянька была оскорблена и высказала, что она хоть и сирота, но воспитана и обучена, а те, кто ее

называют безродной, даже не умеют читать. Тогда первые две няньки пришли в такую ярость, что вцепились бы в третью няньку, если бы малышка Камисса не приказала им замолчать и вернуть сережку. Вихрь агрессии, который вился между няньками мгновенно прекратился, и они тут же пришли в себя. Им было очень стыдно, что они вели себя столь недостойно. Камисса забрала у них сережку и положила в кармашек своего платья. Няньки стояли молча, опустив головы, а Камисса смотрела на них и не понимала, как эти взрослые девушки чуть не подрались из-за какой-то, пусть даже очень красивой, но побрякушки. Внезапно в тишине раздались громкие звуки. Камисса была очень удивлена. Она уже слышала, как мяукает кошка, как лает собака, как ржет лошадь, как шумит ветер и даже как грохочет гром. Но эти звуки не были похожи ни на один из звуков, знакомых ей, а может быть были похожи сразу на все эти звуки. Они не пугали Камиссу, как поначалу пугали ее раскаты грома. Скорее всего эти звуки наполняли Камиссу какой-то торжественной радостью. На нянек эти звуки тоже производили такое же впечатление. Несколько минут Камисса слушала, прежде чем спросить нянек, что это за звуки. Няньки сказали ей, что это музыка. Разумеется, что Камисса не имела ни малейшего понятия, что такое музыка и что является ее источником, но ей захотелось оказаться поближе к тому месту, откуда эта самая музыка доносилась. А доносилась она от северных дворцовых ворот. И это означало, что в Ласфадии объявлен всенародный праздник. Если учесть, что предыдущий всенародный праздник происходил в Ласфадии почти три года назад, как раз по случаю рождения Камиссы, и она, разумеется, не могла это помнить, то это событие было для малышки чрезвычайно интересным и завораживающим. Камисса почти побежала к северным воротам, по дороге расспрашивая у нянек, что такое праздник, и по какому поводу он объявлен. Няньки, как могли, пытались объяснить Камиссе, что праздники объявляет царь, если в государстве происходит какое-нибудь важное и радостное событие. Когда они приблизились к воротам, там уже

стояла толпа придворных, которые с интересом смотрели на закрытые ворота. Камисса обратила внимание на группу нарядных слуг, которые держали большие игрушки, из которых и неслись эти красивые звуки, которые няньки называли музыкой. Первая нянька пробежалась по своим знакомым слугам и вернулась с сообщением, что этот праздник устроен в честь приезда послов из Мугалии, которые хотят просить у царя позволения забрать принцессу Кунпалу в свою страну, чтобы она стала женой старшего сына царя Мугалии. Камисса мало что поняла, из того, что сообщила нянька. Самое главное, что Кунпалу хотят куда-то увезти и что-то там с ней сделать...

И Камисса бегом бросилась во дворец, туда, где находились покои Кунпалы. Кунпала была сводной сестрой царя Ласфадии. Она была единственной дочерью предыдущего царя Ласфадии, после смерти которого царем стал ее старший брат. Кунпала была единственным человеком, которая ласкала и нежила Камиссу, так как понимала, что та лишена материнской ласки и, как могла, пыталась восполнить этот недостаток. Соответственно и Камисса считала Кунпалу самым дорогим для себя человеком. А если кто-то хочет увезти Кунпалу, то Камисса, хоть и маленькая, но не позволит этот произвол. И вбежав в покои Кунпалы, Камисса увидела тетушку, которую причесывали служанки. Камисса подбежала к тетушке и прижавшись щекой к ее руке быстро зашептала, что Кунпалу хотят увезти куда-то далеко, но Камисса может спрятать свою любимую Кунпалу в своей комнате. Кунпала, естественно, была тронута до глубины души такой искренней заботой такого маленького существа, как Камисса. Прежде всего она с улыбкой заверила Камиссу, что никакой угрозы нет. И что она сама желает выйти замуж за Сонора, который красив как цветок. Успокоившись, Камисса решила показать свою находку Кунпале. Кунпала, увидев изумрудную сережку, очень обрадовалась. Ведь это была ее собственная сережка, которую она потеряла зимой, когда гуляла в дворцовом саду. Эту потерянную сережку

искали двадцать слуг, в течение двух дней, и не нашли, а вот Камисса, маленькая девчушка, нашла ее легко и запросто. Кунпала уже мысленно распрощалась с этой сережкой, поэтому она позвала к себе служанку и попросила ту принести вторую сережку, вместе со шкатулкой. А когда служанка исполнила просьбу, Кунпала сложила обе сережки в шкатулку и передала эту шкатулку Камиссе со словами, что дарит ей эти сережки. Кунпала заверила, что будет чувствовать тепло ручек Камиссы когда та будет вдевать по утрам в свои ушки эти сережки и вспоминать свою любимую тетюшку. Камисса нежно обняла Кунпалу, бережно положила шкатулку в кармашек и побежала к воротам, чтобы снова послушать эти чудесные звуки музыки. В воздухе уже витали ароматы всяческих вкусных блюд, которые готовились в дворцовых кухнях. Камисса была просто счастлива за свою Кунпалу, которая скоро поедет в далекую и прекрасную страну, где ее ждет любящий принц. И вот ворота распахнулись и на царский двор въехали пышно украшенные кареты, запряженные красивыми и столь же пышно украшенными лошадьми. Мугальские послы, также выглядели очень парадно и торжественно. Камисса уже и думать забыла про своих нянек, которые металась по двору в поисках подопечной. Ведь если с Камиссой что-нибудь случится, то им несдобровать.

А в это время в столице Тамерии кареты, выехали с царского двора. В средней карете ехал царь Дугрий, царица Рутэния и принц Ронси. В двух других каретах ехали гвардейцы, которые были свитой и охраной царской семьи. Неделю назад Дугрий получил письмо от царя Пэрока, в котором тот сообщал, что его сын Сонор недавно ездил с официальным визитом в Ласфадию, где познакомился с очаровательной девушкой, которую полюбил всей душой. Сонор обратился к царю Ласфадии с просьбой отдать ему в жены прекрасную Кунпалу. И царь дал согласие на брак своей сводной сестры и мугальского принца. Счастливый принц вернулся на Родину и почтенно просил родителей благословить его выбор. И вот

Пэрок отправил послов в Ласфадию и приглашение Дугрию прибыть в день, запланированный для свадьбы, вместе с семьей, которых они очень хотели бы увидеть. Дугрий сам еще не был в Мугалии, Рутэния очень соскучилась по родине, а маленький Ронси вообще еще не видел дедушку Пэрока и бабушку Бирсэнэ, не говоря уже о дяде Соноре и дяде Боллу, которому еще не было и шестнадцати лет. Поэтому все трое пребывали в радостном настроении предвкушая скорую встречу с родными людьми. А вот Земфий, который был командиром дворцовых гвардейцев, близким другом Дугрия, сыном главного визиря, двадцатипятилетним красавчиком, любимцем всех дворцовых и не только дворцовых девушек пришлось почти поссориться со своим отцом, чтобы тот отпустил его в поездку вместе с Дугрием. Главный визирь выдумывал какие-то нелепые причины, чтобы Земфий отказался от поездки, но молодому красавцу натерпелось оценить прелести мугальских девушек и вряд ли что-то могло удержать его от этого намерения. В конце концов главный визирь сдался. Земфий был рад, что не расстанется со своим царем и другом.

Кареты ехали неспешно, дабы не утомляться дорогой. Ронси с любопытством рассматривал места, мимо которых они проезжали, восхищался широтой полей и многочисленностью пасущихся стад животных. В каждом селе, где останавливались кареты, люди просили подольше погостить у них. И не только потому, что это была царская семья, но и просто ради радости гостеприимства. Люди в Тамерии жили сытно и вольно, они работали охотно и не утруждаясь, получая благодатные результаты своей деятельности. Даже ворчливые старики говорили, что тамеры никогда еще не жили так хорошо, как при Дугрии.

Когда до Мугалии оставалось около двух дней пути, их путь пролегал мимо горного хребта, который разделял Тамерию и Ласфадию. Дороги в горах были довольно узкие и первая карета сначала проезжала на пол полета стрелы вперед, чтобы проверить безопасность пути от горных обвалов. Остальные кареты ожидали сигнала о том, что можно спокойно

проезжать до них и, получая такой сигнал, двигались дальше. Но вдруг, кучер, управлявший царской каретой, заметил, что один из гвардейцев из первой кареты сигналил об опасности. Он, немедленно, доложил об этом Дугрию. Дугрий сразу же дал команду гвардейцам, ехавшим в третьей карете, пересест в царскую карету, а Рутэнии с Ронси пересест в третью карету и развернуться. Один из гвардейцев первой кареты, отстегнув от упряжи лошадь и сев на нее верхом, примчался к ожидающим и сообщил им, что экипаж первой кареты заметил впереди поваленное поперек дороги большое дерево, хотя следов горного обвала не замечено. Дугрий и гвардейцы сразу же сообразили, что так обычно поступают разбойники перед нападением на торговый караван. Однако, как было доподлинно известно, все разбойники в Тамерии давно были пойманы и отбывали различные сроки на каторге, а работать и торговать честно теперь было гораздо выгоднее и безопаснее, чем грабить и воровать.

Через минуту прискакал второй гвардеец и сообщил, что на них напали мугальские солдаты. Сообщив это, гвардеец вывалился из седла и рухнул на дорогу. В спине у него торчала вражеская стрела.

Дугрий, незамедлительно, приказал кучеру третьей кареты ехать назад и повернуть на дорогу, которая вела в Ласфадию. Дугрий полагал, что мугальские солдаты не посмеют атаковать их на территории Ласфадии, ибо близилась свадьба мугальского принца и ласфадийской принцессы и любой конфликт на территории Ласфадии грозил бы солдатам большими неприятностями.

Едва карета с царицей и принцем отъехала, как раздался разбойничий посвист и поток стрел полетел в сторону Дугрия и его гвардейцев. Они вовремя успели укрыться за каретой, которая, в мгновение, покрылась вражескими стрелами, словно щетиной. Когда у врагов иссяк запас стрел, они решили атаковать. Их было около двадцати. А гвардейцев, вместе с Дугрием всего лишь пятеро. В неравном бою трое гвардейцев погибли,

уложив с десятков врагов, а Дугрий и Земфий встав спиной к спине сражались с оставшимися врагами. Через десять минут все враги были повержены. Дугрий и Земфий решили осмотреть место боя. Земфий первым заметил, что сабли, в руках, поверженных мугальских солдат вовсе не мугальские, а тамерские. Он сразу же сообщил об этом Дугрию. Царь поднял одну из валявшихся сабель, чтобы получше рассмотреть, но вдруг Земфий громко окликнул его и Дугрий увидел Земфия, падающего навзничь. Дугрий подхватил его сзади, чтобы тот не ударился при падении. Сначала Дугрий подумал, что Земфий просто поскользнулся, но Земфий продолжал сползать вниз. С ужасом Дугрий увидел, что из груди у его друга торчит рукоять кинжала. Дугрий медленно уложил Земфия, но понял, что спасти жизнь друга ему не удастся. Земфий тоже понял, что наступила его последняя минута. Он собрался с силами и высказал Дугрию, что на них напали не мугальские солдаты, да и вообще не солдаты. Земфий говорил, что их предали и просил Дугрия остаться в живых и отомстить предателям, кем бы они не оказались, за всех погибших в этом неравном и нелепом бою гвардейцев. Дугрий поклялся, найти и наказать предателей. Голос Дугрия прерывался от подступающих к горлу рыданий. Он прижимал голову Земфия к своей груди, как-бы не желая отдавать его. Земфий был младше Дугрия всего на два года. Они вместе росли и играли. Земфий был для Дугрия как младший брат. И вот, совершенно неожиданно, когда они ехали, чтобы веселиться на свадьбе, на них вдруг напали и перебили почти всех. А Земфий заслонил грудью своего царя и друга и теперь умирал в самом расцвете лет. Это было невыносимо осознавать! Однако, Земфий заверил Дугрия, что ему совсем не обидно умирать. Он сказал, что, хотя его жизнь оказалась такой короткой, но прожил он ярко и честно, и потому ему сейчас совсем не больно и легко. Земфий посмотрел в глаза Дугрию и улыбнулся лучистой, по-детски искренней улыбкой. Затем закрыл глаза и повернул голову на бок, словно уснул. Дугрий стиснул зубы, чтобы не разрыдаться. Он

бережно опустил голову Земфия на землю и поднялся, чтобы исполнить клятву, данную другу. Он увидел в нескольких шагах труп врага, но под ним была настолько обширная лужа крови, что едва ли он мог метнуть кинжал с такой силой. А вот немного поодаль о него, ничком лежало тело в форме мугальского офицера. Очевидно, что это и был командир нападавших. И судя по незначительному количеству крови вокруг него, он был только ранен. Дугрий в несколько прыжков оказался над ним и ногой резко перевернул тело на спину и, приставив лезвие сабли к горлу офицера, сказал по мугальски, что за смерть своего друга он порежет его на мелкие куски. Офицер затараторил на чистом тамерском языке, что не понимает ни слова. Земфий всегда был прозорливым и был командиром царских гвардейцев, вовсе не потому, что был сыном главного визиря и другом Дугрия, а именно за свои способности соображать быстро и правильно. И вот такой прекрасный человек пал от кинжала, который так подло кинул этот мерзавец. Дугрий повторил свою угрозу уже на тамерском языке. Мерзавец задрожал всем телом и стал умолять убить его быстро. Дугрий потребовал сообщить цели и обстоятельства нападения, и если информация будет полной и достоверной, то убьет негодяя быстро. Мерзавец поведал, что он и его поделельники вовсе не солдаты, а разбойники, которым смертная казнь была заменена на пожизненную каторгу. Сам министр внутренних дел приказал доставить к нему с каторги самых отъявленных головорезов и обещал им освобождение и большую денежную награду за смерть царской семьи и их сопровождающих. Потом мерзавец сообщил, что его, как бывшего атамана разбойников назначили командиром всей банды, а затем его лично вызывали из камеры, где их держали, и с ним говорил сам главный визирь, который пообещал заплатить в три раза больше, если атаман доставит главному визирю голову Дугрия и пленного командира гвардейцев. На следующий день к ним в камеру приходил министр финансов, который им выдал дорожную одежду, в которой обычно

путешествовали купцы и сказал, что для всех они теперь купцы, которые едут в Мугалию и везут образцы одежды для мугальских солдат. Так, дескать, велела царица Рутэния. Затем министр финансов раздал им деньги на дорожные расходы и сказал, чтобы нападение было совершено после того, как они переоденутся в форму мугальских солдат. Место для нападения им предоставлялось выбрать самим, но при условии, что это место должно близко к границе с Мугалией. Ночью их тайком вывели из города, отвели к какой-то роще, возле которой паслись лошади. Седла, сбруя, сабли, луки и стрелы были припрятаны в роще. Так на два дня раньше царской семьи бандиты выехали, чтобы подготовить нападение на них. Но даже ни внезапность нападения, ни явное численное преимущество бандитов не помогли мерзавцам. Дугрий и его гвардейцы были исполнены силы и отваги, умения и ловкости, но самое главное они были ответственны друг за друга. И это явилось главным фактором их победы. Несмотря на то, что весь отряд гвардейцев, включая командира, пал в этом неравном бою, царская семья была достойно защищена, а банда полностью уничтожена. Даже атаману, который вначале предполагал, что ему не нужно будет вступать в схватку с гвардейцами, пришлось самому участвовать в бою и получить серьезное ранение. Он, конечно же планировал в дальнейшем перебить своих, оставшихся в живых, подельников, чтобы самому завладеть обещанной наградой, но ему это не удалось. Ему оставалось лишь метнуть кинжал в Дугрия, а затем, притворившись мертвым, поджидать момент, когда командир гвардейцев от усталости где-нибудь присядет и задремлет, и тогда накинуть на него веревочную петлю, связать и взять в плен. Но и тут мерзавец потерпел неудачу, так как командир гвардейцев грудью закрыл Дугрия от летящей смерти, а потом Дугрий обнаружил его. Дугрий потребовал от атамана подробную информацию о том, как он планировал получить вознаграждение в случае успешного нападения. После того, как бандит все рассказал, Дугрий, как и обещал, прикончил его быстро.

Дугрий сожалел, что своим указом, он заменил смертную казнь на пожизненную каторгу. Все-таки убийцы и насильники не имеют права жить и дышать. Впрочем, куда хуже, если более мерзкие преступники находятся в правительстве.

Теперь, нужно было догнать карету с Рутэнией и Ронси и потом уже спланировать дальнейшие действия. Дугрий срубил саблей стрелы, которыми была унижена карета, сел на место кучера, и развернув повозку, тронул лошадей по пути, которым повезли его жену и сына. Сразу за поворотом в Ласфадию Дугрий заметил валявшегося на дороге гвардейца. Дугрий остановил лошадей, и спрыгнув с повозки, подбежал к нему. Гвардеец был мертв, его шея была пронизана стрелой. Очевидно, что бандиты выпустили стрелу в момент отъезда кареты. Гвардеец сколько мог держался, и едва сумев повернуть карету в сторону Ласфадии, замертво свалился с повозки. Дугрия охватила тревога. Он вскочил в повозку и пустил лошадей вскачь. Дорога в Ласфадию была узкой, так как находилась на склоне горы и имела множество поворотов, подъемов и спусков, как и всякая другая дорога в горной местности. Тревога Дугрия усилилась, когда возле одного из валунов он увидел отвалившееся от кареты колесо. После этого валуна дорога имела резкий поворот. И едва проехав этот поворот Дугрий увидел разбитую в щепы карету, а чуть впереди лежащее на самом краю пропасти тело женщины, в которой Дугрий сразу же опознал свою жену Рутэнию. Он остановил свою карету и, спрыгнув на дорогу, метнулся к жене. Она была без сознания, но крови не было. Дугрий оттащил ее от края пропасти, уложил на бок. Затем сорвал с себя плащ, свернул его и подложил под голову Рутэнии. Теперь нужно было найти Ронси. Но его не было видно. Если они вместе с матерью были выброшены из кареты, то и должны были находиться рядом. Дугрий посмотрел вниз, с того места, где лежала Рутэния, и к своему ужасу, увидел на сосенке, росшей над обрывом, плащ Ронси. Внизу шумела своими бурными водами река Зуэр. Было очевидно,

что Ронси выпал вместе с матерью из разбившейся кареты и, упав в пропасть, был поглощен стремительными водами реки Зуэр. У Дугрия подкосились колени. В одночасье он потерял и друга, и сына. Возможно ли такое пережить? И как такое пережить? И зачем такое пережить? Зачем теперь ему жить? Ради чего? Ради кого? Но мысли четко продиктовали ему ответ. Нужно спасти Рутэнию и отомстить за жизнь Земфия и всех погибших. Эти мысли укрепили Дугрия. Он глубоко вздохнул, поднялся и направился к Рутэнии. Он поднял ее и бережно уложил в карету. Укладывая Рутэнию Дугрий ощутил кроме сердцебиения Рутэнии еще какие-то ритмы. И тогда он понял, что спасает не только Рутэнию, а еще и нового, пока еще не рожденного человечка. Дугрий, аккуратно развернул карету и неспешно направил лошадей в ближайшее тамерское село.

Приехав в село, мимо которого они проехали утром, Дугрий созвал крестьян и рассказал обо всем, что произошло. Селяне были потрясены. Молодые крестьяне, вызвались помочь. Тогда Дугрий сказал, чтобы несколько крестьян поехали к месту нападения и захоронили гвардейцев, а бандитов в форме мугальских солдат скормили волкам и воронам. Рутэния пришла в себя, и, естественно, первым делом спросила, где Ронси. Дугрий решил не волновать ее и сказал, что их сына повезли в Ласфадию. Рутэния успокоилась и снова погрузилась в забытие. Дугрий, знавший начальную медицину, дал крестьянам рекомендации о том, как нужно ухаживать за Рутэнией. Крестьяне заверили своего царя, что в точности исполнят все его указания. Дугрий купил у крестьян запас еды и питья, и, не смотря на уговоры селян остаться, хотя бы, на ночь, решил немедленно возвращаться в столицу. Ибо, медлить было нельзя. Двое молодых крестьян просились взять их в помощники и клялись служить своему царю верой и правдой. Дугрий предупредил их, что в этом случае они, так же, как и он рискуют жизнью, ибо для министров-предателей они

хороши только в мертвом виде. Крестьяне заверили, что не пожалеют своих жизней ради торжества справедливости.

На закате солнца карета с Дугрием и двумя крестьянами выехала из села и направилась в столицу Тамерии, чтобы царь Дугрий успел предотвратить государственный переворот.

Они ехали, практически без остановок, при каждом удобном случае меняя лошадей, и сменяли друг друга не месте кучера. И уже через четыре дня они подъехали к столице. Уже сгущались сумерки и Дугрий, памятуя рассказ атамана разбойников, послал одного из сопровождающих его крестьян с условным знаком для главного визиря. Главный визирь не спал, с трепетом ожидая результатов проведенного нападения. По его расчетам, бандиты должны были легко перестрелять всех, кроме его единственного сына, которого надлежало взять в плен. После чего бандиты, во главе со своим атаманом, через четыре дня успеют вернуться в столицу и доставить голову Дугрия и пленного Земфия. Конечно же главный визирь и не собирался платить бандитам, а после исполнения задания всех их планировалось поубивать. И вот стражник доложил, что некий пришелец передал условный знак для главного визиря. Главный визирь пришел в волнение и передал страже, чтобы те пропустили пришельцев.

Пришельцы попросили принять их в дворцовой беседке, как и было оговорено заранее. Когда Дугрий со своими спутниками проходили к беседке, Дугрий заметил, как несколько охранников затаились в растущих возле беседки кустах. Дугрий понимал, что по одному, едва заметному, знаку визиря охранники в одну секунду накинутся и перережут горло пришельцам, даже не разбираясь, кто это. Поэтому следовало вести себя крайне осторожно и осмотрительно. И если Дугрий это понимал, то его спутники, хотя и были искренне преданы своему царю, но не могли знать тонкостей охранного дела. Дугрий был ответственен не только за свою, но и за их жизни. Тогда Дугрий велел понарошку обмотать веревкой

одного из крестьян, того, кто немного походил на Земфия, а другому крестьянину велел все время держать кинжал у горла мнимого пленного, и что бы ни происходило сохранять молчание. Крестьяне были людьми исполнительными и делали все в точном соответствии с указаниями Дугрия. Главный визирь нервничал и постоянно спрашивал пришельцев об исполнении нападения. Но Дугрий и его спутники молчали. Наконец, главный визирь не выдержал и громко спросил, где голова Дугрия. Словно эхо этого вопроса, Дугрий услышал ропот гвардейцев и понял, что те не участвовали в заговоре, а просто исполняли приказ главного визиря. Тогда Дугрий запалил заранее приготовленный факел и громко объявил, что голова царя на месте, и его гвардейцы тоже на месте. Затем Дугрий подал сигнал гвардейцам и те вышли из укрытия и построились возле своего царя. Дугрий объявил главного визиря предателем и приказал схватить его. Когда главный визирь был помещен в тюремную камеру, Дугрий решил лично допросить его.

Дугрий пояснил, что ему совершенно ясны цели этого переворота, уничтожить царскую семью и развязать новую войну с Мугалией. Но каковы были мотивы? За те, неполные пять лет, в течение которых Дугрий правил страной, у всех министров существенно увеличились доходы, а главный визирь сумел оплатить строительство своего нового дворца, который был настолько роскошен, что многие вельможи отказывались верить, что видят этот дворец наяву, а не во сне. А сам главный визирь стал менять наряды и украшения гораздо чаще, чем любая дворцовая модница.

Выслушав вопрос Дугрия, главный визирь оскалился и злобно начал тараторить. Он припомнил случай, когда Дугрий наложил на него штраф, за то, что тот жестоко избил проходную горожанку, которая шла, выпрямив спину и подняв голову. Конечно, визирю было очень жалко тех денег, которые он потратил на уплату штрафа, но гораздо хуже было то, что Дугрий запретил вельможам без причин избивать простых людей.

Простые люди вскоре почувствовали, что их право на неприкосновенность защищено. Главный визирь закричал о том, как ему противно, что простые люди больше не трепещут в присутствии вельмож, а некоторые даже позволяют себе улыбаться! Как можно повелевать людьми, если они не боятся?

Дугрий с презрением, молча выслушивал весь этот старческий бред. А главный визирь продолжал. Он заявил, что жена Дугрия совершила государственное преступление тем, что способствовала открытию школ и библиотек. Очень быстро простые люди обучились чтению, письму, счету. А ведь этого уже достаточно, чтобы познавать любые другие науки. Главный визирь снова перешел на крик. Он орал, что наместники все, как один жаловались, что стало уже невозможно обманывать простых людей, ибо они теперь стали грамотными.

Потом главный визирь заявил, что не может радоваться своему шикарному дворцу, потому теперь простые люди больше не ютятся в хлипких лачугах, а строят себе, пусть не шикарные, но прочные и удобные дома. Они больше не надрывают жилы ради жалкой похлебки, а работают с удовольствием и усердием, получая радость и обильные плоды своей деятельности. Основная догма власти, что все не могут жить хорошо! Только богатые могут жить в роскоши! А бедные созданы лишь для того, чтобы, не жалея собственной жизни и жизни своих родных и близких обеспечивать роскошную жизнь богатым! И это незыблемо! И этого не изменить! И так было! И так есть! И так будет! И только смерть может избавить бедняков от тяжелых мучений!

Но что твориться теперь? Все живут хорошо! Все едят досыта! Все носят опрятную одежду и строят уютные жилища! Все доверяют друг другу! Никто не обманывает! Никто не ворует!

И это все произошло менее, чем за пять лет! Что теперь может заставить простых людей поверить, что они созданы для мучений ради наслаждения богатых? Только большая беда! А такой большой бедой

может быть только война! Ведь на войне почти все простые люди готовы пожертвовать собственной жизнью ради спасения Родины! А когда они снова привыкнуть к жертвенности, уже можно заменить служение Родине на служение высшему сословию...

В итоге, бывший главный визирь обвинил Дугрия, что тот сломал сразу три основных орудия государственной власти, которые сформулировали древние философы: страх, неграмотность и обреченность. И какой же он после этого повелитель?

Главный визирь задыхался от злобы, которую таил в себе, и которая не давала ему спокойно жить и наслаждаться жизнью. Когда же он выдохся, Дугрий заговорил. Во-первых, он пояснил, что является правителем, но не повелителем. Во-вторых, он не собирается соблюдать догмы древних, но не добрых философов, ибо государство — это такая общность людей, когда каждый заботится о всеобщем и все общество заботится о каждом. А в-третьих, стремление жить хорошо — это нормальная потребность каждого нормального человека, а вот стремление жить лучше других — это проявление зависти и надменности, которые свойственны мерзавцам. Главный визирь понял, что все философские гипотезы о государстве являются трухлявыми мифами, как в теории, так и на практике. Он упал перед Дугрием на колени и стал умолять пощадить его, учитывая его прежние заслуги перед государством.

Однако, Дугрий заявил, что за все свои прежние заслуги главный визирь уже был щедро вознагражден, и разве могут все вкусные продукты, которые были положены в блюдо при его приготовлении, обезвредить яд, которые был положен в блюдо при его подаче?

Главный визирь пожаловался Дугрию, что во всем виновны министр финансов и министр внутренних дел, которые сами придумали этот зловещий заговор и втянули его несмотря на то, что он отговаривал их. Дугрий не мог скрыть своего презрения к этому опустившемуся человеку, которого он, до недавних событий, уважал и прощал многое.

Главный визирь сник и заявил свое право пожилого человека на бескровную казнь. Дугрий развернулся к двери и уже не глядя на главного визиря сказал, что в его государстве соблюдаются права всех, даже таких мерзавцев, каким оказался главный визирь.

Перед сном Дугрий думал о том, как сделать так, чтобы главный визирь был наказан достойно своему преступлению. Ведь он был повинен в смерти нескольких человек, а просил для себя всего одну, да и то бескровную смерть.

Утром Дугрий вызвал дворцовых распорядителей и дал им задание. А когда они доложили, что задание выполнено, Дугрий объявил сбор правительства Тамерии для казни государственных преступников.

Когда все визири-министры и советники собрались на главной площади, Дугрий объявил, что, теперь уже, бывший главный визирь заявил о своем праве на бескровную казнь и царь обязан соблюдать это право. Поэтому казнь будет проходить в другом месте. Из камеры вывели, связанного от пояса до локтей, бывшего главного визиря. Его повели под конвоем к южным дворцовым воротам. Все направились за ним. Бывший главный визирь шел и оглядывался на сопровождающих. Он искал глазами своего сына Земфия, но не мог увидеть. Бывший главный визирь был уверен, что ночью в беседке видел именно Земфия. Зная, что Земфий честолюбив и предан Родине и царю, бывший главный визирь предполагал, что Земфий отрекся от него. Но неужели, он не желает проститься с ним даже в день казни?

У южных ворот стояла колесная платформа с установленным на ней погрузочным краном. Увидев острый крюк, свисавший со стрелы крана, бывший главный визирь испугался, подумав, что его подвешат на этом крюке за горло. Он снова стал вопить, что просит исполнить казнь бескровно. Все обратили взоры к Дугрию, который сказал, что казнь будет бескровной, и более того, ему не причинят и боли. Дворцовые министры

недоуменно переглянулись, ведь они не понимали, как можно совершить казнь не причиняя боли.

По команде Дугрия рабочие, обслуживающие казнь, соорудили из конца веревки, которой был связан бывший главный визирь, огон и зацепили его на крюк. Затем они накрутили лебедку, и бывший главный визирь повис на высоте роста двух человек. Ворота открыли и рабочие вывезли платформу за пределы двора. Вся процессия двинулась следом. Бывший главный визирь, который всегда смотрел на других «с висока», теперь, действительно, смотрел на других с висока, но как же унизительно он выглядел!

Пройдя около пятисот шагов, платформа остановилась и рабочий открыл крышку люка городской канализации. В воздухе разнеслась вонь. Присутствующие стали морщиться и закрывать носы. Только Дугрий стоял с неподвижно суровым лицом. Он произнес имя первого, погибшего при нападении, гвардейца и объявил бывшего главного визиря виновным в его смерти. Рабочие скрутили лебедку, и бывший главный визирь был опущен в канал с нечистотами. Все затихли. Они поняли, как бескровно и безболезненно можно казнить мерзавцев.

Прошло чуть более минуты и Дугрий приказал рабочим накручивать лебедку. Когда над люком показалась голова бывшего главного визиря они остановились. Бывший главный визирь стал инстинктивно глотать воздух вместе с каплями нечистот, которые стекали по его лицу. Придя в сознание, он понял, что, еще жив. В его мыслях мелькнула надежда на то, что Дугрий решил все-таки помиловать отца своего друга или может быть Земфий упротил царя оставить отцу жизнь. Так же думали и все собравшиеся. Но Дугрий произнес имя второго погибшего гвардейца и снова объявил бывшего главного визиря виновным в его смерти. Рабочие снова скрутили лебедку, и бывший главный визирь снова был опущен в канал с нечистотами.

Вытащенный снова бывший главный визирь вопил и умолял казнить его окончательно, пусть даже отрубив голову, но Дугрий невозмутимо произнес имя третьего погибшего гвардейца и опять объявил бывшего главного визиря виновным в его смерти. Бывший главный визирь уже наглотался нечистот, его тошнило и трясло, но Дугрий невозмутимо и монотонно повторял эти процедуры пять раз. После пятого вытаскивания Дугрий долго держал паузу, чтобы бывший главный визирь очухался и отдышался. Затем он подробно рассказал о подвиге, который совершил Земфий защищая жизнь своего царя. Услышав это, бывший главный визирь издал страшный вопль. Так может вопить только человек, которому были доступны все мыслимые блага этого прекрасного мира, но который нещадно бросил их, включая самое дорогое, в жертву бредовой теории абсолютной власти.

Дугрий разрубил огонь и бывший главный визирь плюхнулся в люк, где был безвозвратно поглощен густыми массами нечистот.

Все присутствующие были поражены увиденным и услышанным. И всем не терпелось побыстрее уйти. Но Дугрий продолжал стоять рядом с платформой. Потом он подал знак и рабочие увезли платформу. Все с облегчением выдохнули, надеясь на скорое закрытие этого драматического мероприятия.

Но Дугрий спросил, обращаясь к министрам и советникам, не полагают ли они, что бывший главный визирь был настолько предан своему делу, что не выдал своих сообщников?

Тут же министр финансов и министр внутренних дел упали на колени и стали биться лбом о землю, заверяя, что главный визирь оговорил их. Этим они и сами себя выдали, но Дугрий знал об их предательстве и без этого. Предатели-министры, видя, что Дугрий не принимает эти заверения, стали клясться, что главный визирь заставил их готовить государственный переворот, а они не могли ничего поделать, так как царь был уже далеко от столицы. Дугрий с презрением поправил их показания,

сообщив, что банда, которую те снарядили для убийства царской семьи, выехала из столицы на два дня раньше, чем царская семья и их сопровождающие.

После этого предатели-министры задрожали всем телом и умоляли о пощаде. Они ведь полагали, что казнь главного визиря все и закончится. И вот уже, когда они уверовали, что их уже никто не разоблачит, и собирались разойтись по своим кабинетам, Дугрий прихватил их, как рысь из засады хватает зазевавшихся баранов. В течение нескольких минут они скулили и визжали, умоляя о пощаде, но Дугрий молчал и стоял неподвижно, ничем не показывая, какое решение он примет.

Наконец, он подал знак, и гвардейцы накинули на предателей-министров мешки и завязали. Предатели глухо кричали, снова моля о пощаде, но через минуту они были брошены вниз головой в вонючую жижу, вслед за своим идейным вдохновителем.

Их семьи будут лишены всякого имущества и будут вывезены в незаселенные земли на севере Тамерии, где им надлежит выбрать одно из двух: либо трудиться и выживать в суровых условиях, либо остаться чопорными аристократами и стать быстрой и легкой жертвой падальщиков. Только супруга бывшего главного визиря будет оставлена при дворе.. Ведь она была матерью Земфия и именно она воспитала сына честным, преданным и самоотверженным человеком. Настоящим героем! Дугрий распорядился оказывать ей почести пожизненно, хотя бедная женщина едва ли в них нуждалась после всего произошедшего.

Клятва, данная незабвенному другу была исполнена, дело о государственном перевороте было закрыто и Дугрию оставалось только ехать за своей женой Рутэнией, которая, как надеялся Дугрий, должна поправляться. Передав управление страной, совместно, своей матушке и министру обороны, Дугрий распорядился собрать кареты, и выехать еще до заката. Те два деревенских парня, которые сопровождали Дугрия и четко выполняли все поручения царя, были достойны того, чтобы быть

принятыми на службу к царю. Они, конечно же, еще не владели боевыми искусствами, но были трудолюбивы и упорны. А боевым искусствам их можно обучить. Кроме того, помимо умения владеть оружием, царским помощникам требовались и другие навыки, коими эти парни обладали. Например, они умели приготовить пищу быстро и вкусно. Это Дугрий заметил еще по дороге в столицу. Благодаря этому они почти не теряли времени на приготовление пищи и успели в столицу к назначенному часу. Есть помощники, которым стоит только назвать цель, и они сами найдут пути достижения этой цели. А есть помощники, которым не нужно называть цель, а нужно четко указать что и когда они должны делать. и цель будет достигнута. Значит нужны и первые и вторые. Главное, чтобы поручающий правильно определил, кто с каким делом справиться лучше. Первым стоит поручать дела, при исполнении которых могут появиться непредвиденные обстоятельства, и нужно быстро и адекватно отреагировать на эти обстоятельства, а вторым стоит поручать дела, где следует четко и в точности соблюдать все инструкции, даже не смотря на непредвиденные обстоятельства.

Так думал Дугрий глядя на багровеющий закат, когда они отъехали от столицы довольно далеко. Он старался не думать о том, как скажет Рутэнии про Ронси. Ведь Рутэния надеется, что Ронси в Ласфадии и попросит ехать туда немедленно. Рано или поздно, но придется ей сказать про то, что они потеряли Ронси..

На исходе пятого дня пути, они уже подъезжали к тому селению. Деревенские мальчишки, издали заметив приближающиеся кареты, громкими криками оповестили жителей о скором приезде царских экипажей. Пастухи уже вернулись с пастбищ, а до вечерней дойки оставалось достаточно времени. Поэтому у крестьян была возможность всем селом выйти на дорогу, чтобы поприветствовать своего царя и его сопровождающих. Среди них была и Рутэния. Дугрий издали заметил милые сердцу черты и, спрыгнув из кареты, побежал, чтобы поскорее

обнять свою любимую жену. Рутэния прильнула к его груди. Эта разлука, в десять дней, показалась им длительным испытанием. И вот, наконец, они снова вместе. Дугрий нежно прижимал Рутэнию к груди, но сам был в напряжении. Рутэния почувствовала это и догадалась о причинах этого напряжения. И тогда она сказала мужу, что сама ездила на то место и сама видела дорожный плащик Ронси, который повис на сосенке, растущей над ущельем. Крестьяне, которые ее сопровождали, предлагали привязать к длинной веревке крючки и достать плащик, но Рутэния отказалась. Плащик Ронси будет ей постоянно напоминать об этих драматических событиях, а выбросить его она не сможет. Так пусть плащик останется на этой сосенке.

Ах, если бы они только знали, что эта сосенка не напрасно взяла плащик у Ронси. Ведь, взамен, она отдала ему свою веточку, на которой Ронси плавно упал в горную речку, и, державшись за эту веточку изо всех своих детских силенок, смог, почти без ушибов, сплавиться вниз до самой долины. С двухлетнего возраста Ронси умел плавать. Но разве спокойные воды озера Синри или теплые воды дворцового бассейна могли сравниться с водами, которые еще недавно спали в леднике на вершине горы, и вот оттаяв, наконец освободились, и с неистовым рвением ринулись вниз, к подножью горы, чтобы там согреться жаркими лучами солнца и насладиться спокойствием плавного течения.

И вот когда Ронси на своей спасительной веточке достиг долины, где бурливая река Зуэр разливается широко и спокойно, его заметила овчарка Корда. Она громко залаяла, призывая своего мужа Дола и пастуха Флута. Пастух Флут подбежал к реке и увидел маленького человечка, который благодаря тому, что держался за сосновую ветку, держался на плаву. Флут дал знак, и Дол мгновенно бросился в воду и через несколько секунд уже ухватил зубами веточку и отбуксировал ее к берегу, вместе с перепуганным Ронси. Дол вытащил ветку на отмель, и, виляя хвостом, оставил ее у ног хозяина.

Флут снял мальчика с ветви и поставил на ноги. Ронси не мог самостоятельно держаться на ногах от испуга и переохлаждения. Флут стянул с него мокрую одежду, снял сапожки и обтер Ронси своей меховой шапкой. После этого Ронси затрясся всем телом и громко заплакал. Флут на это только улыбнулся. Он скинул свою пастушью накидку и расстелил ее на берегу. Затем положил на нее Ронси и позвал собак. Овчарки легли рядом по бокам Ронси, причем Корда нежно облизывала заплаканное лицо мальчика. Когда Ронси видел сторожевых собак во дворце, и, особенно, когда слышал их рычание и лай, они казались ему страшными и свирепыми чудовищами. Но теперь, Ронси с радостью понял, какие это умные и приветливые существа. Ему было так приятно согреться теплом, которое дарили ему собаки. Да и сами собаки, тоже, наслаждались прохладой, исходящей от Ронси.

Через несколько минут губы Ронси уже не были бледно фиолетовыми, а еще через несколько минут на щеках появился нежный румянец. Когда Флут понял, что Ронси достаточно согрелся, он снял с себя жилет и одел его на Ронси. Жилет был мешковат, и Флут подвязал его шнуром, чтобы Ронси было удобно двигаться в нем. Потом Флут повел Ронси на луг, где росли одуванчики. Флут сорвал одуванчик и поднес его к лицу Ронси и велел подуть. Однако, Ронси не понимал ласфадйского языка. Тогда Флут сам подул на одуванчик и пушистые "зонтики" разлетелись по воздуху. Флут сорвал еще одуванчик и снова поднес к лицу Ронси. Мальчик подул и часть "зонтиков" разлетелась, но часть осталась. Ронси подул снова и все остальные семена отправились в путешествие. Это очень позабавило Ронси и он звонко засмеялся. Затем он сам сорвал одуванчик и сдул с него семена. Затем снова и снова. Флут был очень доволен, ведь это была не просто забава. Таким образом Ронси разгонял кровь в легких после переохлаждения. Когда процесс обдувается одуванчиков стал утомлять малыша, Флут взял палочку и забросил ее. Корда тут же бросилась за ней и через несколько секунд возвратила палочку пастуху.

Флут вручил палочку мальчику. Ронси бросил палочку, но она упала всего лишь в трёх шагах от него. Тем не менее, Корда прыгнула, подхватила палочку, и вернула ее Ронси. Следующий заброс палочки получился более удачным и на этот раз палочку принес Дол. Ронси звонко смеялся и продолжал забрасывать палочку.

Флут заметил, что над склоном горы, в той стороне, откуда течет река Зуэр стали кружить птицы-падальщики. Тогда Флут понял, что там, откуда появился этот мальчик, произошло что-то страшное. Через несколько часов одежда Ронси высохла и Флут передел его. Однако, сапожки еще оставались мокрыми. Солнце стало опускаться, пришла пора гнать отару к дому. Флут взял мальчика на руки, чтобы тот не поранил ножки о камни. Ронси с двух лет отучился проситься на руки. Он считал, что он уже достаточно большой, чтобы кататься на руках у родителей. И даже когда, иногда, Дугрий подхватывал его, он высказывал протест и требовал предоставить ему идти самостоятельно. Но вот сейчас, когда незнакомый дядька взял его, Ронси доверчиво обнял его за шею и положил голову ему на плечо.

Корда и Дол сами загнали овец в хлев, а Флут сразу взошел на крыльцо, разулся и вошел в дом.

Его жена Гинда, увидев мужа с ребенком на руках, не поверила своим глазам, и застыла от удивления. А когда Флут сообщил, что этот мальчик побывал в студеной воде реки Зуэр, Гинда засуетилась, поставила греть воду и замесила тесто с сушеными ягодами, медом и душистыми травами. Вскоре, к уже приготовленному ужину, добавилась горка румяных и ароматных лепешек. Гинда омыла Ронси теплой водой и усадила за стол. Хотя Ронси и привык к изысканной дворцовой пище, но после купания в реке и игр с собаками, ему показалось, что он не вкушал еще ничего более вкусного, чем эти простые лепешки. Потом Гинда напоила мальчика теплым молоком и уложила в постель. Ронси сразу же уснул.

Гинда всю ночь провела возле постели малыша, прислушиваясь к его дыханию и бережно трогая лобик. Когда Ронси пробивал пот, она осторожно перекачивала его на сухую простынь и укрывала заново.

С тех пор как помнила себя Гинда, она постоянно видела перед собой лицо вот такого же симпатичного мальчика. Дом ее родителей находился на самом краю села, а дальше, немного поодаль, стояла кузница и дом кузнеца. Флут был старшим сыном кузнеца, а Гинда была младшей дочерью бондаря. Флут и Гинда с самого раннего детства были неразлучны. Как только выдавалось свободное от работы по хозяйству время, они бежали навстречу друг другу и играли. Даже когда они были детьми, их родители уже понимали, что эти два человечка созданы друг для друга. Кузнец много работал, и его семья была зажиточной. Бондарь, тоже неплохо зарабатывал, но всегда был недоволен. Ему постоянно казалось, что все вокруг работают меньше его, а получают больше. Особенно, он завидовал вельможам. Вот эти то, уж точно, палец об палец не ударяют, и при этом купаются в роскоши. К совершеннолетию старшего сына кузнец скопил достаточно много денег, чтобы заплатить бондарю свадебный выкуп. И вот настал день, когда их родители договорились о дне свадьбы. Бондарь был доволен обещанным выкупом и однажды в базарный день он пошёл с Гиндой в город, чтобы та купила себе свадебный наряд. Они обошли несколько магазинов, но везде, где Гинде нравились наряды, ее отец отказывался от покупки, сетуя на слишком высокие цены. Наконец, они зашли в небольшой магазинчик, где Гинде понравились наряды и цены на них были меньше. Отец согласился на покупку и Гинда стала подбирать наиболее подходящий ей наряд. Она прикладывала изделия к груди и вертелась перед зеркалом. Она была очень радостная и постоянно шутила, и смеялась.

Но тут в магазинчик зашел сын одного городского вельможи со своими друзьями. В базарные дни они обходили торговые ряды и собирали плату с торговцев. Если кто-то отказывался им платить, тому они портили товар

и избивали торговцев. Никто не мог их усмирить, потому что судьи всегда оправдывали сына городского вельможи. Так они и бесчинствовали. Когда сын городского вельможи увидел смеющуюся Гинду, он бесцеремонно подошел к ней и объявил, что она будет его женой. Гинда никогда еще не видела такого наглого и колючего взгляда. Улыбка мигом исчезла с ее лица, и она испуганно поглядела на отца. Чиновничьему сыну показалось, что отвернулась от него. Тогда он схватил ее за руку и приказал смотреть ему в глаза. Гинда выдернула руку и выбежала из магазина. Чиновничий сын спросил торговцев, откуда взялась эта дерзкая девчонка? Тогда отец Гинды с поклоном подошел к сыну чиновника, назвал его молодым господином, и сказал, что это его дочь, и что никаких женихов у нее пока нет. Тогда сын чиновника, назвал размер свадебного выкупа, который его отец может заплатить. Выкуп был едва ли больше, чем тот который обещал заплатить кузнец, но возможность породниться с чиновниками замутила сознание бондаря. Он сказал, что за неделю подготовит Гинду к свадьбе и, как все неуверенные в себе и в других люди, попросил у сына чиновника задаток. Тот уже собрал с торговцев немалый куш и передал его бондарю. Но при этом, сказал, что если тот за неделю не подготовит дочь к свадьбе, то должен будет вернуть ему в два раза больше.

Всю дорогу домой бондарь молчал. А Гинда, по выражению его лица поняла, что он затеял что-то неприятное для нее. После ужина бондарь объявил, что Гинда через неделю выйдет замуж за сына городского чиновника. Все домашние безмолвно застыли, услышав такую новость, а Гинда со слезами бросилась умолять отца не поступать с ней таким образом. Она говорила, что может быть счастлива только с Флутом. Но для бондаря было главным то, что теперь у него есть шанс прилепиться к сословию вельмож и богатеев. А такой шанс дается не каждому и поэтому упускать его никак нельзя. Счастье родной дочери его не волновало, ведь то по его разумению, где есть богатство, там счастье не

нужно. И он отшвырнул ее, не желая слышать. Тогда Гинда решилась пойти на обман. Она сказала, что уже не может стать чьей-либо женой, потому что носит ребенка от Флута. Она надеялась, что хоть эта ложь остановит отца. Однако, бондарь, услышав это, рассвирепел. Он швырнул Гинду на пол и стал пинать ее, обзывая при этом самыми гнусными словами. Гинда стала кричать, что она наврала, но отец продолжал избивать ее. Мать и домашние едва оттащили его от Гинды. Он все еще грозился убить Гинду. Гинда лежала на полу и корчилась от боли. У нее открылось кровотечение. Бондарь понял это как наступление регулярного женского недуга и успокоился. Повторив, что через неделю Гинда выходит замуж за сына чиновника, он вышел из комнаты. Гинда еле-еле сумела подняться. Матушка помогла ей омыться и довела до постели. Гинда долго не могла уснуть из-за сильной боли и из-за нервных потрясений, которые она испытала. Утром она едва встала на ноги. Матушка просила мужа не нагружать Гинду работой и дать ей немного отлежаться. Бондарь задумался, потом сказал, что позволяет Гинде два дня не работать. Ему нисколько не было жаль Гинду, которую он так жестоко избил, просто он боялся, что если Гинда будет работать после побоев, то потеряет много крови и утратит свою привлекательность. А если Гинда утратит свою привлекательность, то сын чиновника может и передумать жениться на ней.

Напрасно Флут выходил каждый вечер к тому месту, где они с Гиндой обычно встречались. Он думал, что Гинда слишком занята приготовлениями к свадьбе, но смутное предчувствие все-же беспокоило его.

В третью, после базарного дня, ночь в дом кузнеца постучали. Флуту не спалось, и он быстро вскочил с постели и открыл дверь. На крыльце стояла Гинда. В лунном свете было видно, как блестят слезы на ее щеках. Ни слова, не говоря она бросилась в объятия Флута. Тут к двери подошел отец со свечой. Флут провел Гинду в дом и усадил. Та, прерываясь

рыданиями, рассказала, все что с ней произошло. Выслушав рассказ Гинды, Флут смело заявил, что вызовет сына чиновника на честный поединок. Однако, отец осадил его пыл и сказал, что понятие чести чиновникам чуждо. Он рассказал, что в прошлом уже происходил подобный случай. Одному вельможе захотелось завладеть одной девушкой. Но у той был жених. Тогда вельможа нанял убийц, чтобы те расправились с женихом, а девушку обвинили в нарушении целомудрия и за это она была отдана в рабство к этому вельможе.

После этого рассказа кузнец предложил своему сыну вместе с его невестой бежать в другую провинцию. Флут и Гинда были готовы к любым испытаниям, только бы быть вместе. Кузнец предложил пройти в кузницу, где он сможет подготовить Флута и Гинду к побегу. Кузнец попросил жену принести старую одежду его и его среднего сына, который был еще подростком. Он пояснил, что будут искать молодого человека и девушку. Поэтому он предложил Гинде коротко остричь волосы и переодеться в юношескую одежду, а Флуту предложил обриться наголо, а брови, бороду и усы натереть меловым порошком, чтобы волосы выглядели как седые. Так они будут похожи на старика с подростком, которые странствуют по стране. Кроме этого, он напомнил Флуту, что лет десять назад у кузнеца в подмастерьях работал глухонемой парень и Флут легко научился жестам, которые используют глухонемые люди для общения. Флут подтвердил, что прекрасно помнит этот язык жестов и даже когда-то научил этому языку и Гинду. Гинда впервые за эти дни улыбнулась, вспомнив, как они с Флутом переговаривались при помощи языка жестов, когда не хотели, чтобы их разговор кто-то услышал. Кузнец сказал, что теперь этот язык снова придет к ним на помощь.

Потом кузнец сказал, чтобы они шли по ночам, а днем отдыхали в укромных местах. Также, кузнец сказал, что лучше идти в сторону столицы, а оттуда недалеко до тамерской границы. Если они не смогут устроиться в Ласфадии, то по горной дороге можно перейти в Тамерию.

Когда кузнец увидел, что Флут и Гинда переглянулись с удивлением, он пояснил, что все слухи о страшном нраве и жестокости тамеров – это вымысел, чтобы пугать непослушных детей. На самом же деле, тамеры очень дружелюбные и гостеприимные люди. Пусть они живут в бедности, так как вынуждены платить огромные налоги и постоянно воюют с Мугалией, но характер у них милосердный и они всегда готовы поделиться куском хлеба.

Матушка Флута принесла лепешек, орехов, сушеных фруктов и соль. Кузнец дал сыну топорик, который можно было спрятать сзади за поясом, а также выдал и ему и Гинде по два ножа на шнурах, которые могут быть скрыты в рукавах, но в нужный момент оказаться в руке. Кроме этого, Флут взял с собой свою флейту и три свитка со сказками, которые очень нравились Гинде. А Гинда попросила у матушки Флута иглол, спиц, ниток и пряжи. А также серебряных шариков и лечебных трав.

До рассвета оставалось всего несколько часов. Кузнец сказал, чтобы они шли без спешки, не привлекая внимание тех, кто может их случайно увидеть. А если же их кто-то будет спрашивать, использовать язык жестов и ни в коем случае не показывать, что они скрываются. Сейчас, до рассвета, они спокойно смогут дойти до леса, и укывшись там, отдохнуть до следующей ночи. Флут и Гинда поблагодарили домашних и тронулись в путь.

Утром бондарь спросил жену о здоровье дочери. Та сказала, что Гинда все еще слаба. Бондарь поворчал, но дозволил еще один день отдохнуть. До рассвета следующего дня жена бондаря сама подоила коз, но ведра с молоком оставила в хлеву. Когда же бондарь снова спросил о Гинде, его жена ответила, что дочь пошла доить коз. За завтраком бондарь стал ругаться на то, что дочь так долго доит коз. Жена его суежилась с посудой, чтобы не смотреть на мужа. Закончив завтрак, бондарь сам пошел в хлев и увидел там ведра с молоком. Он подумал, что у Гинды опять потекла кровь и она вынуждена произвести омовение, прежде чем завтракать. Но

спустя полчаса Гинда так и не появилась. Бондарь разозлился и ворвался в женскую часть дома. Но и там не было дочери. Он выбежал во двор и стал кричать, призывая Гинду в дом. Но никто не отозвался на его крик. Тогда бондарь пришел в бешенство, поняв, что дочь, скорее всего, убежала к сыну кузнеца. Он побежал к дому кузнеца и ногой стал стучать в дверь. Когда кузнец открыл дверь, бондарь, даже не поздоровавшись, стал ругаться и орать, требуя вернуть дочь. Кузнец поздоровался и сказал, что невозможно вернуть то, чего не брал. Бондарь спросил, где Флут. Кузнец ответил, что его сын уже взрослый и сам определяет, что ему делать. Потом, как-бы нехотя, добавил, что сын его, скорее всего, отправился в город за покупками к свадьбе.

Бондарь подумал, что если сын кузнеца ушел в город, то и его дочь, наверняка, пошла с ним. К полудню бондарь дошел до города. День был не базарный и на улицах было безлюдно. Люди были заняты своими делами. Бондарь прошел на главную улицу, и там, впереди, он увидел ватагу праздно шатающихся молодчиков. Издали, бондарь окликнул их, желая узнать, не видели ли те молодую парочку. Молодчики остановились и оглянулись. Среди них был то самый сын чиновника, которому бондарь обещал отдать свою дочь в жены. Молодой повеса сразу же сообразил, что бондарь ищет свою дочь. Однако, бондарь попытался соврать ему, что ищет свою племянницу с мужем, а дочка сидит дома и готовится к свадьбе. Однако, чиновничий сынок схватил лгуна за руку и велел смотреть в глаза. Бондарь сознался, что его дочь сбежала с сыном кузнеца, который был ее женихом. Сына чиновника, был возмущен, что бондарь посмел обманывать его, сына городского вельможи, и велел своим друзьям схватить его и отвести к судье. В наказание за обман сына почтенного вельможи судья постановил до заката солнца вернуть задаток в десятикратном размере.

Бондарь спешно вернулся в свое село и стал бегать по соседям с целью занять деньги. Но в селе быстро распространяются новости, и все

сельчане уже знали о том, как бондарь обошелся со своей дочерью. Конечно же люди допускали, что глава семьи может за непослушание и поколотить своих подопечных, но избиеение ногами девушки, которая, как всем было известно, была и скромная, и приветливая, и послушная, явилось для сельчан непростительной жестокостью. Поэтому, бондарю никто даже и дверь не открыл. Если бы он повел себя как нормальный отец, то все были бы счастливы, и он сам получил бы приличный выкуп. Но он повел себя как подлец и остался и без выкупа, и без дочери, и без уважения. Однако, бондарь не желал возвращать даже и часть задатка, а уж про десятикратный размер и думать не хотел. К вечеру он снова явился в суд и заявил, что вместо него, залог в десятикратном размере должен выплатить кузнец. Ведь, по словам бондаря, именно кузнец виновен в том, что ему не удалось подготовить дочь к свадьбе с сыном чиновника. Он стал уговаривать сына чиновника, просто забрать у кузнеца все деньги, которых по заверению бондаря, было у кузнеца много. Сын чиновника однажды уже пытался отнять деньги у одного кузнеца, который торговал на базаре своими изделиями. Когда же кузнец отказался платить, то чиновничий сын стал угрожать кузнецу испортить его товар. На это кузнец только ухмыльнулся. Как можно испортить кованые изделия? Ни грязью залить, ни огнем подпалить. Со злости чиновничий сынок хотел ударить кузнеца кулаком по лицу. Однако, кузнец спокойно поймал его кулак у самого лица и слегка надавил. При этом у сына чиновника кости захрустели. Он боли он скорчился и взмолился отпустить руку. Когда кузнец отпустил его, тот угрожая жестоко отомстить поспешил уйти подальше вместе со своими друзьями. Был ли это тот кузнец или другой, чиновничий сынок не знал, но хорошо помнил, как тогда целую неделю не мог той рукой ничего взять. Поэтому кузнецов он старался обходить за версту.

Судья же приговорил бондаря к каторжным работам до тех пор, пока долг не будет погашен. Бондаря тут же взяли под стражу, надели кандалы и

повели в каменоломню. Вот так. Как говорили в народе: «Уходил в барство, а угодил в рабство».

Однако, сын чиновника уже в тот базарный день сообщил своему отцу, что наконец то выбрал для себя невесту и через неделю женится. Городской чиновник очень обрадовался этой новости. Ведь ему хотелось побыстрее пристроить сына на государственную должность, что бы тот прекратил гулянки и кутежи со своими дружками и поборы с мелких продавцов. Он заверял сына, что, заняв государственную должность, ему больше не придется шлаться по торговым рядам и собирать всякую мелочь. Купцы и промышленники сами будут приходить к нему и просить принять о них подношения, которые будут в десятки раз больше, чем те поборы, которыми он обложил ремесленников и крестьян. Но пока его сын был не женат и проводил время в азартных играх, гулянках, драках, посещал различные притоны, погрязая в распутстве и разнузданности. Таким образом чиновник очень надеялся на то, что молодая жена, урезонит его бесшабашного сына. Но узнав, что невесту его высокородного сына увел какой-то сын какого-то простого кузнеца, чиновник пришел в бешенство. Он тут же велел объявить вознаграждение за поимку или за донесение о местонахождении молодого мужчины и молодой девушки, которые недавно прибыли в город. В городе было немало подонков, которые и бесплатно доносили на своих соседей, друзей и даже родственников, с единственной целью хоть как-то подпортить людям жизнь и позлорадствовать чужим неприятностям. А уж когда за донесение было объявлено вознаграждение, то от доносчиков просто не стало отбоя. Каждое донесение урядники проверяли и с разочарованием отмечали, что доносчики пытались сдать властям кого-угодно, лишь бы выслужится перед чиновниками и получить если не вознаграждение, то хотя бы похвалу за бдительность и, якобы, верность государственным интересам. Доносили практически на всех, начиная с малолетних детей и заканчивая глубокими стариками. Но среди них не

было никого, кто хоть немного подходил под описание разыскиваемых. Через пару дней городской вельможа понял бесполезность такого способа разыскать беглецов и велел снять объявления. Но, даже и после снятия объявлений, поток доносчиков не прекратился. Многие из доносчиков приходили несколько раз в день. Урядники ругались и прогоняли назойливых доносчиков восвояси.

А Флут и Гинда, как и советовал им кузнец, шли по ночам, днём отдыхая в укромном месте. Так они дошли до горного хребта, за которым находилась, загадочная для них, страна Тамерия. Флут с Гиндой решили не останавливаться для дальнейшего проживания ни в каком ласфадийском селе, так как рано или поздно им придется рассказать людям кто они такие и почему пришли в эти края. И хотя они верили и знали, что большинство людей являются добрыми и отзывчивыми, нельзя было исключать того, что может оказаться кому-то, они придется не в радость и этот кто-то не заявит о них властям. И тогда последствия могут быть самыми трагическими. И это не было проявлением трусости. Каждый из них, не задумываясь, рискнул бы своей жизнью ради счастья любимого, но жить в разлуке друг с другом они просто не могли.

Они поднимались по узкой горной тропе, когда в небе начали одна за другой таять звезды. Близился рассвет и им нужно было найти укрытие для дневного отдыха. Немного поодаль они заметили большую каменную глыбу, которая будто бы откололась от горы, по западному склону которой они поднимались. Флут и Гинда, оба сообразили, что лучшего укрытия им поблизости и не найти. У них оставалось еще несколько лепешек и сушеные фрукты. Водой они запаслись ночью из придорожного колодца. Они зашли за глыбу и уже хотели было расстелить на траве покрывало, сесть, сытно позавтракать и прилечь отдохнуть после длительного ночного путешествия. Внезапно Флут увидел, что край глыбы будто бы освещен нежно розовым светом. Солнце находилось за горой, но откуда появился этот свет? Гинда оглянулась и увидела, что свет

струится как будто из горы. Причем свет становился все ярче и ярче. Флут и Гинда взялись за руки и пошли к тому месту, откуда излучался свет. Они обнаружили узкую расщелину в горе, в которую, впрочем, мог протиснуться взрослый человек. Флут вошел в расщелину первым и сразу же позвал Гинду. Та последовала за ним. Через минуту они оба держась за руки стояли на противоположном склоне горы в безмолвном восхищении от открывшейся перед ними картины.

Между четырех горных вершин располагалась обширная долина, освещенная нежными лучами восходящего солнца. С севера из узкого ущелья вытекала бурная горная речка и достигнув долины превращалась в спокойную, блистающую в лучах рассвета, золотистую ленту огибающую долину по западному краю. В самой середине долины, словно золотая чаша, светилось гладью круглое озеро. Склоны гор поросли лесом, а в самой долине раскинулись зеленым бархатом заросли сочных трав.

Флут и Гинда от восторга хотели радостно закричать, но они хорошо знали, что горы любят тишину. Они взглянули друг на друга и поняли, что они оба мечтают остаться жить в этом чудесном месте.

Несмотря на то, что они шли всю ночь и изрядно утомились, от радости и очарования они забыли про усталость. Им хотелось поближе осмотреть долину. Они осторожно спустились вниз. Как же здесь было чудесно! Ах, если бы они не спрятались за глыбой перед самым рассветом, то эта долина так и осталась сокрытой от людей. Однако, Флут заметил в кустарнике, недалеко от озера, полуразвалившуюся хижину. Они подошли к этой хижине и вошли внутрь. В хижине находилась кровать, стол и небольшая печь. Все поросло мхом и лишайником. Очевидно, что хозяин хижины покинул ее десять лет назад, а может быть даже и раньше. На столе стояла небольшая шкатулка, на крышке которой лежал увесистый камень. Флут осторожно снял камень и открыл шкатулку. Внутри находился сверток из овечьей кожи, внутри которого был

рукописный свиток. Письмо было адресовано первому, кто придет в эту долину. В нем указывалось, что в долине есть все необходимое для жизни. Однако, на первое время пришедшему было оставлено несколько мер зерна, сушеных фруктов, лук со стрелами и лопата. Для того, чтобы эти припасы хранились долгие годы, автор письма спрятал их в небольшой пещере, вход в которую можно найти на склоне восточной от входа в хижину горы. К великой радости Флута, который был сыном и прилежным учеником кузнеца, автор сообщал, что в долине есть россыпи железной руды, колчедана, медных и даже серебряных самородков. Также, автор письма сообщал, что вода в озере достаточно соленая, чтобы получать из нее соль для собственных нужд. В конце письма сообщалось, что автор, пришел в эту долину случайно, блуждая по стране в поисках мест произрастания чудесной травы Хилты, из которой можно получать очень сильные лекарственные компоненты, и к своему счастью нашел здесь эти чудесные растения. Гинда, которая училась у своей матери искусству врачевания травами, много раз слышала об этом чудесном растении, но, поскольку его еще никто не находил, люди считали это выдумкой. Наблюдая, за жизненным циклом этих цветковых растений, автор прожил в этой долине целый год, без общения с другими людьми. Он ловил рыбу, выращивал фрукты и злаки, излишек которых и оставил для вновь пришедшего. В последних строках письма, автор выражает надежду, что его письмо будет когда-нибудь прочитано и будет полезно для прочитавшего. Автор сообщил, что его имя Палдий и служит он помощником лекаря при дворе царя Ласфадии.

Прочитав письмо, Флут снова свернул его и положил обратно, в шкатулку. Затем он нежно обнял Гинду и весело подмигнул ей. Гинда, впервые за эти дни смогла облегченно вздохнуть. Ее лицо озаряла радостная улыбка. Она чувствовала себя самой счастливой. Четыре высоких горы надежно защищали эту долину и ее от вторжений недоброжелателей. Но самую

надежную защиту она чувствовала от своего любимого и любящего ее Флута, которого теперь она может, наконец-то, назвать своим мужем.

С тех пор прошло около пятнадцати лет. За эти годы они с Флутом построили удобный и прочный дом, небольшую кузницу и хлев. В первый год они вовсе не покидали долину. Потом стали несколько раз в год в базарные дни ходить в село, где Флут продавал медную посуду, которую сам изготавливал в своей небольшой кузнице, а Гинда покупала пряжу и ткани. Потом они купили несколько овец и коз, а для защиты их от хищников всегда держали пару собак. Земли в долине были весьма плодородны, а воды реки Зуэр изобиловали рыбой. В первые годы совместной жизни Гинда ожидала зарождения в своем чреве новой жизни, но, очевидно, повреждения, которые нанес ей жестокий отец были настолько значительными, что через несколько лет Флут и Гинда оставили всякую надежду, что у них когда-нибудь будет ребенок. Но Флут и Гинда любили друг друга, и им было необходимо и достаточно быть вдвоем, быть рядом, быть близко.

И вот, самым неожиданным образом в их доме появился этот милый малыш. Очевидно, что он был сыном какого-нибудь знатного тамерского вельможи. Но Гинда и не подозревала, что это был принц Тамерии. Флут сообщил ей, что видел, как над северной горой кружат птицы падальщики. Это означало, что там находится множество мертвых тел. И это могут быть только люди. Ибо ни одно животное на свете не устраивает столь массовых и чудовищных убийств, какие устраивают люди. Если на родителей этого малыша было совершено нападение, тогда и их ребенку, также, угрожала опасность. Как хорошо, что он спасся! Только бы теперь, он не заболел после пребывания в студеной воде горной реки. Всю ночь Гинда прислушивалась к дыханию мальчика. К ее радости, дыхание малыша было ровным и спокойным. Флут несколько раз предлагал подменить Гинду, чтобы та хоть немного поспала, но Гинда отвечала, что настолько взволнована, все равно не сможет уснуть. Рано утром Флут

ушел пасти отару, а Ронси все еще спал. И когда Флут вернулся после выпаса, Ронси все еще спал. А Гинда все время находилась возле кровати. Ронси проспал до следующего полудня. Гинда ощупала и осмотрела его. К счастью, малыш был здоров! Однако, за время длительного сна он забыл, как попал сюда и стал хныкать и звать маму. Гинда нежно обняла его и стала уговаривать не плакать. Хотя Ронси и не понимал ласфадийского языка, по интонации голоса и по нежности прикосновения он понял, что эта женщина не желает ему никакого зла и будет заботиться о нем как мама. Он успокоился и доверчиво прижался к Гинде.

Наверное, в этот самый момент, Рутэния внезапно почувствовала облегчение от той нестерпимой боли, которая сжимала ее сердце после того, как она увидела плащик Ронси, который трепыхался на сосне. Каким-то неизведанным чутьем она поняла, что они потеряли Ронси, но с ним все в порядке, о нем будут заботиться и защищать его. Когда, совершив возмездие, Дугрий вернулся за ней, она предложила все-же съездить в Мугалию. Дугрий охотно согласился, ибо эта поездка поможет им легче пережить потрясения, которым они подверглись. Кроме того, Дугрий хотел просить совета у царя Пэрока о том, как ему следует дальше управлять государством, чтобы сохранять в нем мир и благоденствие.

Когда они приехали в столицу Мугалии, свадебные гуляния, которые длились больше недели, уже закончились, а Сонор и Кунпала уехали в свадебное путешествие. Дугрий и Рутэния рассказали обо всем, что с ними случилось. Пэрок, Бирсена и Боллу были настолько, потрясены услышанным, что долго не могли произнести и слова. Рутэния, решила вывести всех из этого оцепенения и предложила поужинать.

После непродолжительной трапезы, Бирсэна взяла Рутэнию за руку и предложила вместе прогуляться в саду. Бирсэна, которая была по обыкновению строгой, и порою даже суровой, теперь стала нежной и необычайно ласковой, понимая, что ее дочери сейчас, как никогда, нужно

побыть маленькой, и пусть даже капризной девочкой, чтобы преодолеть весь этот ужас, который ей довелось пережить.

Пэрок же предложил молодым мужчинам поиграть в шахматы. Подойдя к столу, на котором стояли две шахматные доски с расставленными фигурами, Пэрок сказал, что вот это - самое достойное из состязаний. Когда Дугрий обдумывал свой ход, Пэрок сказал, что главный визирь Тамерии повинен в смерти тысяч тамеров и тысяч мугалов. Ведь это именно он подстрекал отца Дугрия постоянно нападать на Мугалию, даже тогда, когда для этого не было повода! В результате этих бессмысленных войн погибли тысячи достойных воинов, включая отца Дугрия и младшего брата Пэрока, а также тысячи мирных жителей обеих стран. Это же просто ужасно!

Затем Пэрок выставил свой ход на доске своего младшего сына и продолжил, говоря, что любой главный визирь — это почти царь, но все же не царь, и поэтому главный визирь всегда будет стремиться стать царем, ведь для этого нужен всего лишь один шаг, пусть даже через пропасть или преступления. Вот почему, Пэрок не держит визирей! Дугрий сделал свой ход, Пэрок перешёл к его доске и спросил, знает ли Дугрий как погиб его отец? Дугрий ответил, что хотя он был совсем малышом, его потрясло известие о том, что отец Пэрока был отправлен. Это было первое, для Дугрия, известие о том, что можно убить человека, подмешав ему в еду яд. Пэрок поправил, что яд был подмешан не в еду, а в ягодный напиток, и вместе с отцом были отправлены старший брат Пэрока и его жена. Потом Пэрок сказал, что и он сам был отправлен. Но он выпил совсем немного отравленного напитка, поэтому не умер сразу. Был вызван министр здравоохранения со своими вице-министрами. Они утверждали, что определили яд, от которого нет явных противоядий. И они стали давать Пэроку лекарство, от которого сначала следовало небольшое облегчение, затем боли усиливались. В течение десяти дней Пэрок находился при смерти. Пэрок исхудал как доска, его кожа пожелтела и от

тела исходил зловонный запах. На одиннадцатый день Бирсэна услышала, что какой-то пришелец из Ласфадии просится во дворец и говорит, что он сможет вылечить принца. Министр здравоохранения пришел в ярость и велел стражникам гнать ласфадийца от дворца. Однако, Бирсэна приказала, чтобы пришельца доставили к больному Пэроку. Когда ласфадиец вошел в комнату, где лежал умирающий Пэрок, он первым делом попросил сосуд с чистой водой. Министр здравоохранения строго предупредил, что в случае неудачного лечения лечения, ласфадиец будет жестоко казнен. На это пришелец ответил, что плохо понимает мугальский язык, хотя он все понимал и осознавал тот риск, который брал на себя.

Пришелец умылся сам и смочил водой тампон мягкой ткани, которым стал обтирать тело Пэрока. Министры стояли поодаль и брезгливо морщили носы. Пэрок находился в забытии, но, когда ласфадиец протер его тело, Пэрок глубоко вздохнул, открыл впалые глаза и с надеждой посмотрел на Бирсэну. Протирая тело Пэрока ласфадиец уже по запаху догадался каким сложным ядом был отравлен мугальский принц, но еще он понял, что яд продолжает поступать в организм Пэрока и по сей день. Однако, это были всего лишь догадки, а чтобы сделать окончательный вывод ему нужно провести проверку. Но ласфадиец понимал, что стоящие за его спиной министры не позволят ему этого сделать, ибо, скорее всего, это они и изготовили этот сложный яд. Он обратился к министру здравоохранения и вежливо попросил его и его вице-министров выйти ненадолго из комнаты. Министр пришел в негодование, и стал возмущаться тем, что какой-то, никому не известный пришелец, требует почтенных министров оставить своего принца, в тот час, когда они нужны ему как никогда. Но Бирсэна прервала его и приказала немедленно убираться вон из комнаты. Министру здравоохранения и его приспешникам ничего другого не оставалось, как только подчиниться приказу принцессы.

Когда чиновники вышли из комнаты, ласфадиец попросил Бирсэну показать ему то лекарство, которое получает Пэрок. Затем он вылил несколько капель этого лекарства на блюдечко и посыпал каким-то порошком, который достал из своей сумки. Лекарство изменило цвет и стало пениться. Страшная догадка подтвердилась. Ласфадиец был настолько взволновал, что заговорил на ласфадийском языке. Бирсэна, которая тогда еще мало знала ласфадийский язык, попросила лекаря перевести то, что он говорит. Ласфадиец извинился и почти шепотом сказал, что лекарство, которым пичкают Пэрока, вовсе не лекарство, а яд. Бирсэна, едва услышав это, выхватила из ножен саблю Пэрока, которая висела у изголовья кровати, и подбежав к дверям комнаты, резко распахнула их ногой. Подслушивающий возле дверей, министр здравоохранения получил сильный удар по уху и отскочил к стене коридора. Бирсэна вытянула руку с саблей и острием направила на горло чиновника. Тот, от неожиданности и испуга, стал признаваться, что главный визирь задумал истребить правящую династию и занять трон Мугалии. Министру здравоохранения была отведена роль изготовителя и подателя яда, за что ему был обещан титул главного визиря. Бирсэна опустила руку с саблей. Она, сама, давно подозревала высших чиновников в готовящемся заговоре против царя, но не имела прямых доказательств этого. Она винила себя за то, что была недостаточно настойчива в поисках улик. Ведь если бы она смогла своевременно изобличить мерзавцев, ничего бы этого не произошло! Но что она могла сделать? Как она могла разоблачить коварных негодяев, которые обладали, практически неограниченной властью при дворе царя?

Министр здравоохранения, видя, что Бирсэна опустила саблю, подумал, что она успокоилась и стал оправдываться, что не желал ничего плохого царской семье. Он стал утверждать, что Пэрока еще можно спасти, и что это может сделать только он, титулованный министр здравоохранения, а не какой-то проходимец из Ласфадии. А когда Пэрок будет спасен,

министр сядет под домашний арест и будет покорно дожидаться сурового, но справедливого суда. Бирсэна медленно покачала головой и тихо сказала, чтобы тот даже и не надеялся. Она глубоко вздохнула и затем, на выдохе, с криком, резко взмахнула саблей. Голова министра здравоохранения глухо шмякнулась на пол и откатилась к ногам вице-министров, которые в ужасе упали на колени и взвыли, моля о пощаде. На шум в коридор вбежали гвардейцы во главе с командиром, который был отцом Бирсэны. Принцесса Бирсэна приказала, чтобы, немедленно, главный визирь, и все участники заговора, были прикованы к позорным столбам на дворцовой площади, и она лично будет угощать главного визиря порцией того яда, от которого так долго и мучительно страдал ее любимый муж!

Боллу, заслушавшись рассказом отца, пропустил комбинацию и потерял очередную фигуру. Пэрок же сказал, что ничто и никогда не должно заставить человека терять бдительность. Нужно всегда быть спокойным настолько, чтобы не суежится, но не настолько, чтобы бездействовать. Даже любуясь звездами нужно смотреть под ноги!

Перейдя к доске, за которой играл Дугрий, Пэрок продолжил свой рассказ. После того как Бирсэна умылась и переоделась, она снова вошла в комнату Пэрока. Тот был уже в силах сидеть и даже слегка улыбнулся увидев любимую жену. Бирсэна очень обрадовалась и ринулась поскорее обнять мужа. Но вдруг она почувствовала легкую тошноту. Она остановилась. Может быть ей просто показалось, что ее подташнивало. Но нет! Она явно ощущала, пусть легкую, но тошноту. Пэрок увидев ее замешательство испугался за любимую жену. Неужели яд каким-то образом проник в ее организм? Но наблюдавший за ними ласфадийский лекарь от души рассмеялся. Затем пояснил, что яд приносит смерть, а то, от чего подташнивало Бирсэну, приносит жизнь! Новую жизнь! Так Пэрок и Бирсэна узнали, что у них будет ребенок, которого при рождении

назовут Рутэния. Несмотря на пережитые ужасы, они были счастливы. Ласфадиец сказал, что им сейчас самое время немного подкрепиться.

Боллу удалось провести несколько изящных ходов и восстановить свое положение в игре. Пэрок прервал рассказ, обдумывая свой ход. Сделав ход, он перешел к доске Дугрия. Делая ход, Пэрок спросил у Дугрия, как тот полагает, почему его не отравили сразу же, а продолжали держать при смерти в течение нескольких дней? Дугрий задумался. Затем предположил, что заговорщики, очевидно, выжидали чего-то. Пэрок подтвердил его предположение и дополнил, что заговорщики выжидали нападения вражеских армий на Мугалию. Смена династий может привести к мятежам и бунтам внутри страны, а вот война с другой страной перетянет на себя любые неурядицы и позволит оправдать любые преступления. Но отец Дугрия был человеком чести и не стал использовать ситуацию в своих целях. И до Ласфадийского царя дошли слухи о том, что царь и наследный принц Мугалии мертвы, а следующий наследник находится в очень тяжелом состоянии и вот-вот умрет. А следующий за Пэроком наследник еще не достиг совершеннолетия и не может самостоятельно управлять страной. Но ласфадийский царь того времени был уже стар и не желал беспокоить себя войнами и набегами. А вот помощник придворного лекаря, как только услышал о тяжелом состоянии мугальского принца, бросил все свои исследования, попросил у одного рыбака лодку и пустился в путь, сначала по реке Зуэр, потом по реке Айза, и прибыл в столицу Мугалии, и спас умирающего принца.

Через четыре дня Пэрок чувствовал себя вполне здоровым, и ласфадиец, со спокойной душой, стал собираться в обратный путь. Пэрок и Бирсэна просили его остаться и стать новым министром здравоохранения. Но ласфадиец ответил отказом и сказал, что если в стране будет министр здравоохранения, то в стране не будет здравоохранения. Ведь министры всегда учреждают платное лечение и платные лекарства. А это значит, что врачевателям становится выгодно, чтобы люди болели, причем как

можно чаще, и как можно тяжелее. В этих условиях ни о каком здравоохранении не может быть и речи. А если рассуждать по чести и справедливости, то доход врачей должен соответствовать количеству здоровых, а не больных. Настоящему врачу большую часть своей деятельности надлежит заниматься исследованиями и профилактикой заболеваний.

Тогда Пэрок и Бирсэна решили щедро наградить ласфадийского врача, но и тут он вежливо отказался, шутливо сославшись на то, что не употребляет ни алмазы, ни яшму, ни изумруды, ни жемчуга. Он взял ровно столько, чтобы покрыть свои расходы в пути и оплатить рыбаку за прокат лодки и за непойманную рыбу. А качестве награды, в его памяти останутся здоровые и радостные улыбки таких прекрасных людей как Пэрок и Бирсэна. На прощание он сказал, что его имя Палдий и он служит помощником придворного лекаря ласфадийского царя. В последствии, отправляя послов в Ласфадия, Пэрок просил их узнать, как поживает помощник лекаря Палдий, но все послы говорили, что никто не знает об человеке по имени Палдий. Даже Сонор, сын Пэрока, который сам давно мечтал воочию увидеть человека, который спас его отца, когда ездил в Ласфадия не смог ничего разузнать. Он был очень опечален этим, и только встреча с будущей женой Кунпалой увенчала успехом его визит в Ласфадия.

Боллу удалось не только выправить свое положение в игре, но объявить мат своему отцу. С Дугрием же Пэрок сыграл в ничью. Потом Пэрок предложил выйти в сад и присоединиться к женской компании. Все вместе они гуляли и беседовали до вечерних сумерек. По дороге во дворец Бирсэна предложила Дугрию и Рутэнии последовать примеру Сонора и Кунпалы и отправиться в небольшое путешествие по Мугалии. Те с радостью одобрили это предложение и решили отправиться уже на следующий день.

Дугрий был в восхищении от городов и сел Мугалии, которые ничем не уступали столице. Особенно его удивила чистота улиц и их архитектурная композиция. Даже в небольших селах дома были выстроены ровно и строго ориентированы по сторонам света. Везде, где бы они ни останавливались им оказывался радушный прием. Их селили в удобные апартаменты и угощали всевозможными деликатесами. Рутэния пояснила, что, став правителем Мугалии, ее отец упразднил титулы визирей и министров, в следствие чего прекратилось стягивание жизненно значимых ресурсов и их накопление в столице. Таким образом провинциальные города и села стали развиваться планомерно и поступательно. По убеждению Бирсэны, в нормальном государстве, и в центре столицы, и на окраине самой отдаленной деревушки уровень жизни людей должен быть одинаково высок и достоин граждан этого государства. Если же у человека умытое лицо, а ноги грязные, то такой человек все равно остается грязнулей!

Однажды, когда они проезжали мимо базара, Дугрий с удивлением заметил, что выходящие с территории базара люди кладут на столик у выхода какие-то деньги, затем бросают игральные кубики и уже после этого кивнув головой стоящим рядом гвардейцам уходят. Дугрию это показалось забавным, и он спросил Рутэнию, о причинах такого странного поведения уходящих с базара людей. Рутэния пояснила, что, став правителем Мугалии, ее отец был вынужден, как это хорошо известно Дугрию, постоянно принимать участие в военных действиях. Фактически внутренними делами государства занималась ее матушка. Она подсчитала, что больше трети собираемых налогов расходуется на содержание самой налоговой службы. И вот тогда Бирсэна решила заменить налоги торговой пошлиной. Каждому продавцу товаров надлежит по окончании торгов уплатить пошлину в государственную казну не менее десятой доли от выручки. Таким образом поступления в казну стали стабильными и постоянными. Тысячи налоговых инспекторов,

которые занимались сбором многочисленных отчетов и их проверкой, теперь освободились и занялись более полезной для государства деятельностью. А для того, чтобы контролировать правильность уплаты пошлины введен простой способ бросания игральных кубиков. Если на обоих кубиках выпадут одинаковые числа, то торговец подвергается тщательной проверке. И уж если он хоть немного утаил, то с ним поступают так, как поступают в Мугалии со всеми мошенниками. Лишают всего имущества, обливают тухлыми яйцами и прокисшим молоком, посыпают грязными перьями и клочками непригодной шерсти. И вот в таком виде выгоняют на площадь. В общем, позор, можно сказать на всю жизнь. Вероятно поэтому в Мугалии уже давно никто даже и не помышляет шельмовать или обманывать. Людям свойственно доверять друг другу. И это хорошо и правильно!

Дугрий увидел еще много простых и удивительных обычаев мугалов и пребывал в восторге от увиденного. В одном из городов они встретились с Сонором и Кунпалой и уже все вместе возвратились во дворец. Пэрок был несказанно рад, что его зятю Дугрию, царю Тамерии, понравилась страна, с которой его страна так долго вела кровопролитные и бессмысленные войны вместо того, чтобы вести взаимовыгодный обмен способами и результатами деятельности. Но все же Пэрок решил немного остудить пыл Дугрия, который, судя по огонькам в глазах, желал многое и сразу поменять в своей стране. Пэрок сказал, что одно и тоже дерево, высаженное в другую почву, будет по-другому плодоносить. И всякое новшество следует внедрять не вместо устоявшегося, а вместе с устоявшимся. Если новое окажется, действительно, лучше старого, то оно его просто и безболезненно вытеснит. А если же нет, то оно, также просто и безболезненно утратит свою актуальность и не придется сожалеть и стыдиться, что это новшество было не совсем хорошо придумано и продумано.

Дугрий и Рутэния еще несколько дней погостили у Пэрока с Бирсэной, а затем вернулись в свою столицу. Его матушка и министр обороны вели государственные дела надлежащим образом и стране было все спокойно и благополучно. Народ даже не заметил, что в стране уже нет ни главного визиря, ни министра финансов, ни министра внутренних дел, что являлось очевидным доказательством их полной ненужности.

А еще через несколько недель Рутэния родила прекрасную девочку, которой дали имя Алдика. Когда Алдике исполнилось два года из Мугалии пришло известие, что Кунпала тоже родила девочку. Ее называли Санпина. Камисса тоже получила известие от своей любимой тётушки о рождении кузины. Камисса очень хотела увидеть свою кузину, но она была еще слишком маленькая, чтобы самостоятельно организовать путешествие в другую страну. Поэтому она обратилась с просьбой к своему мнимому батюшке, царю Ласфадии. Но тот даже не выслушал ее просьбу, сославшись на то, что он очень занят важными государственными делами, хотя сам примерял новые наряды для очередной вечеринки. Камиссу очень расстроил его отказ. Она расплакалась. Одна из нянек, та, которая умела читать, успокоила ее, сказав, через несколько недель ожидается приезд младшего сына мугальского царя Боллу. Надо купить какой-нибудь подарок для кузины и переслать этот подарок с Боллу. И они решили подарить маленькой Санпине нарядное платье. Камисса со своей нянькой, которую звали Прила, пошли на базар и купили там хороших тканей. Прила спросила у продавца, кто сможет сшить платье для маленькой мугальской принцессы? Продавец ответил, что знает много мастериц, но лучше всего с этой работой могла бы справиться Эдира, которая, правда, живет довольно далеко, в заповеднике за городом. Прила попросила сообщить адрес другой мастерицы, которая живет поближе, но Камисса настояла, что надо идти именно к Эдире. На следующее утро Прила и Камисса вместо прогулки по саду отправились в заповедник. Камисса еще ни разу не была в настоящем лесу и была

просто очарована его величием. Когда они дошли до домика Эдиры, они увидели мальчика, который весело играл с кошкой около дома. Прила спросила его, как его зовут и сколько ему лет. Мальчик ответил, что ему не велели разговаривать с незнакомыми. Тогда Камисса рассмеялась и сказала, что она не может быть незнакомой, ведь ее знают все. Но мальчик показал ей язык и взяв кошку в руки убежал с нею за дом. Прила постучала в дверь. На крыльцо вышла женщина и сразу же спросила, где ее сын? И не дождавшись ответа стала громко звать его. Так Прила и Камисса узнали, что мальчика зовут Шамлат. Когда Шамлат прибежал, женщина крепко прижала его к себе и стала укорять за то, что ослушался ее. Ведь она велела играть ему только около дома. Мальчик сказал, что убежал из-за этой девочки и пальчиком указал на Камиссу. Женщина взглянула на Камиссу и замерла. Ведь Камисса была очень похожа на ее мужа. В голове у женщины промелькнуло, что эта девочка, судя по возрасту, вполне могла бы быть их дочерью, если бы только не случилась та беда. Она снова вспомнила те драматические события, которые ей с мужем пришлось пережить. И она еще сильнее прижала к себе сына. Затем, она спохватилась, поздоровалась с гостями и спросила, что привело их сюда?

Прила объяснила ей обстоятельства и причины их визита. Женщина сказала, что она, действительно, Эдира, но только с некоторых пор она не принимает заказы от дворцовых дам. Камисса сказала, что ей сначала отказал отец, а теперь вот и Эдира хочет отказать ей. А ведь у нее нет роднее человека, чем Кунпала, и она не видела ее уже больше двух лет. Она так хотела сделать подарок своей маленькой кухне, они так долго шли сюда, они так надеялись, что Эдира выполнит их заказ... И Камисса расплакалась. Эдира не выдержав слез этой милой девочки протянула вторую руку и ласково прижала ее к себе. Камисса почувствовала необычайно мягкое и доброе тепло и перестала плакать, доверчиво прильнув к своей родной матушке, пока, даже и подозревая этого. Эдира

сказала, что все для нее сделает, и пригласила всех войти в дом. Все трое разулись и отправились умываться. Пока они умывались, Эдир поставила на стол тарелки с лепешками, со свежими лесными ягодами и кувшин с парным молоком. Камисса впервые гостила в доме простых людей. Ей было удивительно как тут все просто и удобно. Они покушали, и дети попросились поиграть на улице. Эдир сказала, чтобы те не убегали далеко от дома, слушались няню, и не слишком докучали кошке. Выйдя на улицу, Шамлат и Камисса, а вместе с ними и няня стали веселиться и играть, а кошка, получив возможность отдохнуть, нежилась в лучах солнца, лишь иногда лениво поглядывая на резвящихся детей. Тем временем, Эдир успела сшить две нарядные и удобные сорочки для маленькой Санпины. Прила и Камисса были удивлены, как быстро Эдир выполнила работу и с кого же она снимала мерки? Эдир показала им сорочку из простой ткани и сказала, что шила по образцу этой сорочки. Камисса спросила у Эдиры, чья это сорочка, и когда та ответила, что это сорочка ее дочери, спросила, как ее зовут и где она сейчас? Эдир ответила, что ее дочь звали Длама и сейчас она далеко, очень далеко. Камисса вздохнула и созналась, что ей совсем не нравится ее имя, а вот имя Длама ей очень нравится. Потом Камисса спросила, уж не в Мугалии ли ее дочь сейчас. Эдир покачала головой и задумчиво ответила, что намного дальше, чем Мугалия. Ее глаза заблестели от наворачивающихся слез. Теперь уже Камисса ласково прижала ее к себе и заверила, что ее дочь обязательно вернется. Потом твердо добавила, что, когда она вернется, они все устроят веселый праздник.

Настал день, когда во дворец приехали послы из Мугалии во главе с принцем Боллу. Камисса нарядная, в изумрудных сережках, вместе с няньками вышла к северным воротам. Когда официальная встреча была завершена, Камисса подошла к Боллу. Он, как и его брат, действительно, был красив как цветок. Боллу сразу же понял, что перед ним та самая девочка Камисса, которая хотела спрятать свою тетушку, чтобы ее не

увезли в далекую страну. Боллу поприветствовал Камиссу и назвал ее отважной красавицей. Камиссе было очень приятно это слышать, и она обернулась к своим нянькам, чтобы убедиться, хорошо ли они расслышали, как ее назвал мугальский принц? Все три няньки очарованно смотрели на Боллу, а Боллу очарованно смотрел лишь на Прилу. Потом первая нянька одернула Прилу, и сказала, чтобы та не пялилась на принца, потому что ей все равно никогда не стать его женой! И вообще ничьей! Потому что она сирота, без роду, без племени. Первая нянька говорила так нарочито громко, чтобы Боллу хорошо слышал эти слова. Прила не выдержала этого, отвернулась и закрыв лицо ладонями, горько заплакала. Боллу подошел к ней и на глазах у изумленных нянек нежно обнял ее, и сказал, чтобы та не слушала оскорбления, чтобы не плакала, ведь не бывает, чтобы человек был без роду. Прила, продолжая плакать, сказала, что теперь ей все равно, ведь если она не может быть рядом с Боллу, то для нее жизнь потеряет смысл. Боллу тоже понимал, что теперь уже никогда не сможет расстаться с Прилой и пообещал во всем разобраться.

На следующий день, после официальной беседы с министрами, Боллу направился в особняк того лекаря, у которого воспитывалась Камисса, чтобы вручить ей подарок от Кунпалы и от себя, и конечно же, чтобы снова увидеть Прилу.

Камисса и Прила, по обыкновению, гуляли в дворцовом саду. Увидев Боллу, Камисса громко и радостно закричала и побежала к нему навстречу. Прила тоже очень хотела побежать к Боллу, но она была уверена, что Боллу уже и забыл про нее, ведь она была простая служанка, тем более безродная... Однако, Боллу, взяв за руку Камиссу, сам подбежал к Приле. Та стояла, опустив голову, не смея взглянуть на принца. Боллу протянул ей руку, в знак приветствия. Та тоже протянула руку и подняла голову. Их руки соприкоснулись и их взгляды встретились. Так они стояли, довольно долго, и у Камиссы уже не хватило терпения ждать, когда они выйдут из этого состояния. Она предложила им пойти в

дом. Боллу взял в одну руку руку Камиссы, а в другую руку руку Прилы. И все трое направились к дому.

По дороге Боллу весело спросил, знают ли они, что такое шахматы? К своему восхищению Боллу услышал, что они не только знают, но и играют в шахматы, правда, у Камиссы не всегда хватает терпения доиграть партию, и Приле приходится завершать партию самой против себя. Боллу рассмеялся и сказал, что тоже постоянно играет сам с собой.

Когда они вошли в дом Боллу достал серебряную шкатулку и протянул Камиссе, сказав, что это ей подарок от Кунпалы. Затем он протянул Камиссе шахматную коробку, сказав, что это ей подарок от него. Затем Боллу посмотрел на Прилу, улыбнулся и сказал, что подарок для Прилы от него будет, но немного позже. Прила смущенно опустила голову и тихо сказала, что ей не нужно никаких подарков, лишь бы только Боллу был рядом. Камисса открыла шкатулку. В крышке шкатулки было серебряное зеркальце, а в самой шкатулке лежал серебряный гребешок и золотые заколки для волос с капельками изумрудов, таких же, как и в сережках. Боллу осведомился, в доме ли лекарь? Прила сказала, что в это время он обычно сидит у себя в кабинете. Боллу, подмигнув Приле и погладив по головке Камиссу направился к кабинету лекаря.

Войдя в кабинет, Боллу поздоровался и сказал, что просил бы лекаря принять его, как только это будет возможно. Лекарь подумал, что мугальскому принцу нездоровится после вечеринки, которую устроил царь Ласфадии в честь его визита, и ответил, что ради него он готов отложить свои дела и принять его немедленно. Лекарь пригласил Боллу пройти в смотровой кабинет и сначала рассказать о том, что его беспокоит? Боллу вошел в смотровой кабинет, лекарь вошел следом и закрыл дверь.

Боллу хорошо знал, что лучший способ вывести человека на правдивый разговор – это ситуация внезапности. Нужно просто сделать так, чтобы у человека не было времени на обдумывание и сочинение чего-либо

вразумительного, но лживого. И тогда он будет говорить только правду! Ведь только правду не нужно сочинять! А если даже и попытается соврать, то его легко можно будет уличить во лжи, ибо рассказ его будет не связным и противоречивым.

Боллу спросил лекаря, может ли он ему верить? Лекарь снова подумал, что мугальский принц опасается за свое здоровье или свою какую-то тайну, и ответил, что может полностью довериться ему. Тогда Боллу сказал, что охотно поверит лекарю, но если тот скажет, что не знает лекаря по имени Палдий, то не сможет верить ему. При этих словах Боллу пристально посмотрел на лекаря. Тот, разумеется, никак не ожидал такого оборота и начал рассказ.

Лекарь сообщил, что Палдий был его братом-близнецом, что он был талантливым врачом, гораздо талантливее его самого. Он лечил людей не взирая на их состояние и регалии. Лечил просто потому, что был уверен, что здоровье – это наивысшая благодать! Однажды сынишка егеря, гуляя по лесу попал в капкан, который поставил один столичный вельможа, страстный любитель охоты. Мальчика нашли только под вечер. К тому времени нога у ребенка уже очень распухла и у него начался жар. Егерь усадил сына перед собой в седло и примчался во дворец, моля оказания помощи у тогдашнего дворцового лекаря. Однако, лекарь отказал ему, сказав, что не обслуживает простых людей. Егерь предложил лекарю заплатить за прием своим жалованием. Лекарь нехотя взял мальчика в смотровой кабинет, где намазал ему ногу какой-то мазью и повязал тряпкой. Передавая ребенка отцу, он сказал, что рана очень опасна и скорее всего мальчишка умрет, однако он принял его и теперь егерь должен ему заплатить своим жалованием. Бедный отец, прижимая ребенка к груди, едва сдерживая слезы шел к воротам, когда навстречу ему попался Палдий, который как раз возвратился из своей очередной экспедиции. Едва узнав, что случилось с ребенком, Палдий предложил немедленно пройти в его комнату. Быстро помыв руки, он снял повязку и

ужаснулся. Лекарь, в помощниках которого служил Палдий, совершил грубейшую ошибку. Но ему нельзя было об этом говорить вслух. Нужно было действовать без промедлений. Состояние мальчика ухудшалось с каждой минутой. Он уже был в полусознательном состоянии и бредил, призывая на помощь то маму, то папу. Отец мальчика весь дрожал от нервного напряжения, желая хоть как-то помочь сыну. Палдий, удаляя зловонную мазь с раны малыша, дал указания отцу, где можно взять и где можно подогреть воду. Егерь бросился выполнять задание. Огромное количество тряпок и воды ушло на очищение раны от мерзкой мази. Затем Палдий попросил егеря вставить между челюстями мальчика древко стрелы и крепко держать его. Затем Палдий проколол ногу мальчика и стал спускать испорченную кровь. От боли ребенок выл и извивался. Как приказывал Палдий, отец крепко держал его. Закончив спускать кровь, Палдий промыл раны свежеприготовленным раствором и перевязал чистой тканью. Мальчик перестал дергаться и затих. Отец сначала перепугался, но услышав спокойное сопение сына, прослезился. Палдий и егерь посмотрели друг на друга. Оба были раскрасневшиеся, употевшие, невероятно уставшие, но невероятно счастливые. Палдий сказал, что ребенок не ел целый день, к тому же потерял очень много крови, поэтому ему необходимо сытное и целебное питание. И он сказал, что пойдет на кухню для того, чтобы приготовить насыщенный густой бульон и целебный отвар для ребенка, да и им с егерем совсем не вредно будет покушать. Он велел егерю смотреть за состоянием повязки и как только она будет мокрой менять ее. Он показал, как это делать и показав ящик, где лежат чистые повязки ушел на кухню.

В эту ночь они с егерем спали попеременно, постоянно меняя повязки на ноге мальчика. Утром ребенок проснулся и испуганно стал звать маму. Палдий, который в тот час дежурил, успокоил малыша и первым делом попросил его пошевелить пальчиками на ножке. Пальчики зашевелились к великой радости Палдия. Он сразу поставил подогреть бульон и отвар.

После того, как ребенок поел и попил, Палдий снял повязку и осмотрел рану. Затем снова промазал рану раствором и наложил свежую повязку. Мальчик повернул голову, увидел спящего отца и хотел позвать его, но Палдий приложил палец к губам, и сказал, что папа и так не спал все ночь. Когда егерь проснулся, Палдий сообщил, что опасность миновала, но необходимо еще несколько дней, чтобы менять повязки и понаблюдать за заживлением. Затем Палдий предложил егерю покушать и съездить домой, успокоить жену...

Через неделю егерь с сыном, который прихрамывал, но уже шагал самостоятельно шли к западным воротам, чтобы уехать домой. Их увидел тот самый лекарь. Он удивленно посмотрел на мальчишку и сказал, что он гениальный лекарь и в качестве премии егерь теперь должен прибавить к оплате несколько соболиных шкурок. Егерь едва не разразился скандалом, но подбежавший в эту минуту Палдий, показал жестом, чтобы егерь не навлекал на себя неприятности. Затем обратившись к своему начальнику сказал, что при заключении договора не оговаривался ни результат, ни премиальные. Поэтому егерь должен ровно, столько сколько и обещал! Лекарь засмеялся и назвал Палдия странствующим бездельником, который умеет только умничать, а лечить людей не хочет. Палдий, ответил, что он, действительно, не хочет лечить людей, а хочет, чтобы люди не болели!

Вскоре, после этого случая, Палдий добился личного приема у тогдашнего царя Ласфадии и описал это происшествие с сыном егеря во всех ужасающих подробностях. К тому же добавил, что ежегодно тысячи зверей и птиц заживо сгнивают, попадая в капканы и силки. А ведь и звери, и птицы тоже являются подданными царя!

Царь был очень впечатлительным и даже мнительным, а этот рассказ просто потряс его. Немедленно он издал указ о строжайшем запрете применения капканов и силков, а в западном лесу была запрещена любая охота и лес был объявлен государственным заповедником.

Боллу внимательно слушал рассказ лекаря и добавил, что зачастую люди поступают глупо и опасно до тех пор, пока не случится беда! Затем, Боллу попросил продолжить рассказ.

Егерь объявил Палдия своим братом и даже пристроил к своему дому две комнаты, в одной устроили спальню для Палдия, а в другой смотровой кабинет и небольшую лабораторию. Палдий стал принимать больных из окрестных мест, чем сильно досаждал местным знахарям и лекарям так как излечивал людей, а не продлевал их болезни с целью получения доходов. Однажды его хотели даже убить, но он в это время как раз отправился в свою очередную экспедицию. Его экспедиции длились порою годами. Он обследовал почти всю страну, а как-то раз был даже в Мугалии...

Боллу с нетерпением спросил, где же теперь Палдий, в очередной экспедиции или занят чем-то другим?

Лекарь закрыл лицо ладонями и стал рыдать. Сквозь рыдания, он всхлипывая произнес, что Палдия уже нет, он умер, покончил с собой, принял яд...

Боллу насторожился. Было совершенно невероятно, что столь отважный человек мог поступить столь малодушно!

Но лекарь продолжая рыдать, сообщил, что царь вскоре после возвращения Палдия из Мугалии назначил его вторым придворным лекарем. К тому времени у царя был уже сын от первой жены. Он часто болел и помощь Палдия требовалась практически постоянно. Царь через некоторое время женился второй раз, и вторая жена родила ему девочку, которую называли Кунпала. Роды прошли весьма успешно и для матери, и для ребенка. Через два года царица снова забеременела, и царь надеялся, что на этот раз у него родится крепкий и здоровый сын. Но и в этот раз родилась девочка, которую называли Прила.

Услышав имя Прилы, Боллу еще больше насторожился. Неужели это та самая Прила, которая служит в качестве няньки у принцессы Камиссы?

Лекарь подтвердил, что это она и есть, и продолжил. Когда Прила родилась у царицы начались сильные боли, открылось кровотечение. Палдий принял, все меры, применил все свои знания и умения, но спасти царицу не удалось. Вероятно, в порыве отчаяния и не желая быть опозоренным Палдий и принял смертоносный яд...

Лекарь сказал, что поскольку он тогда служил помощником у Палдия, на его долю выпало сообщить царю печальную весть о смерти его жены. Царь пришел в ярость. Он стал кричать, что ему не нужны две дочери, что ему и Кунпалы, вполне достаточно, а ведь он так надеялся, что родится мальчик... Потом, немного успокоившись, царь приказал лекарю тайно умертвить и девочку и захоронить ее вместе с матерью, объявив, что мать умерла во время родов, а ребенок так и не появился на свет. Однако, лекарь посмел ослушаться царского приказа. Он пожалел девочку и тайно передал ее в приют. Только спустя четырнадцать лет, когда его и его жену назначили опекунами принцессы Камиссы у него появилась возможность забрать Прилу из приюта и устроить в качестве третьей няньки для принцессы Камиссы.

Боллу был в восторге. Он, разумеется, так или иначе имел твердое намерение жениться на Приле. Но всякие глупости по поводу происхождения и родства, могли бы серьезно осложнить их стремление создать семью. А теперь, когда выяснилось, что Прила является ласфадийской принцессой, остается лишь сообщить царю Ласфадии о том, что у него есть еще одна сводная сестра, и просить его величайшего позволения выдать ее замуж за мугальского принца.

Лекарь высказал опасения, что его могут наказать за то, что когда-то ослушался приказа царя. Но Боллу успокоил его, сказав, что приказа ведь никто, кроме лекаря не слышал. А значит можно будет просто сказать, что царь приказал отдать ее в приют, что собственно лекарь и сделал! Боллу пообещал, что все устроит в лучшем виде и репутация лекаря, равно как и его положение при дворе ни коим образом не пострадает.

На следующее утро в особняк лекаря прибыли гвардейцы из личной охраны царя и просили лекаря, вместе с Прилой прибыть в тронный зал, где их ожидал царь. У лекаря появились смутные сомнения. Он ведь не знал, что Боллу был влюблен в Прилу. Неужели мугальский принц выведал у него историю Прилы и теперь хочет для чего-то или почему-то расправится с ними. От волнения у него дрожали руки и ноги. Но нужно было идти без промедлений, ибо царь был нетерпелив и не любил длительных ожиданий. Когда они вошли в тронный зал, то увидели царя в прекрасном расположении духа. Рядом с царем стоял улыбающийся Боллу. Царь сам подошел к лекарю и лично прикрепил ему очередной орден. Затем царь хотел было обнять свою сестру, о существовании которой даже не догадывался, но поскольку та была одета как служанка не стал этого делать. Царь громко объявил, что своим высшим повелением он благословляет брак своей сестры, ласфадийской принцессы Прилы и мугальского принца Боллу. А также он объявил, что по этому прекрасному поводу он объявляет в стране всенародный праздник, а вечером во дворце будет дан пышный бал с играми и фейерверками.

После отъезда Прилы и Боллу, Камисса загрустила. Она, разумеется, была очень рада, что единственная няня, которую она уважала и любила, оказалась сестрой Кунпалы и прекрасный принц Боллу увез ее с собой в далекую Мугалию, но общаться с двумя оставшимися нянькам, которые почернели от своей зависти и досады, ей совсем не хотелось. Камисса умела уже немного читать и проводила большую часть дня за чтением книг и игрой в шахматы сама с собой. Няньки нисколько не страдали от этого, поскольку были ленивыми и болтливymi.

Через два года Камисса получила сообщение о том, что в семье мугальского царя снова произошло пополнение, причем на этот раз, довольно-таки, многочисленное. Кунпала родила мальчика, которого называли Ансут, а две недели спустя Прила подарила мужу сразу двух

крепышей, которых называли Гампас и Тарли. Камисса хотела снова купить ткани и пошить нарядные рубашки для малышей, но она подумала, что для мальчиков нужно придумать что-то другое. Однако, ей самой еще трудно было что-то придумать, а посоветоваться было не с кем. Ее опекунша, жена придворного лекаря видела в Камиссе только источник доходов и даже не отвечала, когда Камисса вежливо здоровалась с ней. Тогда Камисса решила снова сходить к Эдире и посоветоваться с ней. Она полагала, что помнит дорогу, поэтому смело вышла через западные ворота и пустилась в путь. Но через некоторое время поняла, что идет не туда. Она решила вернуться назад до знакомого места и уже оттуда продолжить путь в правильном направлении. Но она никак не могла найти знакомое место, и вскоре поняла, что окончательно заблудилась. Хотя было светло и яркие лучи солнца четко просвечивали сквозь густую листву высоченных деревьев, Камисса испугалась не на шутку и почувствовала жуткий страх. Она знала, что в лесу водятся дикие звери, которым не известно о том, что она - принцесса Ласфадии, и поэтому они не будут оказывать ей при встрече должные знаки внимания и почтения. Самое главное, что она не знала, как ей поступить. Если продолжить попытки найти выход из леса, то можно еще больше углубиться в лес, а если оставаться на месте, то шансов выбраться не прибавится, а наступлением сумерек и вовсе будет непонятно куда идти. Она увидела, что с одной стороны свет более яркий, чем с других сторон. Камисса побежала туда и оказалась на небольшой полянке. На полянке было не так страшно, и она немного успокоилась. Бега по лесу, она немного растрепала волосы. А ведь принцесса не может себе позволить быть растрепанной, даже если она находится одна в лесу и ее никто не видит! И Камисса решила привести себя в порядок. Она одернула и отряхнула платье, достала из кармана серебряную шкатулочку, ту самую, которую Боллу привез ей в подарок от Кунпалы, взяла гребешок и стала расчесывать волосы. Солнечные блики от зеркальца мешали ей

хорошенько себя рассмотреть, и Камисса стала вертеть шкатулкой, чтобы блики не мешали ей. Проезжавший в тот час по лесу Торус, который был смотрителем западного заповедника и ежедневно объезжал вверенные ему лесные угодья и проверял все ли в порядке, заметил какое-то странное сверкание в глубине леса и немедленно поскакал туда. Каково же было его удивление, когда он увидел стоящую на солнечной полянке маленькую девочку, которая была так похожа на его любимую жену Эдиру. Услышав цокот копыт Камисса встrepенулась и повернулась в сторону, откуда доносился звук. Увидев человека, Камисса настолько обрадовалась, что побежала навстречу скачущему коню с криками радости и благодарности, что ее нашли.

Торус остановил коня и, подхватив Камиссу, усадил ее в седло. Девочка действительно была очень похожа на Эдиру. Торус спросил, как такое нежное создание оказалось в лесу? Камисса, с благодарностью прижалась к плечу Торуса и рассказала обо всем.

Торус сказал, что ее могут спохватиться во дворце, но Камисса заверила, что до вечера никто ее не будет искать. Тогда Торус сказал, что отвезет ее к Эдире, а потом отвезет назад, к западным дворцовым воротам.

Когда они подъехали к дому, Шамлат, который упражнялся в набрасывании аркана на вбитый в землю кол, увидев отца, раньше обычного вернувшегося с работы, радостно закричал и побежал навстречу. Увидев в седле девочку, Шамлат, сначала удивился, но потом, узнал-таки ту деловую, но веселую девочку, которая приходила к ним два года назад вместе со своей нянькой, которая тоже была очень веселая и добрая. Услышав его радостные крики, из дома вышла Эдира, и, увидев Камиссу, удивилась, пожалуй, еще больше, чем в прошлый раз. Камисса, ведь, подросла и стала еще больше похожа на Торуса.

Эдира накрыла стол на веранде и за едой они обсудили, какие подарки следует подготовить для новорожденных принцев. Эдира знала, что в Мугалии мужчины носят шейные платки, и предложила сшить каждому

шейный платок, отороченный кружевами и вышить золочеными нитями их имена. Предложение было принято. Кроме того, Шамлат тоже заказал себе такой шейный платок. Камисса сказала ему, что он будет выглядеть очень смешно. Но Шамлат ответил, что она сама выглядит смешно в своих дурацких украшениях. Торус сказал, чтобы тот не смел так разговаривать с принцессой, и Шамлат надув губы отвернулся. Камиссу смутило то, что этот отважный человек, считает ее более важной, чем они. Ведь так приятно и легко, когда тебя считают своей! И Камисса протянула Шамлату руку в знак того, что она не обижается и готова продолжать с ним общаться на равных. Шамлат просиял и тут же предложил Камиссе поиграть вдвоем. Камисса посмотрела на Эдиру и Торуса, и увидев их одобрительные взгляды, согласилась. Дети встали из-за стола, поблагодарили родителей за вкусные угощения, сполоснули ручки и зубки, и весело побежали играть, заливаясь звонким смехом.

Оставшись вдвоем, Торус и Эдира посмотрели друг на друга. Каждый видел в Камиссе явное сходство, и в чертах лица, и в фигуре, и в манерах двигаться. Наконец, Эдира вздохнула и сказала, что было бы не плохо помочь этой девочке. Ведь ее мама умерла, а отец совсем не занимается ею... Торус кивнул головой. Он хотел теперь пересказать Эдире то, что однажды сказали ему санитары, но решил, что это преждевременно, ибо у него не было никаких доказательств. Только надежда...

К вечеру Торус отвез Камиссу к западным воротам и сказал, что через два дня будет ждать ее утром для того, чтобы передать ей готовые подарки. Камисса, пройдя через сад, подошла к дому. Обе няньки, проболтав полдня, теперь дремали сидя на скамье возле дома. Как она и предполагала, никто ее не спохватился. Это ей очень понравилось. Самое главное, она теперь знает, что у нее есть надежные и верные друзья, которые не лицемерят, не лукавят, не завидуют, не ехидничают. Только, здесь, во дворце, об этом никто не должен знать!

Через два дня, как и было оговорено, Торус привез чудесные атласные платки, отделанные тончайшим кружевом, и на каждом платочке было вышито имя каждого кузена Камиссы. Первым делом, Камисса велела поблагодарить Эдиру за прекрасную работу. Потом спросила, сделала ли она платок для Шамлата, ведь Камисса в шутку же сказала, что Шамлат будет выглядеть смешно... Торус улыбнулся и ответил, что Эдира, конечно же, отделала платок и для Шамлата, но тот отказался его даже примерить. Камисса улыбнулась, и просила передать, что Шамлат в шейном платке будет выглядеть очень даже симпатично.

Но в Ласфадии не было постоянного посольства Мугалии и отослать подарки было не с кем. Как же быть? Тогда Торус предложил, что возьмет отпуск и сам съездит в столицу Мугалии для того, чтобы вручить подарки от Камиссы. Идея была замечательная и Камисса сказала, что лучше нельзя и придумать. Торус сказал, чтобы Камисса через две недели после полудня вышла к воротам. Возможно, он и раньше вернётся из Мугалии, но в дороге всегда могут произойти всякие непредвиденные события.

Через две недели Торус вернулся из Мугалии и рассказал Камиссе как его встретили царь Пэрок и царица Бирсэна. Его приняли как родного и просили погостить подольше, но раз уж они с Камиссой договорились, то задерживаться было нельзя. Торус предложил Камиссе простой способ для сообщения. Он показал Камиссе лежащий возле ворот белый камень, который был достаточно большой, чтобы можно было увидеть его издалека, и достаточно лёгкий, чтобы Камисса без труда смогла его поднять. Торус сказал, что если Камисса захочет его видеть, то вечером она должна переложить этот камень по правую сторону от ворот. Торус, который каждое утро будет проезжать мимо ворот, увидев камень справа, после полудня вернётся к воротам и будет ожидать Камиссу. После встречи, камень нужно будет снова переложить по левую сторону от ворот. Камисса сказала, что ей все понятно, но она пообещала, что не будет отвлекать Торуса по пустякам.

Если Кунпала и Прила вдвоем родили троих, то Корда одна родила сразу шестерых. Флут оставил Дола для того, чтобы тот помогал своей жене ухаживать за детьми, которые родились еще с закрытыми глазами и были похожи на меховые комочки, которые ползали и попискивали. А сам с сыном отправился пасти отару. Ближе к вечеру, когда пришла пора возвращаться домой, Ронси увидел, как одна овечка отбилась от стада побежала по склону. Ронси, которому тоже очень захотелось побегать решил догнать беглянку. Пока Ронси добежал до склона, непослушная овечка уже успела скрыться из виду. Ронси забрался на склон и сверху увидел, что глупая овца спустилась в небольшой овраг, куда, даже близко, Флут не подгонял свою отару. Ронси ничего не оставалось как следовать за блудной скотинкой. Оказавшись на пригорке, Ронси стал кричать, чтобы овца вернулась обратно. Потом он заметил, что на другом краю оврага стоит какая-то собака. Ронси поздоровался с ней и стал разговаривать так, как он обычно разговаривал с Кордой и Болом. Сначала сказав по-человечески, а потом пролаяв в такт сказанному, будто переводя на собачий язык. Но собака не отвечала на его приветствия, ведь его появление совсем не входило в ее планы. Уж лучше бы этот маленький человек оставил их наедине с этой аппетитной овечкой. Ронси тоже не понравилось, что собака не ответила на его приветствие. Он стал спрашивать, зачем она пришла сюда и где ее друзья и родные? Но собака не собиралась разговаривать с ним. Всего несколько прыжков и заблудшая овца могла бы стать прекрасным ужином для всей ее семьи, но этот человек, хоть и был маленьким, но держал в руках большую палку, которой он запросто отбить у нее аппетит. Но сможет ли? Она стояла, не решаясь напасть, но и не желая уходить. Услышав крики Ронси Флут тоже поднялся на край оврага. При его появлении собака поняла, что тут уже точно ничего вкусного не поймать, и недовольно заурчав рысцой побежала к склону горы и вскоре скрылась в лесочке. Флут положил руку на плечо Ронси и спросил, не испугался ли

тот волчицу? Ронси удивился. Он и не предполагал, что это была волчица. И он не испугался! Ронси сказал, что обязательно расскажет об этом маме Гинде. Но Флут сказал, что пока Дол ухаживает за Кордой и щенками, маме лучше не говорить, а то она будет беспокоиться за Ронси. Ронси, пообещал пока ничего не рассказывать, но сам о себе сказал, что он уже очень храбрый и сильный, и не боится даже волков. Флут ласково потрепал его по голове и сказал, что нужно быть по настоящему сильным и по настоящему храбрым. И хотя в сказках волки бывают злыми и коварными, на самом деле они очень умные и благородные существа. Они не являются врагами человека. Даже если порой они и нападают на людей, то это из-за сильного голода, но не из-за ненависти. А вот из-за ненависти на людей могут нападать только другие люди. И чем сытнее бывают эти люди, тем больше в них ненависти и стремления уничтожить других людей. Ронси понял о ком говорит папа Флут. Это жадные торговцы! Он однажды видел, как на базаре жадные торговцы жестоко пинали маленького мальчика только за то, что он украл у них яблоко. Конечно, Ронси понимал, что брать чужое ни в коем случае не следует, но и избивать маленького ребенка из-за какого яблока — это уж слишком жестоко! Хорошо, что папа Флут тогда вступился за мальчика и заплатил жадным торговцам тройную цену за это яблоко, а то бы совсем не сладко пришлось маленькому воришке. Ронси спросил у папы Флута, как же ему стать по настоящему сильным и по настоящему храбрым? Флут ответил, что с завтрашнего дня он будет учить Ронси искусству защиты, а теперь пора возвращаться, чтобы не заставлять маму Гинду второй раз подогревать ужин. С этими словами, Флут сбежал на дно оврага, схватил заблудшую овечку за загривок и вынес ее на возвышенность. Затем он опустил ее на землю и отвесив ей легкого пинка заставил возвращаться к своим. Овечка с обидой заблеяла. Она ведь даже не заметила волчицу и поэтому не понимала, что, если бы не Ронси и Флут, ее бы уже делили между собой голодные волчата.

Ронси упорно и прилежно стал осваивать искусство самообороны. В сочетании с работой в кузнице это дало хороший результат. Ронси вырос настоящим богатырем. Но ему хотелось стать лекарем. Получив от матери Гинды начальные знания в подборе трав и приготовлению целебных отваров и растворов, он понимал, что ему следует еще много познать, чтобы стать таким искусным врачевателем, каким был Палдий, письмо которого он знал наизусть, но всякий раз перечитывал с благодатным трепетом.

Флут и Гинда тоже понимали, что их сын вырос и ему нужно устраивать свою жизнь. Они воспитали его и обучили всему тому, что знали сами. Однако, Ронси может и хочет развивать эти знания и применять их на практике. Жизнь в долине была спокойна и благодатна, но мир гораздо больше, чем их прекрасная долина...

Однажды, Гинда показала Ронси маленькую одежду и сапожки, которые были сделаны из очень дорогих материалов. Ронси догадался, что это была его одежда, но очень удивился, зачем родители сшили ему такую дорогую одежду и обувь? Флут опустив голову ответил, что эту одежду сшили для него его настоящие родители.

Ронси вскочил и подойдя к отцу, потрогал его лоб. Он подумал, что отцу нездоровится и он бредит. Но Флут взял его руку и прижав к своей груди рассказал каким чудесным образом Ронси появился в долине. Ронси отказывался верить, но вспомнил, что ему до сих пор, хотя уже и редко, снится сон о том, как он путешествует на дереве в бурлящей реке. Ронси вопросительно посмотрел на маму Гинду и та закивала головой и заплакала. Ронси воскликнул, что он их родной сын! Даже не смотря на то, что его родили другие люди, за те годы, что он жил с Гиндой и Флутом, он весь пропитался их духом и их плотью и теперь является их и только их плотом и кровью.

Приходя с отцом Флутом на базар, Ронси видел вельмож, с их отвратительными, обрюзгшими, заплывшими жиром физиономиями, с их

колючими и злобными взглядами, которые не выражали ничего, кроме алчности и чопорности. Ронси всем сердцем презирал вельмож и отказывался признавать себя их потомком.

После этого тяжелого разговора они втроем обнялись и согласились, что у каждого из них нету ближе и роднее тех двоих, которые находятся сейчас рядом с ним!

Спустя полгода Ронси сказал, что Палдий может быть еще жив, хотя и очень стар. И он будет рад услышать, что его пребывание в этой долине было для кого-то очень полезным. А если он согласится, то примет Ронси в свои ученики и Ронси будет осваивать великое искусство врачевания. Гинда, заплакала. Она понимала, что Ронси уже вполне взрослый и ему пора вести самостоятельную жизнь, но представить как они будут жить без него ей было тяжело. Тогда Ронси ласково обнял свою мамушку и пообещал, что непременно вернется сюда и возможно уже не один. До восхода солнца, как обычно это бывало в базарные дни, Ронси с Флутом покинули долину. Флут проводил сына до самого дальнего села, в которое они когда-то ходили и велел Ронси беречь себя, и помнить, что они с матерью будут ждать его хотя бы на побывку, пошел назад в свою долину. А Ронси продолжил свой путь в столицу Ласфадии.

А в это самое время Камисса выехала из столицы Ласфадии. Ее карета, которой правил Торус направилась в сторону Мугалии.

Две недели назад пришло официальное приглашение царю Ласфадии от царя Мугалии, быть, вместе со всей семьей, гостями на всенародном празднике мира, который устроит Пэрок и Бирсэна в Мугалии по поводу двадцатилетия окончания войны с Тамерией. Разумеется, что и царь Тамерии получил подобное приглашение. Однако, царь Ласфадии, который панически боялся покидать пределы дворца, отказался от поездки в далекую Мугалию. А поскольку он последние годы просто был помешан на войне с Тамерией, то и сына своего не пустил на праздник, дабы тот, не проникся симпатией к царю Дугрию. Но Камисса, которая

была уже вполне взрослой, самостоятельно начала подготовку к поездке. Прежде всего, следовало запастись подарками. И как это стало уже обычным делом, она решила вместе с Эдирой сходить на базар, выбрать хороших тканей, выделанной кожи, пряжи, нитей и всяческой бижутерии. Камисса уже давно знала дорогу к дому смотрителя заповедника, и белый камень уже много лет лежал по левую сторону ворот. Закупив материалы, Эдира с Камиссой принялись за работу.

К тому времени, Камисса уже давно научилась шить, вязать и вышивать. Она всегда утверждала, что настоящая принцесса не та, которая бездельничает как ее глупые и ленивые няньки, а та, которая любит и умеет работать и все делает с удовольствием и поэтому у нее все получается!

Для всех женщин, включая царицу Рутэнию и принцессу Алдику, они изготовили прогулочные накидки, а для мужчин, включая царя Дугрия, изготовили шарфы и пояса. Камисса, заявила, что не хочет брать в Мугалию кого-либо из дворцовой прислуги. Поэтому она назначила Торуса быть ее сопровождающим. Торус улыбнулся и сказал, что в свою очередь назначает Шамлата исполнять обязанности смотрителя заповедника.

Проезжая по Мугалии Камисса была восхищена красивыми и ровными постройками, приветливостью и аккуратностью местных жителей. Она подумала, почему же в ее родной Ласфадии люди не живут так же хорошо, как здесь? Что мешает им жить хорошо? Почему у большинства ласфадийцев всегда озабоченные и смурные лица? Разве им приходится больше и тяжелее трудиться, чем мугалам? Нет! Судя по тому, как в Мугалии все удобно обустроено, мугалы работают гораздо больше и гораздо интенсивнее! Она не могла найти ответы на свои вопросы и решила спросить Торуса. Торус ответил, что когда впервые приехал в Мугалию по поручению Камиссы, то сам был крайне восхищен этой страной и ее жителями и тоже сначала не понимал, почему же в его

стране все так печально? Но после знакомства с царем Пэроком и царицей Бирсэной ему все стало ясно. Пэрок и Бирсэна не разделяют людей на сословья. Каждый гражданин Мугалии имеет такие же права, как и царь. И никому не позволено занижать или игнорировать эти права! Царь правит страной самостоятельно, а не раздает полномочия многочисленным министрам и чиновникам. Поэтому в Мугалии нет бездельников. Все работают на благо своей страны! И работают честно! Торус предварительно извинился перед Камиссой, сказав, что не хочет ее обидеть, но сказал, что царь Ласфадии — это **самодовольный блявангосударь-бездарь**, который вместо того, чтобы управлять страной проводит практически все свое время в увеселительных пирушках и игрищах, в то время, когда алчные чиновники обирают тех, кто работает. Поэтому, работать в Ласфадии не выгодно. Проще торговать или, **еще проще**, воровать! Камисса с грустью согласилась...

Через три дня они приехали в столицу Мугалии и радость от встречи и новых знакомств развеяли ее грусть. Разумеется, что Камисса, Алдика и Санпина сразу же подружились и практически не расставались во время праздничных мероприятий. Торус тоже был рад новому знакомству с царем Дугрием. В первой же беседе Дургий предложил Торусу в ближайшее время посетить Тамерию, чтобы заключить новые торговые соглашения. Торусу пришлось извиниться и пояснить, что он не является царем Ласфадии, а лишь сопровождает принцессу Камиссу. Дургий посмотрел на Камиссу, потом на Торуса, потом рассмеялся и заявил, что ему не удастся его разыграть, ибо у него очень хорошо развито зрение, да и любому ясно, что Камисса его дочь. Только подошедшая Камисса, которая сказала, что и сама была бы счастлива, если бы ее отцом был Торус, помогла Торусу доказать, что он не царь Ласфадии. Дургий еще раз посмотрел на Камиссу и на Торуса, недоуменно пожал плечами, потом сказал Торусу, чтобы тот все равно приезжал в Тамерию, если не как царь, тогда как друг! Торус и Дургий пожали друг другу руки и обнялись.

А в это время Ронси подошел к воротам царского двора и сообщил охранникам, что разыскивает лекаря по имени Палдий. Охранники ответили, что не знают никакого Палдия и хотели уже прогнать Ронси, но тот дал им три серебряных монеты и те сказали, что на счет Палдия нужно спросить у придворного лекаря и показали Ронси как дойти до его особняка. Когда лекарь увидел Ронси он сначала испугался. Ронси был очень похож на того мугальского принца, который увез Прилу. Но прошло уже более десяти лет. Может быть это тоже какой-нибудь мугальский принц, хотя и одет как ласфадийский крестьянин? Что ему нужно? Почему он опять спрашивает про Палдия? Неужели тот принц, которому он сказал, что Палдий умер, что-то заподозрил и послал своего младшего брата, чтобы тот снова его допросил?

Но когда Ронси произнес название деревни, в которую они с отцом Флутом чаще всего ходили на базар, и сказал, что когда-то Палдий вылечил его матушку и теперь Ронси хотел бы устроиться к нему учеником, придворный лекарь облегченно выдохнул. История вполне правдоподобная. Ведь где только не побывал его братец, и кого только не лечил. Лекарь сказал, что Ронси опоздал на несколько лет, потому что Палдий уже умер. И раздраженно добавил, что его повесили за то, что тот лечил всяких простых людей, хотя был придворным лекарем.

Услышав это, Ронси сощурил глаза и сказал, что казнить человека за то, что тот спасает людей, могут только тупые и жестокие вельможи.

Лекарь присмотрелся к Ронси. Ронси выглядел весьма крепким и здоровым. Как раз такой сильный работник и был ему нужен теперь. Ведь его санитаров забрали в армию.

Тогда он предложил Ронси наняться к нему санитаром. Ронси ответил, что охотно готов работать и учиться врачеванию. Придворный лекарь сказал, что если его вдруг остановят солдаты и попросят помахать мечом, то нужно сделать вид, что меч слишком тяжел, а в противном случае и Ронси могут забрать в армию.

На следующий день лекарь показал Ронси траву, которую он использовал для приготовления успокоительной настойки, и сказал, чтобы Ронси шел в западный лес, где эта трава растет в изобилии и набрал ее целый мешок.

Ронси отыскал полянку, где росла эта трава и стал срезать ее и складывать в мешок. Сзади к нему подъехал верхом на коне Шамлат и строго спросил Ронси, кто он такой и что он делает в заповеднике? Ронси обернулся и поздоровался. Задиристый тон парня, который был года на два моложе его, немного задел Ронси. И он сказал ему, что младшие должны первыми здороваться со старшими. Шамлат немного смутился, но потом сказал, что он главный в этом заповеднике и все пришедшие сюда должны сообщать ему кто они такие не смотря на возраст. Ронси сказал, что в лесу главных не бывает, а вот вежливым следует быть даже в лесу. Шамлат еще больше смутился и немного помолчав, извинился. Ронси улыбнулся. Теперь ему нравился этот парень, пусть немного дерзкий, но вполне учтивый. Однако, Ронси решил подразнить парня. И он спросил у Шамлата, чтобы тот сделал, если бы Ронси был браконьером? Шамлат сказал, что поймал бы его и отвез к охранникам. А Ронси спросил, каким образом он бы это сделал. Вместо ответа Шамлат легким движением руки бросил аркан и Ронси оказался по локоть связанным петлей аркана. Шамлат, натянув аркан и склонив голову на бок, задорно улыбался. Ронси тоже склонил голову на бок и тоже задорно улыбнулся. Затем, прихватив узел петли, резко крутанулся и Шамлат, который держал аркан выпал из седла. Натяжение аркана ослабло и Ронси снял с себя петлю. Но Шамлат, немедленно, вскочил на ноги и отвесил Ронси мощную оплеуху. Ронси был сбит с ног и несколько раз перевернулся. Вскочив на ноги, Ронси вспомнил, что он когда-то что-то подобное уже видел. Но где и когда вспомнить не мог, да и некогда уже было. Шамлат уже наносил следующий удар. Но Ронси успел увернуться и резким толчком опрокинул Шамлата. Тот, упав, изловчился и сделал

Ронси подсечку. Ронси повалился на траву. В ту же секунду Шамлат набросился на него и опрокинул на спину. Но Ронси потянул его за одно плечо, а оттолкнул за другое. Теперь на спине оказался Шамлат. Но и он не задержался в этом положении. Так они катались по траве довольно долго, пока не поняли, что это совершенно бесполезно. Они были достойны друг друга, и по силе, и по ловкости. Изрядно утомившись борьбой, они лежали на траве и разглядывали верхушки деревьев. Шамлат, как младший по возрасту, первым спросил, согласится ли Ронси научить его своим борцовским приемам? Ронси очень обрадовался и попросил Шамлата о том же. Они оба рассмеялись и обнялись как братья. Но потом, взглянув на свою одежду, они увидели, что изрядно выпачкались в зелени. Шамлат предложил поехать к нему домой. Там они смогут переодеться, а завтра после полудня Шамлат привезет выстиранную и сухую одежду Ронси к западным воротам. Идея очень понравилась Ронси. Шамлат преподавал Ронси небольшой урок верховой езды, и затем оба друга поскакали к дому смотрителя заповедника.

Услышав стук копыт Эдира вышла на крыльцо. Увидев перепачканных в зелени друзей, Эдира засмеялась и пригласила их в дом. Пока ребята умывались и переодевались, Эдира накрыла стол на веранде. За обедом Ронси рассказал, что хотя знает и любит кузнечное дело, но решил выучиться на лекаря, для чего он и пришел в столицу. Он устроился на службу санитаром к придворному лекарю и проживает в маленькой комнате, где раньше жил Палдий.

Услышав про Палдия, Эдира сказала, что и у них дома есть комната Палдия, а также его лаборатория, где каждую неделю Эдира наводит чистоту, но каждая вещь осталась на том же месте, как была при Палдие. Увидев удивленный взгляд Ронси, Эдира пояснила, что после того, как Палдий вылечил сына егеря, они с егерем стали как родные братья и егерь пристроил к своему дому две комнаты, одна из которых была спальней, а другая служила лабораторией и приемной, где Палдий

принимал и лечил простых людей. Однажды, когда Эдире было тринадцать лет, ее мама сильно заболела. Деревенский знахарь сказал, что ее уже не спасти. И действительно, с каждым днем боли усиливались, и домашние уже стали готовиться к скорым похоронам. Но как-то в базарный день, покупая товары, Эдира услышала, как одна торговка рассказывала другой, что недавно перенесла тяжелую болезнь, а вот сейчас чувствует себя вполне здоровой. Эдира, услышав эти слова, обратилась к той женщине с просьбой рассказать о лекаре, который ее исцелил. И торговка рассказала Эдире о лекаре, где тот живет и как туда пойти. Эдира поблагодарила добрую женщину и почти бегом побежала по указанному пути.

На пути к дому смотрителя заповедника, Эдира увидела всадника, который подъехал к ней, поздоровался и спросил, что девушка делает в лесу одна и не нужна ей какая-либо помощь? Эдира рассказала о причинах, которые привели ее в лес. Смотритель заповедника спешился, помог Эдире сесть в седло, и под уздцы привел коня к своему дому.

Вышедший им навстречу, Палдий попросил Эдиру рассказать о болезни матери. А когда понял, какой болезнью страдает женщина, пошел в свою лабораторию, взял необходимые медикаменты и инструменты, вскочил на коня и укачал в деревню, где жила семья Эдиры. Смотритель заповедника, сказал, чтобы Эдира подождала возвращения Палдия у них дома. Эдира согласилась, но предпочла посидеть на веранде. Ей было очень тревожно. Она очень надеялась, что этот лекарь исцелит ее мамушку, однако осознавая тяжелое ее состояние и затянувшуюся болезнь Эдира боялась, что и него это не получится...

Палдий вернулся часа через три и радостно сообщил, что сделал женщине операцию и теперь она крепко спит. Потом объяснил Эдире, что нужно делать, чтобы ее мама окончательно поправилась. Эдира заплакала от радости и побежала домой.

Спустя неделю ее матушка могла уже самостоятельно ходить и даже пыталась делать кое-какие дела по дому. Эдира же испекла большой праздничный пирог и пошла к дому смотрителя заповедника, чтобы отблагодарить и его, и, конечно же, того, кто исцелил ее матушку.

Однако, когда она пришла, дома была только жена смотрителя заповедника, которую звали Вилма. Она узнала девушку, недавно приходившую к ним, и пригласила в дом. Вскоре вернулся Палдий, с сумкой полной разных трав. Увидев Эдиру, он поздоровался и первым делом осведомился о здоровье ее матушки. Эдира с радостью и благодарностью доложила, что с матушкой все в порядке, а она пришла сюда, чтобы поблагодарить его и семью Салгия. А Вилма добавила, что Эдира принесла вкуснейший пирог, и что сейчас они вместе с ней еще кое-чего вкусненькое приготовят, и устроят праздничный ужин. Палдий, смеясь, сказал, что издали учуял запах пирога, потому и вернулся так быстро. А вот Салгию и Торусу нужно дать сигнал, чтобы заканчивали свои дела и скорее возвращались, пока пирог еще теплый. Палдий взял егерский рожок, вышел из дома и несколько раз подул в рожок, издавая протяжные и громкие звуки.

Первым прискакал Салгий. Пока он умывался, Эдира и Вилма уже вынесли все кушанья на веранду. Вилма шутливо стала ворчать, почему же Торус не возвращается. Потом пояснила, что Торус занимается вырубкой сухих деревьев и возможно не слышал звуки рожка...

В следующую минуту Эдира увидела выходящего из леса юношу. Солнце ярко освещало его с головы до ног, и он казался Эдире сказочным принцем. Родители поторапливали его идти побыстрее, но он, казалось бы, не слышал их, а очарованно смотрел на Эдиру и шел медленно и осторожно, будто боясь спугнуть волшебное видение. Когда он подошел и поздоровался с Эдирой, Палдий смеясь сказал, что до свадьбы им с Эдирой надо будет несколько лет подождать, так что им пока спешить некуда, а вот ужин уже стынет.

После этого они с Торусом стали дружить, а через год Палдий поехал в Мугалию по очень важному делу. А вот после его возвращения его видел только рыбак, у которого он брал лодку. Салгий пытался его найти, но не мог. Сначала, мы все решили, что Палдий отправился в экспедицию, но уж прошло столько лет, а до сих пор о нем ничего не слышно...

Ронси сказал, что, по словам придворного лекаря, Палдия повесили за то, что тот лечил простых людей. Однако, Эдир возразила, сказав, что этого не может быть. Хотя в Ласфадии творится много несправедливости, но казнить за оказание помощи простым людям было бы просто запредельно жестоко. Если бы Салгий услышал что-то подобное про своего названного брата, он дошел бы даже до царя, но не допустил бы такую вопиющую несправедливость.

Ронси поднял глаза кверху и немного сузил веки. Значит старикашка соврал про Палдия! Но зачем? Вероятно, ему есть, что скрывать...

Эдир, тоже подумала, что придворный лекарь что-то скрывает. А возможно, что это тот самый лекарь, который не смог вылечить ее Дламу. А может у Дламы и не было никакой страшной и заразной болезни? Эдир попросила Ронси осторожно разузнать о судьбе девочки, которую забрали для лечения восемнадцать лет назад.

Через неделю, утром в северные ворота ласфадийского дворца въехала карета. Это Торус и Камисса вернулись из поездки в Мугалию. У Камиссы было грустное настроение, она уже привыкла видеть радостные, приветливые лица, чистые и ровные улицы, красивые и уютные дома.

Она намеревалась последовать совету Кунпалы и незамедлительно переехать из особняка лекаря в ее комнаты, чтобы пореже видеть надменную физиономию своей бывшей опекуни, от которой не слышала ни одного слова в свой адрес, и двух своих бывших нянек с их глупой и нескончаемой болтовней.

Торус помог Камиссе высадиться, пожелал ей хорошенько отдохнуть после долгой дороги и добавил, что двери его дома всегда открыты для нее.

Затем Торус распряг лошадей и передал их дворцовому конюху. Конюх поблагодарил Торуса за бережное обращение с лошадьми и крепко пожал ему руку. Торус повесил на плечо сумку с подарками для Эдиры и Шамлата, в другую руку взял клетку с голубями, которых дал ему Дугрий, и, насвистывая веселую мелодию, зашагал к дому.

Камисса же решила немного посидеть в беседке в саду. Подойдя к беседке, она увидела парня, который увлеченно начищал до блеска лекарские инструменты. Время от времени парень поднимал руку вверх и вертел на свету начищенный инструмент, проверяя результат своей работы.

Он был поразительно похож на Боллу, когда тот приехал в Ласфадию. И еще, этот парень был похож на царя Дугрия. Точнее он был похож на Рутэнию и Дугрия, и если бы Камисса не осознавала, что находится в Ласфадии, то однозначно бы сказала, что этот парень никто иной, как сын тамерского царя Дугрия и царицы Рутэнии.

Сказать, что он был красив как цветок, означало не сказать ничего. Ибо ни один цветок не мог бы сравниться с ним. Кроме того, Камисса заметила, что у этого парня добродушное и веселое выражение лица, что было давно не свойственно дворцовым служащим. Она стояла и любовалась им.

Ронси, почувствовав на себе чей-то взгляд, поднял голову и увидел Камиссу. Он и не помышлял, что в мире могут быть столь прелестные создания. От изумления он вскочил на ноги и выронил из рук инструмент. Затем он быстро его поднял, извинился и поздоровался с Камиссой, добавив, что его зовут Ронси и он служит санитаром у придворного лекаря. Камисса улыбнулась и сказала, что ее зовут Камисса, но то, что она принцесса говорить не стала. Ронси предложил ей присесть. Камисса

присела и предложила Ронси присесть рядом и рассказать о себе. Ронси стал рассказывать, что он умеет отыскивать медную и серебряную руду и выковывать разные красивые вещи, что он любит играть с собаками и бегать с ними по горным склонам, что он с увлечением собирает разные горные травы и готовит из них ароматные и полезные напитки, что хочет выучиться и стать достойным врачом. Вскоре Камисса уже не особо вникала в смысл его слов, она просто зачарованно слушала журчание его голоса, смотрела как шевелятся его губы, блестят его глаза, движутся его руки. Она понимала, что комнаты Кунпалы так и останутся незаселенными, ибо Камисса готова терпеть своих бывших нянек и даже свою бывшую опекуншу с ее вечно ворчащим мужем, лишь бы быть рядом с этим парнем. Ведь рядом с ним Камисса чувствовала себя нежной и хрупкой девочкой, которая надежно защищена от всех невзгод и неурядиц. Очевидно, они просидели так довольно-таки долго, когда услышали дребезжащий голос придворного лекаря, который уже разыскивал Ронси, называя его бездельником и дармоедом.

Ронси извинился, что вынужден прервать свой рассказ и спешно стал собирать вычищенные инструменты в ящик. Камисса улыбнулась и сказала, что будет его ждать вечером в этой же беседке. Ронси ответил, что будет считать каждую секунду, чтобы поскорее дожждаться вечера. Он был очень счастлив и почти в припрыжку побежал в лабораторию.

Несколько дней спустя, когда Камисса вечером собиралась выйти в сад, чтобы в очередной раз встретиться с Ронси, жена придворного лекаря, заметив, что Камисса регулярно выглядит веселой и жизнерадостной, догадалась, кто является причиной такого неизменно прекрасного настроения бывшей своей подопечной. Она впервые заговорила с Камиссой, и не глядя на нее, сказала, чтобы Камисса не забывала, что является принцессой и должна избегать общения с прислугой низшего ранга. Камисса, также демонстративно отвернувшись, ответила, что ни на миг не забывает, что является принцессой, которая по своему статусу

вправе самостоятельно определять ранг прислуги. Однако, жена придворного лекаря заявила, что считает своим долгом зорко следить за соблюдением чистоты дворянских кровей. На это Камисса терпеливо перечислила весь список придворных должностей и заключила, что должность следящего за соблюдением чистоты дворянских кровей в этом списке отсутствует. От злобы и досады у жены придворного лекаря затряслась нижняя челюсть, задержалось веко. Не найдя, что еще можно сказать в адрес Камиссы она прошмыгнула в свои комнаты. Камисса же рассмеялась ей вслед, и побежала на очередное свидание с Ронси.

Через две недели к Камиссе прибежал слуга ее сводного брата и просил как можно скорее посетить его господина. Сводный брат Камиссы был старше ее более чем на три года, но всегда советовался с ней, если сам не мог найти подходящее решение. Камисса пришла в его кабинет и застала того в глубокой печали. На вопрос о случившемся принц ответил, что царь уже не принимает никаких отговорок и безоговорочно приказывает ему возглавить военный поход на Тамерию. Сколько себя помнила Камисса царь всегда говорил о войне с Тамерией, но дальше пышных слов это не заходило. А вот теперь ее обычно беззаботный сводный был в таком подавленном состоянии, что Камисса поняла всю серьезность намерений батюшки царя. И Камисса решила сама нанести визит монарху.

Уже только войдя в кабинет царя, она получила упрек за то, что опять мешает царю сосредоточиться. Но вопрос был очень несправедливый, да и Камисса уже была совсем не та девочка, от которой можно легко отмахнуться. Она твердо заявила, что намерена выслушать какие мотивы привели царя к столь опасному решению?

Поняв, что просто так ему от нее не отделаться и зная, что Камисса много читает, царь сослался на множество литературных источников, в которых воздаются почести и прославляются великие полководцы, каковым он желает видеть своего сына.

Камисса заявила, что были полководцы-освободители, которых действительно можно назвать великими и их имена будут прославлены в веках, а были полководцы-завоеватели, которые по сути своей были бандитами и велико лишь количество человеческих жизней, которых они загубили в неумеренной жажде власти и богатства, и их имена будут прокляты во веки веков.

Царь ненадолго поджал губы, но потом закричал, что победителей не судят! А он ни на мгновение не сомневается, что Тамерия будет повержена. И в летописи напишут то, что он, царь Ласфадии долго готовился к войне, но выбрав наиболее подходящий момент, послал своего сына с войском на захват Тамерии и его войско легко одержало победу над тамерами, которых царь сделал рабами!

Затем, чтобы подкрепить свои слова, царь вызвал генерала и спросил того о готовности войск к военному походу на Тамерию. Генерал, громким голосом, отрапортовал, что войско готово к войне как никогда до этого. Латы начищены, мечи наточены, солдаты отмуштрованы. Затем, генерал заявил, что горит желанием первым из ласфадийских воинов вступить на землю Тамерии, и мечтает умереть в бою!

Царь торжествующе посмотрел на Камиссу и объявил, что назначает генерала главнокомандующим, а своего сына, поскольку тот, совсем не мечтает умереть в бою, лишь его заместителем. И еще добавил, что медлить уже нет никакой причины и отдал генералу приказ выступить через два дня.

Генерал просиял, пожалуй, ярче, чем его начищенные латы и салютовав царю, развернулся и, чеканя шаг, отправился исполнять приказ царя.

Камисса с презрением посмотрела вслед этому, похожему на жука вояке и повернувшись к царю, сказала, что настоятельно просит немедленно отменить приказ!

Царь пришел в ярость и сказал, что потратил столько сил, времени и усердия, чтобы воспитать дочь в духе патриотизма и послушания, но

видимо, все усилия были напрасными. И добавил, что если Камисса будет вмешиваться в политические дела, то он отречется от нее!

Камисса же заявила, что не может припомнить, когда это батюшка царь занимался ее воспитанием, но самое главное, что патриотизм — это вовсе стремление поработить другие народы, а стремление к благополучию своего народа!

Выходя, Камисса даже не поклонилась батюшке царю, как того требовали дворцовые правила, а заявила, что пусть он тысячу раз отрекается от нее, но пусть не отрекается от своего народа, который, несмотря на свое тяжелое положение, все-же предан своему царю и служит ему верой и правдой!

Выйдя из приемной царя, Камисса решила немедленно идти к Торусу. Когда она пришла к дому смотрителя заповедника, Торус, Эдира и Шамлат уже ужинали. Камиссу встретили, как всегда, с радостью и пригласили к столу. Но впервые Камисса отказалась от угощения, сославшись на полное отсутствие аппетита. А когда она рассказала, о том, что готовит царь, аппетит пропал у всех. Камисса сказала, что имеет намерение предотвратить эту войну. Конечно, же она и многие граждане Ласфадии, готовы встать у границы с Тамерией живым заслоном, чтобы не пускать ласфадийские войска вторгаться на территорию Тамерии. Но это может привести к другой, не менее страшной, гражданской войне. Поэтому она просит у Торуса предоставить ей одного голубя из тех, что Дугрий дал Торусу для пересылки сообщений. Она напишет, что царь Ласфадии, не взирая на все ее уговоры и мольбы о сохранении мира между народами, посылает войска для вторжения на территорию Тамерии.

После этих слов все замолчали. Молчание нарушил Торус, сказав, что безусловно, предоставит Камиссе голубя, но не будет ли данный поступок Камиссы актом предательства по отношению к царю батюшке?

Шамлат, прикусив губу, нервно дергал ногой. Ему натерпелось что-то сказать, но что именно он и сам не знал. Вопрос был, действительно, очень сложный.

Камисса сказала, что речь идет не о ней, а о жизни сотен и сотен людей, которые хотят и имеют право жить и быть счастливыми! Если ее послание царю Дугрию позволит сократить количество возможных жертв, то она будет не предательницей, а спасительницей. Да и вообще, ей не важно, как ее будут называть, главное не позволить разгореться пожару войны! Жизни людей важнее, чем дружеские или даже родственные связи!

Эдира встала и через минуту вернулась с кусочком шелка, и нитями. Камисса хорошо владела тамерским языком и быстро вышила короткое послание царю Дугрию. Торус привязал письмо к ножке одного из голубей и выпустил его в небо.

Когда дворцовый птичник доложил Дугрию о прилете голубя с сообщением, царь очень обрадовался. Он недавно получил письмо из Мугалии, в котором сообщалось, что Сонор с женой Кунпалой и детьми Санпиной и Ансутом вскоре прибудут в Тамерию с дружеским визитом. А теперь Дугрий полагал, что голубь прилетел от Торуса, которого он принял было за царя Ласфадии, так как принцесса Камисса очень походила на него внешностью. Однако, прочитав текст послания Дугрий нахмурился. Прежде всего он не понимал, для чего царь Ласфадии решил напасть на Тамерию? В Тамерии уже выросло целое поколение, которые знает о войне лишь по книжкам и по рассказам старших. Совсем недавно царь Мугалии устраивал праздник по случаю двадцатилетия мира. И вот теперь ласфадийцы, с которыми у тамеров всегда были добрососедские отношения идут войском, чтобы вторгнуться в их страну! Дугрий восхитился поступком Камиссы, которая со своей стороны сделала все, что могла, чтобы предотвратить войну. — на Торуса. Но прочитав сообщение Дугрий нахмурился. Он не понимал, для чего царь Ласфадии вознамерился напасть на Тамерию?

Дугрий незамедлительно собрал войско и двинулся к ласфадийской границе, чтобы ни один мирный житель Тамерии не пострадал от вторжения врагов. За день до того, как ласфадийское войско подошло к горному перевалу на тамерской границе, войско Дугрия прибыло к перевалу, и воины заняли ключевые позиции, чтобы не пропустить ни единого ласфадийского солдата пересечь границу их страны.

Утром следующего дня дежурные воины доложили о приближении ласфадийского войска. Дугрий дал приказ не стрелять до тех пор, пока, хотя бы один солдат не перейдет границу Тамерии.

В авангарде ласфадийского войска парадным маршем шагал дворцовый полк, впереди которого, под звуки барабанов торжествующе шествовал генерал. Позади полка, верхом на коне понуро ехал Туон, сын ласфадийского царя.

Когда до границы с Тамерией оставалось менее ста шагов, вероятно от топота шагов солдат дворцового полка, со склона горы скатилось несколько больших камней, которые мгновенно смели шагавшего впереди генерала и увлекли его в глубокое ущелье, оставив после себя лишь клубы пыли. Если бы горный обвал можно было назвать боем, то можно было бы сказать, что мечта генерала исполнилась. Полк немедленно остановился. Видя все это Туон пришел в ужас и приказал дворцовому полку немедленно отступить назад. Сам же он, преодолевая страх, который сковывал его тело, выехал вперед и бросив свой меч на землю медленно поднимал руки. Почти сразу, его примеру последовали все ласфадийские солдаты.

Через несколько минут к сыну ласфадийского царя подъехал царь Дугрий с двумя сопровождавшими его офицерами. Туон спешился и склонил голову, сдаваясь во власть царя Дугрия. Дугрий сразу поняв, что перед ним не сам царь, а скорее его сын, спросил зачем же тот повел войско на Тамерию? Тот ответил, что ему много раз, под разными предлогами удавалось уговаривать отца воздержаться от войны. Но в этот раз отца

было просто не удержать и даже его сводной сестре Камиссе это не удалось! И тогда ему ничего не осталось, как только повиноваться отцу и пойти на эту бессмысленную и противную ему войну.

Когда Дугрий услышал, что сыну ласфадийского царя противна война, он спросил, о том, что было бы приятно ему. На это Туон ответил, что война несет разрушения, а он увлечен проектированием, строительством и архитектурой. Дугрий заметил, что Туон очень неплохо говорит по тамерски и спросил его об этом. Тот ответил, что изучать тамерский язык его увлекла Камисса.

Тогда Дугрий объявил, что уже сейчас определит ласфадийскому принцу меру наказания за попытку вторжения на территорию Тамерии. Туон закусил губу, чтобы не проявить малодушие и не разрыдаться в просьбах о сохранении жизни. Он понимал, что ему нет прощения и он должен стойко принять смерть.

Дугрий выдержал небольшую паузу и объявил, что направляет ласфадийского принца в помощники к своему дворцовому зодчему Нэфрию.

Туон широко раскрыл глаза и удивленно посмотрел на Дугрия. Дугрию едва удавалось сохранять серьезное выражение лица и не улыбнуться. Туон заявил, что быть помощником, известного даже в Ласфадии, Нэфрия, это вовсе не наказание, а великая награда для него!

Дугрий сказал, что зодчий всегда был весьма суровым человеком, а сейчас, постарев, он стал настоящим деспотом. Потом, Дугрий все-таки подмигнул Туону и добавил, что если тот будет прилежным помощником, то Нэфрий полюбит его как сына.

Дугрий мог бы просто простить ласфадийского принца и отпустить, но он понимал, что ни один дурной поступок не должен оставаться без справедливого наказания, равно как и ни один добрый поступок не должен оставаться без награды. И все же, за что же Дугрий наградил Туона? А ведь он его наградил! Хотя Туон и не был храбрецом, но нашел

в себе силы преодолеть страх быть поверженным новым камнепадом или тучей тамерских стрел, отозвал полк назад и сам выехал вперед. А когда Дугрий объявил, что не будет откладывать наказание, Туон понимал, что может быть казнен прямо на месте. У него дрожали колени и бешено стучало сердце, но он выстоял, не упал на колени моля о пощаде! Так что, в этом парне было что-то утверждающее человеческое достоинство. И пусть пока он еще не совсем сформировал характер, он доказал, прежде всего самому себе, что сможет стать настоящим мастером! А уж Нэфрий об этом позаботится...

Итак, эта война окончилась, даже не начавшись. Тем не менее погибли люди, пусть даже всего один, пусть даже такой тупой и никчемный.

Дугрий распорядился направить военные гарнизоны в столицу и крупные города Ласфадии, дабы предотвратить возможные беспорядки после того, как царь Ласфадии, министры и наместники будут подвержены суду. А сам, в сопровождении нескольких гвардейцев, направился к мугальской границе, чтобы встретить принца Сонора с семейством, которые как раз на днях должны уже приехать.

К сожалению, не редко случается, что некоторые люди, получив поручение поддерживать порядок, начинают считать, что получили власть над другими людьми. И всякое вежливое обращение к ним, они расценивают как проявление покорности и подвластности.

Так случилось и с одним тамерским офицером, помощником командира взвода, размещенного в ласфадийский дворце. Он был ещё не стар, довольно хорош собой и полон сил. Однажды, увидев Камиссу, он был очарован этим прелестным созданием. Но вместо чувства чистого восхищения, в его сознание проникла ядовитая мысль о том, что он может завладеть принцессой по праву победителя.

Несколько раз он пытался заговорить с Камиссой, но Камисса всякий раз, холодно улыбнувшись, уходила, давая понять, что офицер не интересен ей. Разумеется, Камисса была недовольна наличием тамерских военных

в ласфадийском дворце. Но она понимала, что это вынужденная и временная мера. Но терпеть приставания офицера, который с каждым разом вел себя все более назойливо, она не желала.

Однажды вечером, когда Камисса шла в беседку, где ее ожидал Ронси, офицер подбежал к Камиссе и схватил ее за руку, требуя, чтобы она посмотрела на него. Камисса резко отдернула руку и сказала на ласфадийском языке, что офицер ведёт себя не достойно, и не поворачивая голову, спокойно пошла дальше. Раздосадованный офицер прокричал ей вслед по тамерски, что все равно она покорится ему! Услышав эти слова, Камисса остановилась и на чистом тамерском языке сказала, что была более высокого мнения о тамерских офицерах. Но офицер ещё более разозлился и закричал, что Камисса не смеет судить об офицерах, тем более о победителях.

Ронси, слышавший эти слова, понял их, хотя полагал, что не понимает тамерский язык. На мгновение он вспомнил, что отец Флут и матушка Гинда говорили ему, что его родители были тамерскими вельможами. Теперь, когда в Ласфадии хозяйничали тамерские военные, этот факт стал ему особенно неприятен. Однако, размышлять об этом было некогда! Ведь была задета честь той, которая была для Ронси милее всех на свете! Ронси подбежал к офицеру, поздоровался и попросил его впредь не приближаться к Камиссе. Ронси старался вести себя учтиво, не смотря на негодование, бушевавшее в нем. Ведь он был хорошо воспитан!

Увидев перед собой юнца, который по всей видимости был слугой, офицер сразу решил не церемониться и с размаху ударить парня кулаком по лицу. Однако его удар не успел достичь цели, а сам он был повержен встречным ударом, и очухался лишь спустя полчаса, когда Ронси вправлял ему челюсть в лечебном кабинете, куда он сам его и отнес.

Очнувшись, офицер узнал Ронси и улыбнулся. Ронси спросил, понял ли тот его просьбу? Офицер кивнул и попытался сказать, но боль заставила его перейти на язык жестов. Он легонько похлопал Ронси по руке и ещё

раз кивнул. Затем он показал, что ему очень стыдно за свое поведение. Потом, пересилив боль, сказал, что иногда хороший удар может свернуть челюсть, но вправить мозг.

Ронси обрадовался и извинился за сильный удар и попросил, чтобы офицер не держал на него обиды. Вместо ответа, офицер протянул ему руку. Ронси дружески пожал ее и сказал, чтобы офицер пока отдохнул и посоветовал пару дней не кушать твердую пищу. Затем Ронси пожелал офицеру скорейшего выздоровления и попрощался с ним.

Выйдя из особняка, Ронси побежал в сад, где в беседке ждала его Камисса. Когда она увидела приближающегося Ронси, она выбежала к нему навстречу и, впервые, обняла его. Она была полностью уверена в этом человеке, и сегодня он доказал, что она не ошибалась! И даже не потому, что тот проучил ее обидчика, ведь и Ронси мог получить удар и даже быть побитым. От исхода поединка, чувства Камиссы не зависели. Ведь самое главное, что Ронси вступился за ее честь! Именно это и ценила Камисса!

Ронси сообщил Камиссе, что с офицером все в порядке, и что они даже помирились. Камиссе это очень понравилось, потому что Ронси не кичился своей силой и был добродушным человеком.

Ронси решил рассказать Камиссе историю своих родителей Флута и Гинды. Как они ушли из родного села, чтобы не покорится произволу чиновников, считающих себя хозяевами жизни, а простых людей безропотными рабами. Камисса восхитилась этому отважному поступку двух любящих друг друга людей. А затем добавила, что если им с Ронси будут чинить препятствия, то и она готова пойти с ним куда угодно!

В этот вечер они засиделись дольше обычного. Уже стемнело. Ронси проводил Камиссу до парадной лестницы, а сам спустился в подвал, где была комната Палдия, в которой он проживал.

Войдя в спальню, после омовения, Ронси увидел сидящих на его кровати двух тамерских военных, которые вошли к нему в спальню даже не сняв

обувь. Ронси поздоровался с ними и хотел уже спросить, что привело их к нему в столь поздний час, но услышал сзади голос. Ронси обернулся и увидел еще двоих военных, один из которых на ломаном ласфадийском языке зачитывал, что Ронси подвергается аресту за попытку убийства ласфадийского офицера. Ронси вначале засмеялся, и пояснил, что он лишь один раз ударил офицера и вовсе не с целью убийства, а теперь они и вовсе помирились. Но зачитывающий постановление об аресте военный сказал, чтобы Ронси отвел руки назад для того, чтобы они связали ему руки перед тем, как отвести в тюрьму. Ронси немного смутился. Неужели офицер настолько лицемерен и коварен, что сделал вид будто не держит зла на Ронси и даже протянул руку, а сам послал группу захвата, чтобы его арестовали? И Ронси попросил, чтобы офицер сам пришел и все пояснил. Ронси хотел посмотреть в глаза этому офицеру. Но военный ответил ему, что офицер не может прийти и что-то сказать, потому что он почти умер. Ронси очень удивился и спросил, как такое может быть? Ему пояснили, что сейчас офицер лежит без сознания в лечебном кабинете очень бледный и сердце его едва бьется. Ронси попросил военных, чтобы они отвели его в лечебный кабинет, где Ронси смог бы осмотреть его. Но ему ответили, что возле офицера уже дежурит придворный лекарь, а Ронси должен сейчас же уходить в тюрьму. Ронси ничего не осталось, кроме как подчиниться.

Когда они дошли до городской тюрьмы была уже глубокая ночь. Всю дорогу Ронси думал о том, что же случилось с тамерским офицером, но не мог понять причину, почему же крепкий мужчина, закаленный в суровых условиях войсковой жизни, впал в такое состояние после обычного, хоть и сильного удара?

Конвойные передали Ронси тюремным дежурным, которые тоже были тамерскими военными. Конвойные пояснили, что этот парень, хоть и добрый малый, но вот совершил такое страшное преступление, которое грозит смертью помощнику их командира. Те ответили, что посадят его в

одну из одиночных камер, которая находится в самом дальнем северном конце здания тюрьмы. Ронси понял все, что они говорили. Он осознал, что довольно легко понимает тамерский язык, но вот сказать что-нибудь по тамерски он затрудняется.

В камере, куда отвели Ронси было так темно, что Ронси не мог увидеть собственные руки, которые ему развязали только перед входом в камеру. Тогда Ронси решил освоится в камере на ощупь. Когда он ощупывал стены, чтобы понять размеры и форму камеры, он услышал тихий шорох с противоположной стороны от двери, в которую его втокнули. Помня разговор военных, что его поместят в самую дальнюю камеру, Ронси понял, что в камере кто-то есть. Скорее всего, это была крыса. Ронси смекнул, что, если в камеру заходит крыса, значит она чем-то здесь промышляет. Ронси затаил дыхание и стал ожидать следующего звука, чтобы определить куда движется крыса. Но прошло несколько минут, а звук так и не повторился. Ронси решил легонько хлопнуть в ладоши, чтобы спугнуть крысу и понять, где она находилась. Но в ответ услышал такой же легкий хлопок в ладоши. Тогда Ронси сделал двойной хлопок. И в ответ услышал тоже двойной хлопок. Значит в камере был человек! Ронси тихим голосом поздоровался и сказал, что его зовут Ронси, и он извиняется, если невольно нарушил чей-то покой. Незнакомец, тоже поздоровался и сказал, что его имя сейчас никому не известно, особенно таким молодым как Ронси, а в этой тюрьме его все зовут «учитель». Он предложил Ронси присесть рядом с ним и рассказать, как же он умудрился так отделать тамерского офицера, что тот лежит и умирает. Ронси сначала удивился осведомленности обитателя камеры, но тот пояснил, что тут умеют передавать новости специальным стуком, который передается из камеры в камеру. Ронси было нечего скрывать, и он рассказал, все как было. Выслушав рассказ, «учитель» спросил, как Ронси полагает отчего же офицер, которого Ронси оставил в нормальном состоянии вдруг впасть в такое полумертвое состояние? Ронси, ответил,

что все время думает об этом, но никак не может найти хоть какое-то вразумительное объяснение... «Учитель» сказал, что есть два объяснения этой загадке. Или военные решили соврать о тяжелом состоянии офицера, что говорит о том, что офицер поступил очень подло. Или офицер действительно впал в тяжелое состояние, что говорит о том, что кто-то помог ему впасть в это состояние, а обвинить во всем Ронси. Ронси сказал, что видел глаза офицера и отказывается верить, что он мог оказаться таким лжецом. На это «учитель» ответил, что тоже склонен так думать. Он, конечно, знал, что некоторые люди попав под влияние собственных грязных страстей нередко совершают подобные подлости, но если сказать об этом Ронси, то парень будет изводить себя сомнениями и подозрениями. "Учитель" предложил Ронси поспать, но Ронси слишком нервничал и не мог успокоиться. "Учитель" все же предложил Ронси прилечь и рассказать о себе. Ронси проникся доверием к этому заключенному и стал рассказывать, как он жил с родителями в долине, как любил бегать по склонам, как любил собирать травы и потом зачитал наизусть запомненное письмо, которое его родители нашли в небольшой замшелой хижине. Как только Ронси закончил зачитывать текст письма, «учитель» взял его за руку, а затем обнял и крепко прижал к себе. Ронси не мог даже определить плачет «учитель» или смеется. Ронси осторожно спросил, что такое с ним произошло? «Учитель» тихо ответил, что это письмо написано им самим. От волнения Ронси вскочил на ноги и переспросил, неужели «учитель» и есть тот самый Палдий, учеником которого Ронси мечтал стать? Палдий взял руки Ронси сказав, что он уже его ученик! Ронси на некоторое время даже и забыл, что они находятся в темной тюремной камере, и радостно произнес, что когда Эдира сказала, что Палдия не могли повесить за то, что тот лечил простых людей, он сразу понял, что придворный лекарь лжет! Но зачем ему нужно лгать, Ронси не мог понять!

Палдий, услышав имя Эдиры, спросил, не про жену ли Торуса Ронси ведет речь? Ронси подтвердил и рассказал, как они познакомились с Шамлатом.

Палдий сказал, что придворный лекарь очень бы хотел видеть его казненным, но, не смотря на все попытки отравить его или подослать наемных убийц, у него ничего не вышло. Немного помолчав, Палдий добавил, что почти уверен в том, что Ронси оставил офицера лежащим в кабинете и вполне здоровым, если не считать ушибленной челюсти. А вот потом в кабинет вошел придворный лекарь и предложил офицеру выпить микстуру или бальзам, а в бальзам был подмешан расслабляющий мускулы яд, от которого офицер и впал в состояние умирающего.

Ронси понял, что скорее всего так и было, но зачем старику отравлять офицера? На это Палдий ответил, совершенно определенно, что кому-то очень хотелось упрятать Ронси в тюрьму. Ронси не понимал, за что и для чего? Палдий сказал, что для жены придворного лекаря присутствие Ронси было просто невыносимым. Пришедший из отдаленной провинции, сын простого крестьянина, а обладает такой прилежностью, образованностью и культурой поведения, что ее просто корбит. Вот она и выбрала удобный момент, чтобы избавиться от Ронси, и восстановить свое влияние на принцессу. Затем, Палдий добавил, что и он сам попал в эту тюрьму по доносу. Когда он вернулся из Мугалии, жена придворного лекаря уговорила мужа написать донос, в котором его обвиняли в государственной измене и даже в подготовке к убийству царя и вот уже почти сорок лет он находится в этой тюрьме...

Ронси не понимал, зачем это потребовалось жене придворного лекаря? Палдий пояснил, что в то время он служил помощником придворного лекаря. Должность придворного лекаря в те времена была единственной. Однако, царь, сын которого очень часто болел, решил учредить еще одну должность придворного лекаря. А чтобы эту должность предложили не Палдию, его брат-близнец и его жена решили устранить его.

Ронси негодовал. Но Палдий сказал, что нужно поспать, ибо во сне силы восстанавливаются, и он показал Ронси несколько движений, которые сразу успокаивают и позволяют быстро и крепко уснуть.

Утром Ронси проснулся от яркого луча света, который проникал сквозь маленькое окно камеры. Ронси встал и осмотрелся вокруг. Кроме него в камере не было никого. Неужели ему просто приснился сон, что он разговаривает с Палдием?

Через некоторое время Ронси услышал шум за дверью. Вскоре дверь открыли и приказали Ронси выйти и встать лицом к стене, а руки отвести за голову. Ронси сделал как приказано. Тамерский офицер сказал, что Ронси должен ходить на прогулку, потом ходить на утренний обед. Потом добавил, что Ронси не можно бегать, махать руками и громко разговаривать, иначе Ронси можно получать наказание.

После прогулки, Ронси умылся и прошел в тюремную столовую. Там сидели несколько человек. Ронси поздоровался и пожелал всем приятного аппетита. Заключенные в ответ поздоровались и показали Ронси куда можно сесть. Когда Ронси сел тюремный повар принес ему еду и все пожелали Ронси приятного аппетита. Ронси и не ожидал такого вежливого обращения со стороны заключенных. Но ему было очень приятно, и грусть от того, что он находится в заключении немного ослабла. Сидящий рядом с Ронси человек сказал, чтобы Ронси после завтрака остался в столовой.

Вскоре все заключенные позавтракали и, поблагодарив повара, ушли. Через несколько минут Ронси тоже окончил завтрак, но остался за столом, как ему посоветовали. Спустя минуту, в столовую мягкой походкой вошел человек. Не старик, не молодой, не толстяк и не худой. Войдя в столовую, он поздоровался и пожелал Ронси приятного аппетита. Ронси сразу узнал его голос. Значит Палдий не приснился ему! Ронси обрадовался и спросил, как ему удалось выйти из его камеры и что ему делать дальше?

Палдий ответил, что знает тайный вход в его камеру, попросил Ронси просто посидеть рядом, пока он покушает и внимательно послушать его. Палдий сказал, что, к сожалению, у него плохие новости. Утром он подслушивал, о чем говорили стражники. Из их разговора он понял, что тот офицер все-таки умер...

Услышав, что офицер умер, Ронси не выдержал и вскочил. Смерть человека — всегда печальное событие. Ронси чувствовал за собой косвенную вину. Может быть ему надо было как-то по-другому поступить? Палдий взял Ронси за руку и сказал, чтобы тот не терзал себя сомнениями в правильности своих действий. Это злодеяние полностью на совести придворного лекаря!

Еще Палдий слышал, что донесение об убийстве тамерского офицера было направлено со срочной почтой царю Дугрию. И даже если бы в донесении говорилось о непреднамеренном убийстве, а Палдий понимал, что его братец отписал в заключении о смерти, что это было хладнокровное убийство с особой жестокостью, царь Дугрий непременно вынесет смертный приговор, даже хотя бы для того, чтобы в корне пресечь подобные преступления. Но говорить об этом Ронси, разумеется, Палдий не стал. Надо было как-то спасать парня, а не омрачать его вестью о скорой казни.

И Палдий рассказал, что он не всегда был лекарем. Его родители были врачевателями, и он с братом-близнецом с детства помогали родителям и многое знали об устройстве и работе человеческого тела, о причинах нарушения жизненных процессов и способах их устранения.

Но когда Палдий повзрослел, он не захотел стать лекарем только потому, что его родители были лекарями. Палдию хотелось путешествовать, общаться с людьми. Он начал изучать дипломатию и иностранные языки. Тогдашний царь решил построить крепостное сооружение, на случай если враги захватят дворец. В то время в Ласфадии не было зодчих, способных построить такой бункер, и царь обратился к тамерскому царю,

чтобы тот разрешил нанять тамерских зодчих. Тогдашний царь Тамерии выслал в Ласфадия всего одного зодчего, который, по мнению царя, имел несносный характер. Этого зодчего звали Нэфрий. Он был весьма грамотен в искусстве начертания и архитектуры, но совершенно не знал ласфадийского языка. Для того, чтобы Нэфрий мог объяснить строителям их задачи, в качестве переводчика был назначен Палдий. Но для того, чтобы в точности передать строителям идеи Нэфрия знаний тамерского языка оказалось недостаточно. Палдию пришлось осваивать основы архитектуры и градостроительства. Для этой цели они с Нэфрием проводили много времени вместе и быстро подружились. Нэфрий, действительно, был очень сварливый, но только с теми, кто небрежно относился к расчетам и чертежам. Как только Нэфрий понял, что Палдий искренне стремится к знаниям, он стал относиться к нему как к брату. Проектируя бункер, Нэфрий, как всякий мастер, предусмотрел несколько секретов, которые были известны только ему и Палдию. Но однажды, когда Палдий занимался верховой выездкой, Нэфрий решил лично осмотреть качество постройки главного корпуса. Он остался вполне доволен постройкой и возвращался во дворец, когда почувствовал, как какая-то мошка ужалила его в шею. Нэфрий смахнул мошку и пошел дальше, размышляя о дальнейшем ходе строительства. Место, куда его ужалила мошка, стало чесаться. И чем больше он его чесал, тем нестерпимее становился зуд. Дойдя до дворца, Нэфрий почувствовал тошноту и головокружение. Было время обеда, но у Нэфрия пропал аппетит, и он решил полежать у себя в комнате. Тем временем, Палдий вернулся с верховой прогулки, но не увидел друга за обеденным столом. Подумав, что Нэфрий занят расчетами, Палдий решил зайти к другу и позвать его к обеду. Но как только Палдий зашел в комнату Нэфрия, он услышал стоны и бормотание. Палдий подбежал к постели, где в бреду метался его друг. Палдий осмотрел его и быстро установил причину такого состояния. В скором времени Палдий дал Нэфрию выпить

свежеприготовленное лекарство, и через несколько минут к Нэфрию стало возвращаться сознание. А еще через несколько минут, жар снизился и Нэфрий почувствовал, что проголодался. После обеда Нэфрий обнял Палдия и сказал, что он не простит себе, если будет отвлекать Палдия от занятий врачеванием! В этот момент Палдий понял, что не надо выбирать профессию только по родительскому напутствию, не надо выбирать профессию только вопреки родительскому напутствию, но надо выбирать профессию только по собственному призванию!

Радость от того, что человек снова находился в добром здравии была не сравнима ни с чем! Да! Это была его профессия!

Видя, что, слушая его рассказ, Ронси немного отвлекся, Палдий сказал, что еще прошлой ночью, по запаху и по голосу он предположил, что Ронси имеет что-то общее с мугальским царем Пэроком, а сейчас, глядя на Ронси, его предположение усиливается. На это Ронси возразил, что его родители говорили, что он, якобы, является наследником тамерских вельмож. Палдий мысленно сопоставил место расположения той долины и столицы Мугалии. Получалось далековато! Но сейчас было не время решать эту загадку!

Палдий продолжил свой рассказ. Когда Нэфрий окончил строительство и вернулся в Тамерию, Палдий пообещал отправиться в путешествие в Тамерию и навестить друга. Но ласфадийский царь решил завалить подземные ходы камнями, а сам бункер использовать как тюрьму для особо опасных преступников. Нэфрий, узнав об этом, пришел в негодование, и тамерский царь решил на пять лет прервать дипломатические отношения с Ласфадией. Таким образом, Палдию так и не удалось навестить своего друга. А вскоре он был заключён в эту тюрьму, в проектировании и постройки которой он принимал не малое участие, даже не подозревая, что так все обернется...

Когда Палдий окончил завтрак и поблагодарив повара, прошел к умывальнику, он сказал Рноси, что сегодня или, в крайнем случае, завтра

его посетит Камисса. Ронси удивился, как это может быть известно Палдию. Тот в ответ только улыбнулся и сказал, что они будут разговаривать в присутствии одного из охранников. Когда за окном посетительской послышатся крики и охранник отвлечется нужно будет быстро передать Камиссе вот этот платок и сказать слово «маштал». Затем, оттолкнув охранника, выбежать из посетительской и набросится на Палдия драться. А когда охранники их обоих схватят, уже особо не сопротивляться.

Ронси изумленно посмотрел на учителя и спросил о значении слова «маштал». Палдий улыбнулся и спросил, помнит ли он имя своего друга? Ронси догадался и хлопнув себя ладонью по лбу рассмеялся.

Как раз в это время Камисса прогуливалась по саду. К своей радости она заметила, что назойливый тамерский офицер больше не следит за ней и не ищет удобного момента, чтобы заговорить с ней. Значит, действительно, он устыдился своего поведения. И все благодаря Ронси! Камисса мечтательно улыбнулась, вспомнив о Ронси и предположила, что старикашка лекарь опять, наверное, послал его в лес за какими-нибудь травами. И Камисса решила сходить в лес и найти там Ронси. Она пошла, чтобы переодеться для прогулки по лесу, но вдруг увидела похоронную процессию в окружении тамерских военных. Камисса спросила у своих бывших нянек, кто умер и те сказали, что не умер, а убит офицер, и забил его на смерть этот санитар, красавчик Ронси, которого уже отправили в тюрьму и скоро повесят. Они говорили так весело, словно обсуждали блюда к предстоящему обеду. У Камиссы замерло сердце. Как же так? Ведь она сама видела, как Ронси отнес офицера в кабинет и через десять минут вернулся спокойным и радостным, от того, что примирился с этим офицером. Не мог же он забить до смерти человека и при этом быть спокойным и радостным! Ронси так не мог поступить! А сейчас он в тюрьме! Что там с ним? Может быть ему там очень плохо!

Камисса решила незамедлительно бежать к Торусу и послать к царю Дугрию письмо о том, что осудили невинного человека. И царь Дугрий обязательно его освободит, ведь он доверяет Камиссе!

Но на полпути к дому Торуса, она одумалась и решила не впутывать в это дело Торуса. Это дело касается ее и только ее. Она решила пойти прямо к тюремной охране и спросить у них о содержании ее соотечественника. Подойдя к тюремным воротам, она сказала охраннику, чтобы тот доложил своему начальнику о визите принцессы Камиссы. Через несколько минут Камиссу пригласили пройти в кабинет начальника тюрьмы. Проходя к кабинету, Камисса решила быть весьма спокойной и рассудительной. Начальник тюрьмы, увидев прелестную принцессу, оживился и предложил Камиссе различные угощения. Камисса сначала хотела отказаться и перейти сразу к делу, но потом подумала, что за угощением она сможет разузнать в чем конкретно обвиняют Ронси и какие есть доказательства обвинения. Начальник тюрьмы извинился, что плохо говорит на ласфадийском языке, тогда Камисса предложила перейти на тамерский. Начальник тюрьмы был в восхищении. Камисса сообщила, что лично занимается расследованием дела об убийстве тамерского офицера и для начала хотела узнать, какими сведениями располагает начальник тюрьмы? Начальник тюрьмы рассказал, что прошлой ночью к ним был доставлен обвиняемый в избиении, который вел себя достаточно спокойно, и до следующего дня был помещен в одиночную камеру, во избежание конфликтов с другими заключенными. Утром же они получили известие из дворца о том, что офицер от полученных травм скончался и будет захоронен в этот же день. Заключение о побоях и смерти было составлено дворцовым лекарем. Данное заключение было направлено в столицу Тамерии, непосредственно царю Дугрию для ознакомления с обстоятельствами убийства и принятия решения о степени и способе наказания.

Потом, начальник тюрьмы глубоко вздохнул и сказал, что скорее всего у парня на шее затянется петля, хотя трудно поверить, что он — жестокий и хладнокровный убийца...

У Камиссы все внутри клокотало, ей хотелось крикнуть, что он никакой не убийца, но ей удалось сдержать себя и показать, что она не заинтересована в этом деле. Она поблагодарила начальника тюрьмы за угощение и интересную беседу, и попросила назначить время для личного допроса обвиняемого. Начальник тюрьмы был настолько тронут ее вежливостью, что распорядился немедленно доставить обвиняемого в переговорную комнату.

По правилам этой тюрьмы, все переговоры, допросы и свидания велись в присутствии сотрудника охраны. Как только Камисса увидела Ронси, она уже не могла сдерживать свои чувства и едва не расплакалась. Ронси решил ее подбодрить и сказал, что тут совсем не плохо кормят. Но это не подействовало на Камиссу успокаивающе. Она закусила губу, чтобы не разреветься. Внезапно за окном переговорной послышались громкие выкрики. Присутствующий при переговорах охранник отвернулся, чтобы выяснить в чем дело. В этот момент Ронси вложил в руку Камиссы платок и произнес слово «маштал». Затем, он весело подмигнул Камиссе и, оттолкнув охранника, выбежал на тюремный двор и набросился на присутствовавшего там Палдия с кулаками.

Камисса была крайне удивлена поведением Ронси и решила незамедлительно уйти. Отойдя от тюрьмы, она решила взглянуть на платок, который ей вручил Ронси. Это было письмо, но она не могла понять, что там написано. У Камиссы промелькнула ужасающая мысль, что Ронси сошел с ума. Но она тут же отбросила ее. Она же видела, что Ронси был вполне спокоен, когда сидел в переговорной. И только после выкриков за окном, он повел себя столь странно. Но через минуту Камиссу осенило, что ведь это был условный сигнал. А странное слово «маштал» то же, наверняка, что-то значит. Ну, разумеется, это имя

Шамлат, но с перевернутыми половинками слова! Для подтверждения своей догадки она прочла первое слово «лопвьчон» и получилось слово «в полночь». Неплохой шифр! Если бы тамерские охранники вдруг перехватили платок, то все равно ничего не поняли бы! А теперь нужно бежать к Шамлату, ведь письмо адресовано именно ему.

Когда Камисса пришла к дому Торуса, Шамлат как раз вернулся из леса, где убирал опавшие ветви деревьев. Эдира предложила им отобедать. У Камиссы совсем не было желания кушать, кроме того, ей ведь пришлось принимать угощения начальника тюрьмы, но она не хотела вызывать подозрений у Эдиры, которая еще не знала, что случилось во дворце.

Камисса с Шамлатом умылись и сели за стол. Пока Эдира была занята сервировкой блюд, Камисса дала Шамлату платок и попросила прочитать то, что там было вышито. Посмотрев на текст, Шамлат сказал, что он не знает иностранных языков. Тогда Камисса рассказала ему как нужно читать слова, и Шамлат прочел, что в полночь нужно подойти к третьей, слева от входа, тюремной башни, вынуть пятый, снизу, камень, нащупать в проеме кольцо и с силой потянуть его. Шамлат рассмеялся и спросил для чего ему все это нужно? Тогда Камисса, по строгому секрету, рассказала, про то, как во дворце умер тамерский офицер, а обвинили в этом Ронси. И теперь Ронси в тюрьме и ему некому помочь, кроме Шамлата. Шамлат, сказал, что сделает все возможное, что вызволить друга!

После обеда Камисса, поблагодарив Эдиру ушла во дворец, сказав Шамлату, что желает ему удачи, и с нетерпением будет ждать известий о Ронси.

Тем временем Палдий и Ронси уже находились в каменном подвале для наказаний, куда были отправлены за драку. Там было сыро и холодно, но нужно было потерпеть до ночи. Когда наступила ночь, Палдий отодвинул камень около стены и в полу открылся лаз, в который они спустились и оказались в каком-то коридоре. Палдий велел Ронси следовать за ним.

Вскоре они подошли к лестнице, которая вела наверх. Палдий сказал, что теперь им остается только ждать. Ждать пришлось недолго. Сначала послышался глухой звук вращения зубчатых колес, потом скрежет открывающейся стены и, наконец, они увидели звездное небо над головами. Когда они выбрались, то увидели Шамлата, который был весьма напряжен. Ронси обнял его и поблагодарил за свое освобождение. Затем Палдий обнял Шамлата и сказал, что достойный сын своего отца и прекрасный друг! Шамлату было очень приятно это слышать, и он даже немного смутился. Ронси спросил Шамлата, догадывается ли он, кто это? Шамлат пожал плечами и предположил, что это новый друг Ронси, который помог ему выбраться. Ронси ответил, что конечно же новый друг, но прежде всего это — никто иной, как Палдий, которого уже все считали погибшим или пропавшим, а он просто был в тюрьме... И вот, теперь, он может назвать себя свободным!

Палдий обнял молодых людей и сказал, что он всегда был свободным! Состояние свободы не зависит от нахождения человека по ту или другую сторону тюремной стены. Многие полагают, что свобода — это возможность делать то, что взбредет в голову. Но они становятся рабами своих бредовых мыслей и желаний, и находятся в заключении, даже не будучи в тюрьме! Подстраивать окружающих под себя не есть свобода... Подстраивать себя под окружающих, тоже не есть свобода... Настраивать себя и окружающих на благоприятное общение есть настоящая свобода!

Только как это сделать в каждом конкретном случае? Вот это — задача! И чтобы уметь решать такие задачи, нужно учиться, причем учиться упорно и постоянно.

Палдий спросил у Шамлата, располагает ли он еще временем? Шамлат, ответил, что оставил родителям записку, на случай если он не успеет вернуться к утру. Палдий похвалил его за предусмотрительность и заботу о родителях, но сказал, что к утру ему надо обязательно быть дома, но

попросил его задержаться еще на час, чтобы помочь ему и Ронси. Шамлат ответил, что готов помочь чем сможет и спросил, что нужно делать?

Палдий пошел вдоль тюремной стены и жестом позвал друзей следовать за ним. На ходу он ответил, что теперь он и Ронси вышли из тюрьмы, а несколько десятков человек все еще находятся в тюрьме, и их тоже нужно освободить.

Шамлат удивленно взглянул на Ронси. Ронси не менее удивленно пожал плечами. Не глядя на них, Палдий сказал, что он вовсе не вышел из ума и тоже считает, что преступников нужно держать в изоляции. Но дело в том, что в этой тюрьме уже не стало преступников. Одни из них никогда и не были преступниками, а попали в тюрьму по доносу или ложному обвинению. Другие просто пытались противостоять произволу чиновников и защитить свою честь и честь своих близких. Третьи же, ошибочно полагая, что справедливости в жизни не бывает, решили, что если чиновники грабят при помощи законов, то они будут грабить при помощи беззакония.

Но и первые, и вторые, и третьи, за время пребывания в тюрьме неоднократно болели и лечил их Палдий. Но Палдий лечил не только их тело, но и их сознание! И теперь все заключенные в этой тюрьме люди исполнены решимости жить, по справедливости, ибо это есть единственный и верный способ всеобщего благоденствия.

Они подошли к тюремным воротам и Палдий сказал, чтобы Ронси и Шамлат подождали его немного, а сам вошел в будку, где сидели двое дежурных. На столе горела свеча и оба охранника дремали. Палдий, войдя, поздоровался и пожелал им спокойной ночи. Оба охранника вскочили, думая, что их проверяет дежурный по тюрьме. Но открыв глаза, они увидели Палдия и узнали в нем заключенного по кличке «учитель». Они очень удивились и спросили, как он здесь оказался? Палдий сказал, чтобы они оба посмотрели на его обувь. Плохо соображающие спросонья охранники уставились на ноги Палдия, пытаясь понять при чем тут обувь?

Легким взмахом рук Палдий столкнул охранников головами и поддержал их, чтобы те не ушиблись при падении. Затем усадил их обоих спиной к спине, достал из кармана мешочек и развязал его. Затем он поднес мешочек к носам охранников, чтобы те подышали травами, которые находились в мешочке. После этого Палдий позвал ребят, и попросил их обезоружить охранников, снять у них пояса и связать этими поясами охранников за локти крест на крест. Пока Ронси и Шамлат выполняли задание, Палдий неслышно прошел в комнату дежурного по тюрьме. Увидев Палдия, дежурный взял свисток, и уже начал набирать воздух, чтобы громко свистнуть, когда Палдий двумя пальцами ткнул его под ребро. Дежурный опустился на стул и стал глотать воздух. Палдий достал тот самый мешочек и поднес ко рту дежурного по тюрьме, отчего тот вскоре погрузился в глубокий здоровый сон. Палдий подложил ему под голову свёрнутый плащ для того, чтобы у дежурного не болела шея, когда он проснется. Палдий обезоружил его, снял пояс и взял ключи от камер. Потом Палдий вернулся в будку, где Ронси и Шамлат уже ожидали следующего поручения. Палдий показал им, где находится казарма, и дал ребятам задание вынести все оружие и забрать все пояса. Ронси предусмотрительно спросил, что следует делать, если кто-нибудь из них проснется? Шамлат шутливо провел пальцем по горлу, за что, столь же шутливо получил подзатыльник от Палдия, который заявил, что они никому не причинят ни малейшего вреда и все будут живы и здоровы! Затем улыбнулся и пояснил, что по его просьбе повар подсыпал им в вечерний компот вкусной приправы, от которой они без просыпа просят, пожалуй, до полудня, однако посоветовал ребятам не шуметь, ибо на дворе ночь.

Палдий последовательно открывал камеры, будил заключённых и объяснял, что им пора вернуться в родные места и жить так, как подобает жить настоящим людям, то есть жить честно и радостно. И очень скоро Ласфадия станет процветающей страной!

Когда все узники были освобождены, Палдий подошёл к казарме, обнял Ронси и Шамлата и сказал, что счастлив, что у него есть еще два верных и надежных друга! Теперь, ему очень хотелось бы обнять своего названного сына Торуса, но это было преждевременно. Поэтому Палдий сказал, чтобы Шамлат возвращался домой и выпустить голубя, прикрепив ему к лапке записку, в которой Палдий на тамерском языке написал, что трое граждан Ласфадии обезоружили взвод охраны столичной тюрьмы и выпустили всех заключенных. Далее Палдий написал, что в ходе освобождения никто не пострадал. Письмо он подписал словом "лекарь" для того, чтобы царь Дугрий понял, что это письмо написал не Торус, которого Палдий не хотел привлекать к этому делу.

После отправки голубя Шамлату надлежало пройти во дворец, чтобы сообщить Камиссе, что Ронси освобожден и будет до приезда царя Дугрия проживать в родовом поместье Палдия, а также сказать Камиссе, чтобы та остерегалась придворного лекаря и его жены, которые, узнав об освобождении заключенных, могут пойти на любую мерзость, чтобы выслужиться перед царем Дугрием...

Голубь за четыре дня прилетел в свою родную голубятню в столице Тамерии. Птичий снял с его лапки записку и отнес царю Дугрию, который был занят проектом новой дороги и моста через реку. Ученик Нэфрия Туон проявлял великолепные способности и предложил много новых идей по ходу проекта. Дугрий прочел записку и призадумался. Он понял, что записку писал не Торус и не Камисса. Но тот, кому известно, что у Торуса есть голуби из Тамерии. Кто бы это мог быть? И как трое гражданских смогли обезоружить двадцать военных? Автор записки пишет об этом так, будто остригли отару овец...

Он прочитал записку еще раз вслух. Нэфрий, стал ворчать, что правильно сделали эти трое, ибо это сооружение не должно быть тюрьмой! А потом упрекнул Дугрия, что тот ввел военных на территорию Ласфадии и на этом успокоился, в то время, когда необходимо определять, войдет ли

Ласфадия в состав Тамерии, или же предоставить ласфадийцам свободу выбора в развитии страны? Туон опустил голову. Речь шла о его родине. Он очень быстро освоился в Тамерии, но желание видеть свою страну свободной и развивающейся у него не угасло.

Дугрий не мог ничего возразить на упрек Нэфрия. Действительно, военные, которых он отправил в Ласфадия для подавления возможных беспорядков, утрачивают свои войсковые навыки, превращаясь в ленивых урядников. И Дугрий объявил, что завтра же утром он с несколькими гвардейцами выезжает в Ласфадия для разбирательства по делу о массовом побеге опасных преступников и установления в Ласфадии своего наместника.

Нэфрий заявил, что не был в Ласфадии более сорока пяти лет и желает посмотреть, что там изменилось и, конечно же, то укрепительное сооружение, которое он строил со своим ласфадийским другом Палдием. Услышав о Палдии, Дугрий вспомнил рассказ царя Пэрока о ласфадийском знахаре, который помог ему излечиться от яда. Дугрий спросил у Нэфрия о каком человеке он говорит, знахаре или строителе. На что Нэфрий сказал, что знает только одного Палдия, который обладает хорошими познаниями в искусстве архитектуры и великолепными познаниями в искусстве врачевания.

После двух дней пути, ехавший в авангарде всадник доложил царю Дугрию, что им навстречу приближается почтовая карета из Ласфадии. Дугрий выслал вперед еще двух гвардейцев, которые вскоре вернулись с пакетом для царя Дугрия. Вскрыв пакет Дугрий прочел срочное донесение о том, в ласфадийском дворце один из слуг напал на тамерского офицера и жестоко избил его. Отчего офицер под утро умер, даже не приходя в сознание. Нападавший слуга, был схвачен по приказу придворного лекаря и заключен в тюрьму для особо опасных преступников, где будет дожидаться приговора царя Дугрия. К донесению прилагалось заключение придворного лекаря, который в конце приписал, хотя и с

ошибками, на тамерском языке, что слуга совершил убийство сознательно, из-за лютой ненависти к царю Дугрию и ко всем тамерам. И только действия лекаря позволили предотвратить новые возможные жертвы.

Дугрий понял, что голубь был выпущен позже, описываемых в донесении событий, хотя и прилетел раньше. Также Дугрий понял, что ту записку и заключение писали два разных человека, хотя почерки у них были весьма схожи. И тот, и другой называли себя лекарями... И что это за страшный силач, который до смерти забил тамерского офицера, владеющего навыками боевых искусств? Почему же он так ненавидит тамеров? Очень скоро он сильно пожалеет об этом. И Дугрий решил придумать для убийцы такую казнь, чтобы каждый ласфадиец с трепетом относился к тамерам и не смел даже грубого слова произнести в присутствии тамера! Дугрий стал угрюмо обдумывать способ казни... Нэфрий посоветовал Дугрию сначала все выяснить и расследовать, а не переносить ненависть на весь народ Ласфадии. Ласфадийцы все разные, как и тамеры ... Однако, Дугрий резко прервал рассуждения Нэфрия, сказав, чтобы тот лучше поучал своего нового ученика, которого Дугрий мог бы и казнить, но вот предоставил ему право жить и даже обучаться мастерству! Нэфрий презрительно кашлянул и качая головой вернулся в свою карету. Всю оставшуюся дорогу он больше не подходил к Дугрию и Тоуну посоветовал не выходить из кареты без него.

За день до въезда в столицу Ласфадии царь Дугрий и его сопровождающие остановились на ночлег в пригородной гостинице и послали вестника, чтобы предупредить обитателей двора о приезде тамерского царя Дугрия.

На рассвете следующего дня вестник прискакал во дворец и сообщил, что после полудня ожидается прибытие во дворец царя Дугрия со свитой и всем дворцовым надлежит приготовиться к его встрече.

Получив это известие придворный лекарь сильно занервничал. Он никак не предполагал, что царь Дугрий собственной персоной приедет в столицу Ласфадии. Ведь придворный лекарь ждал всего лишь гонца с письмом, в котором содержится приговор о смертной казни, и о назначении его наместником тамерского царя. Но если Дугрий решил приехать сам, то скорее всего он будет проводить расследование. Наверняка, он пожелает поговорить с Камиссой, с которой познакомился в Мугалии, а та даст показания, что Ронси нанес офицеру всего лишь один удар и сразу же оказал ему необходимую помощь... И придворный лекарь вместе с женой пришли к выводу, что Камиссу нужно срочно устранить!

Перед завтраком в комнату Камиссы постучала жена придворного лекаря и вежливо попросила принять ее. Камисса сразу же поняла, что та лицемерит, а значит она что-то задумала. Войдя в комнату, жена придворного лекаря, стала просить Камиссу не сердится на нее за прошлое и представить ее царю Дугрию как нежную и заботливую опекуншу и вообще, как изысканную благородную даму. Камисса ответила, что вовсе и не сердится на свою бывшую опекуншу и даст о ней самые лучшие отзывы. Жена придворного лекаря сказала, что очень рада тому, что Камисса выполнит ее просьбу и предложила выпить бальзам перед завтраком. Камисса сказала, что не возражает, хотя понимала, что бывшая опекунша замыслила нечто ужасное. Жена придворного лекаря достала из своей сумочки сосуд и две небольшие чашечки, затем разлила бальзам в чашечки и, от удовольствия закрыв глаза, первой выпила со словами восхищения о вкусе бальзама. Камиссе ничего не оставалось, кроме как выпить из второй чашечки. Жена придворного лекаря спросила, как Камиссе понравился вкус бальзама. Камисса подтвердила, что вкус восхитительный. Через минуту Камисса сказала, что ей необходимо прилечь, потому что она почувствовала себя слабеющей. Жена придворного лекаря дождалась пока Камисса ляжет, потом подняла руку Камиссы и отпустила. Рука упала, словно веревка. Жена придворного

лекаря зловеще улыбнулась и подойдя к столику Камиссы, стала открывать ящички, пока не нашла шкатулку с изумрудными сережками. Она положила шкатулку в свою сумочку и победоносно оглянувшись на почти бездыханную Камиссу вышла из ее комнаты. Она отравила эту девочку второй раз и в этот раз уже не собиралась давать ей противоядия. За завтраком она сказала мужу, что Камисса скоро умрет, затем вынула из сумочки шкатулку, передала ее мужу и велела припрятать ее в его родовом поместье, пока этот тамерский болван Дугрий не уедет.

По расчетам Палдия, царь Дугрий должен быть приехать в столицу со дня на день. Палдий дал Ронси задание по смешиванию лекарственных порошков, а сам собрался походить по столице с целью получения новостей о приезде царя Дугрия. Ронси, сказал, что учитель не отпускал его даже к Щамлату, чтобы избежать столкновения с тамерскими военными, которые наверняка не прекращают поиски беглых заключенных, а сам отправляется в центр города, где военных больше всего и поэтому учитель рискует быть схваченным. В ответ Ронси услышал скрипучий голос, вещавший о том, что тамерским военным не будет никакого дела до старого бедняка. Ронси обернулся и увидел сгорбленного, одетого в лохмотья человека, опирающегося кривую палку. Ронси невольно рассмеялся тому, как ловко Палдий преобразился.

Ронси быстро выполнил задание Палдия и решил выйти к крыльцу и подождать учителя там. Через минуту дверь отворилась и на крыльцо вошел придворный лекарь. Ронси сначала очень удивился, но потом вспомнил, что этот дом является родовым поместьем Палдия и его брата. Поэтому появление здесь придворного лекаря вполне закономерно, хотя и неожиданно. А вот придворный лекарь никак не мог понять, как тут оказался его бывший санитар, а ныне беглый заключенный? Однако придворный лекарь очень боялся, что тут, вместе с Ронси, могут быть его сбежавшие из тюрьмы дружки, которые могут запросто придушить или прирезать незваного хозяина дома. Но за дверью стояла его карета и его

кучер. Поэтому придворный лекарь предложил выйти сначала из дома и переговорить. Выходя из дома, Ронси решил ни за что не рассказывать придворному лекарю о Палдие. Выйдя на улицу, придворный лекарь спросил, как Ронси оказался в его доме? Ронси ответил, что спрашивал прохожих и они рассказали, где раньше жил придворный лекарь. Вот Ронси и пришел в этот дом и стал в нем жить, ведь все равно в доме никто не живет. Но если придворный лекарь прогонит его, то Ронси сразу же уйдет. Придворный лекарь понял, что дружков Ронси тут нет и тогда он решил арестовать Ронси. Конечно, даже вдвоем с кучером им Ронси не взять, но придворный лекарь вспомнил, что у него в кармане шкатулка с сережками Камиссы. И он достал шкатулку и показал Ронси сережки Камиссы. Ронси узнал их. Он так же знал, что Камисса не отдала бы эти сережки сама. С тревогой Ронси спросил, что случилось с Камиссой? Придворный лекарь ответил, что она лежит и умирает. Ронси занервничал и стал расспрашивать придворного лекаря о причинах такого состояния Камиссы? Придворный лекарь понял, что таким образом он сможет заманить Ронси во дворец, а там вызвать стражников, чтобы те схватили Ронси и передали его в руки царя Дугрия. И тогда придворный лекарь может рассчитывать на титул наместника. Ведь именно придворный лекарь обнаружил и обезвредил опасного убийцу и передал его суду. Но в то же время придворный лекарь подумал, что Дугрий может предоставить Ронси перед казнью исполнить его последнее желание. А последним желанием Ронси будет возможность увидеть Камиссу! И тогда придворный лекарь может провалить свой план, ведь Ронси уже хорошо разбирается в различных веществах и сможет определить, что Камисса отравлена и сообщить об этом Дугрию. И тогда вместо титула наместника придворному лекарю накинута петля на шею или отрубят голову. И тогда он признался Ронси, что Камисса отравлена, но как только Ронси будет казнен, жена придворного лекаря даст Камиссе противоядие и она будет жить. Но если же для Ронси дороже его собственная шкура, то он может

бежать в свою деревню, хотя его все равно скоро поймают и жестоко казнят, а также казнят всех тех, кто окажет ему хоть какую-нибудь помощь. Ронси очень беспокоился за жизнь Камиссы, поэтому плохо соображал и пообещал, что сделает все, что потребует от него придворный лекарь. Придворный лекарь приказал своему кучеру связать Ронси руки за спиной. Ронси безропотно повернулся и позволил себя связать. Придворный лекарь приказал Ронси сесть в карету и внимательно выслушать, как он должен себя вести. Ронси повиновался. Лекарь сказал, что Ронси должен молчать и даже взглядом не просить о помиловании! Если только он произнесет хотя бы одно слово или даже малейший звук, то Камисса тут же будет умерщвлена! Ронси сказал, что он все понял, но не понял только, зачем придворный лекарь желает его смерти? Придворный лекарь равнодушно ответил, что его не волнует ни смерть, ни жизнь Ронси. Просто Ронси для него всего лишь барашек, которого нужно зарезать ради праздника. Ронси возразил, что он вовсе не барашек, а такой же человек, как и придворный лекарь. Но придворный лекарь засмеялся и сказал, что он вовсе не такой, ибо он из простых людишек, каких много, как грязи, а он, придворный лекарь из знатных и благородных людей. Ронси презрительно спросил, в чем же заключается это благородство? Придворный лекарь сказал, что благородные люди рождены для получения благ, а простые люди рождены быть рабами благородных господ! Так было испокон веков и так будет до скончания веков! Ронси было противно слушать этот бред, и он сказал, что придворный лекарь не может знать, что было испокон веков и, уж тем более, не может знать, что будет до скончания веков. После этого Ронси, вспомнил, что это ведь брат-близнец его уважаемого учителя Палдия, и посмотрев на придворного лекаря, увидел поразительные различия. Лицо Палдия было приятным и румяным. Морщины расходились по лицу словно лучи света. А у придворного лекаря лицо было мрачным и бледным. Морщины покрывали лицо словно густые паутины, сплетенная ужасными пауками,

имя которым — «зависть» и «ненависть». Глаза у Палдия сияли словно маленькие солнышки, а глаза придворного лекаря поблескивали словно лезвия ножей.

Въехав на царский двор, придворный лекарь, приказал остановиться и приказал Ронси выйти из кареты и не смотреть ни на кого, особенно на царя Дугрия! Услышав от охранников, что царь Дугрий уже час как прибыл во дворец. Придворный лекарь ощутил, что настал час, когда он уже может считать себя наместником. Очень скоро он будет властвовать! И будет властвовать без оглядки на чьи-либо страдания и даже жизни! И пусть он всю жизнь занимался таким противным делом как лечение людей, на старости лет он вдоволь насидится на троне как царь, а может быть даже и лучше, чем царь! Ведь Дугрий, наверняка, передаст ему все властные полномочия!

Прибыв в ласфадийский дворец, царь Дугрий первым делом осведомился о поимке беглых преступников, и узнав, что ни один пока еще не пойман, пришел в страшную ярость. Он построил взвод, который был размещен во дворце и грубо обругал личный состав, назвав их жиреющими бездельниками, не способными отомстить за жесткое убийство своего соратника. Командира взвода он разжаловал в рядовые, остальных приговорил к трем годам каторжных работ после возвращения в Тамерию. Затем он вызвал во дворец взвод, охранявший городскую тюрьму. По прибытию взвода он выстроил их во дворе и спросил командира, который исполнял обязанности начальника тюрьмы, как получилось так, что их вязли и при этом никто не оказал ни малейшего сопротивления?

Военные ответили, что абсолютно ничего не помнят. Все, включая командира, проспали до полудня и проснулись бодрыми и радостными. Услышав, что они еще и радовались царь Дугрий вынул саблю и уже замахнулся над головой командира, когда услышал, что главный преступник пойман и доставлен для суда к царю Дугрию. Выдохнув и

вложив саблю в ножны, царь Дугрий заорал на военных, чтобы те медленно соорудили эшафот для казни преступника.

Пока сооружали эшафот царь Дугрий осведомился, кому и как удалось поймать преступника. Придворный лекарь стал раскланиваться перед царем Дугрием и говорить, что именно он обнаружил избитого офицера и до самого утра пытался спасти ему жизнь. Но этот проклятый крестьянин так сильно избил несчастного офицера, что даже такому опытному врачу, каким придворный лекарь назвал себя, это не удалось. Также придворный лекарь сказал, что именно он вызвал охрану, как только обнаружил избитого офицера, тем самым обезопасил преступника, который намеревался поубивать всех тамерских военных. А когда этот преступник, устроил массовый побег из тюрьмы, придворный лекарь целыми днями выискивал его следы, и вот, наконец он поймал его и привел для справедливого суда.

Царь Дугрий похлопал придворного лекаря по плечу и сказал, что хотя тот и стар, но послужил ему лучше, чем все эти бездельники. Потом добавил, что именно его он и назначит своим наместником в Ласфадии!

Придворный лекарь снова стал раскланиваться и кинулся целовать руки царя Дугрия. Но тот отдернул руки и сказал, что этого делать не нужно. Вскоре эшафот был готов. И Дугрий отдал распоряжение всем дворцовым собратся на центральной площади, где царь Дугрий будет вершить правосудие. Когда придворные и их слуги собрались, царь Дугрий поднялся по лесенке и велел привести на эшафот преступника. Двое военных подвели Ронси к лестнице и сказали ему взойти на эшафот и встать, склонившись перед царем Дугрием.

Дугрий, не глядя на Ронси, начал обвинительную речь. Он обратился к ласфадийцам и назвал их всех злобными и глупыми существами. Затем, сказал, что даже к ласфадийцам он, царь Тамерии будет справедлив и сегодня, прямо сейчас он будет казнить жестокого убийцу, но будет казнить его, соблюдая все правила.

Царь Дугрий объявил, что если осужденный имеет какое-либо легко выполнимое пожелание, кроме пожелания о помиловании, то пусть заявит об этом в течение одной минуты. На дворцовой площади воцарилась тишина. Придворный лекарь смотрел на Ронси, чтобы тот не шевелился и тем более не говорил. Ронси думал только о том, чтобы Камисса получила противоядие и осталась жива. Ради этого он готов стерпеть все, что задумает с ним сделать царь Дугрий.

После истечения минуты, царь Дугрий продолжил. Он сказал, что мог бы отрубить этому негодяю голову, а мог бы повесить, но преступник должен умереть точно так, как умер темерский офицер! Поэтому царь Дугрий намерен забить преступника до смерти!

Царь Дугрий обратился к придворному лекарю с вопросом, может ли тот, сказать какой первый удар нанес офицеру этот мерзавец? Придворный лекарь сказал, что преступник сначала ударил офицера сзади в затылок, а затем, когда тот поднялся ударил его в горло.

Услышав, что преступник напал на офицера сзади, царь Дугрий пришел в сильное негодование и стал называть Ронси подлым трусом и сыном падшей женщины. У Ронси внутри все клокотало от этих оскорблений, но он прикусил язык и стоял молча. Царь Дугрий приказал, чтобы Ронси повернулся к нему спиной, затем нанес ему в затылок мощнейший удар, от которого Ронси не смог удержаться на ногах и ничком упал на пол. Руки у него были связаны сзади, и он сильно ударился лицом. Свез щеку и разбил нижнюю губу, да к тому же, вставая, зацепился штаниной за шляпку гвоздя, который в спешке забили не до конца, и выдрал целый клочок почти от пояса и до колена.

Встав, Ронси потряс головой, от сильного удара в голове шумело и в глазах потемнело. Единственным его желанием было поскорее умереть, чтобы Камиссе наконец дали противоядие.

Царь Дугрий приготовился ударить Ронси по горлу, но невольно его взгляд упал на разорванную штанину и Дугрий увидел две белые полосы

на ноге преступника. Эти полосы сверкнули в его сознании словно две молнии. Царь Дугрий остановился и спросил, откуда у преступника этот шрам. Ронси отвернулся и молча смотрел в сторону, посасывая кровь из разбитой губы. Дугрий повторил вопрос. Ронси продолжал стоять молча. Придворный лекарь, который знал, что удар в горло может быть смертельным, выкрикнул, что этот шрам, скорее всего след от кошечьей лапы, и не стоит на этом останавливаться. А нужно скорее нанести сильнейший удар в горло и начать пинать ногами мерзкого преступника, пока тот не издохнет.

Но Дугрий уже не слушал придворного лекаря. Он сам изучал медицину и знал, что кошачьи когти не оставляют такие шрамы. Более того, этот шрам был ему знаком до боли. Он мог бы отличить этот шрам от тысячи других шрамов. Дугрий схватил Ронси за плечи и стал трясти его, умоляя ответить откуда у него этот шрам?

Внезапно, со стороны входа на дворцовую площадь послышался звонкий голос, призывающий остановиться. Все присутствующие на площади обернулись и увидели четыре человеческие фигуры, одетые в длинные плащи с большими башлыками, закрывающие лица. Эти четверо быстро и бесшумно подошли к эшафоту, и первая фигура взошла на эшафот. Поприветствовав царя Дугрия с полагающимися почестями, человек сбросил с себя плащ, и все увидели прекрасную принцессу Камиссу. Она встала, загородив собой Ронси и заявила, что готова свидетельствовать под присягой, что Ронси никого не убивал!

Услышав имя Ронси, Дугрий задрожал всем телом и взмолился сказать ему откуда у Ронси этот шрам?

Увидев Камиссу живой и здоровой Ронси радостно закричал, что теперь он расскажет все!

Придворный лекарь, осознав, что теперь его посадят не на трон, а на кол, решил под шумок незаметно уйти и пуститься в бег. Но едва он хотел повернуться, как с обеих сторон его схватили мощные руки, не давая

возможности двигаться. Придворный лекарь посмотрел по сторонам и увидел двоих человек, лица которых были скрыты башлыками.

Ронси сказал, что совсем уже не помнит откуда у него этот шрам, но часто видит сон, в котором его отца кто-то ударяет, тот падает, Ронси подбегает к отцу, тот поднимает его на руки и Ронси плачет от боли, а из ножки льется кровь... Еще, ему часто снится, как он с мамой едет в карете и вдруг карета рушится и он падает на дерево и вместе с деревом падает в холодную речку из которой его достает собака и папа берет его на руки и несет к маме...

Услышав слова Ронси, Дугрий охватил голову руками и с криком рухнул на колени. Он осознал, что едва не погубил собственного сына!

Он каялся, что поддался гневу и ни разу не посмотрел на Ронси. А ведь тогда бы он мог увидеть, что своей фигурой он напоминает его самого, а глаза, являются точной копией глаз Рутэнии.

Он каялся, что поддался гневу и ни разу не сопоставил как, якобы из ненависти к тамерам, забивший до смерти офицера человек сбегает из тюрьмы, не причинив ни малейшего вреда другим тамерам. А ведь тогда он смог усомниться и провести тщательное расследование, а не выносить приговор по показаниям лишь одного, как оказалось лжесвидетеля.

Он каялся, что поддался гневу и чуть было не наказал своих солдат, которые были и остаются верны чести, родине и государю.

Он каялся, что поддался гневу и оскорбил всех ласфадийцев, которые в большинстве своем являются достойными людьми и лишь жажда богатства и власти делает некоторых людей гнуснейшими мерзавцами, вне зависимости от национальности.

Раскаявшись, Дугрий разрыдался настолько сильно, что человек в плаще, который не держал придворного лекаря, запрыгнул на эшафот и бросил в лицо Дугрия какую-то мелкую пыльцу, которую Дугрий даже и заметил. Но спустя с полминуты он пришел в себя и поднялся.

Поприветствовав царя Дугрия с полагающимися почестями, человек сбросил с себя плащ, и все услышал громкий крик, который издавал придворный лекарь. Он кричал, что этого не может быть, что уже много раз он посылал убийц и его брат должен быть давно мертв!

Царь Дугрий сурово приказал придворному лекарю немедленно заткнуться, пока у него хватает воли сдерживать себя, и не разорвать придворного лекаря на куски!

Тот обреченно присмирел и заткнулся, а Палдий попросил царя Дугрия позволения довести расследование до конца.

Он рассказал, что сегодня утром жена придворного лекаря вошла в комнату Камиссы и принесла бальзам, в котором был растворен яд, приводящей к медленной и мучительной смерти. Сама жена придворного лекаря предварительно приняла противоядие и поэтому не опасаясь быть отравленной выпила бальзам вместе с Камиссой, тем самым показав, что бальзам, якобы не отравлен. Однако Камисса выросла в доме придворного лекаря и, будучи любознательной, прочитала много книг о ядах и противоядиях. После того, как Шамлат по просьбе Палдия передал Камиссе, чтобы та опасалась придворного лекаря и его жены, Камисса приготовила противоядия от нескольких видов ядов. Но когда жена придворного лекаря смаковала бальзам с закрытыми глазами, Камисса решила не рисковать лишний раз и не заметно вылила содержимое своей чашечки за плечо, а губам поднесла уже пустую чашечку. По запаху Камисса определила какой яд преподнесла ей жена придворного лекаря и притворилась слабеющей для того, чтобы изобразить воздействие этого вида яда.

Жена придворного лекаря была уверена, что в награду за то, что ее муж вызвал охранников и обезвредил опасного преступника, который, якобы, уже убил офицера и намеревался поубивать всех остальных царь Дугрий назначит его своим наместником, что по сути означало, что ее муж станет беспощадным повелителем Ласфадии. Велев мужу спрятать сережки

Камиссы в родовом поместье жена придворного лекаря отправилась во дворец, чтобы присмотреть для себя комнаты, в которых они будет проживать. Дождавшись, когда в особняке остались лишь две бывшие няньки, которые обычно в это время дремлют в кладовой, Камисса вышла со двора через западные ворота и пошла к дому Торуса.

Палдий сделал небольшую паузу и продолжил. Он сказал, что на одежде Камиссы осталось пятно от бальзама, содержащего яд. И он уверен, что этим же ядом был отравлен и тамерский офицер. Прошло довольно много дней со дня гибели офицера, но этот яд очень долго не улетучивается, и если царь Дугрий прикажет откопать и осмотреть тело погибшего офицера, Палдий сумеет выделить остатки яда и доказать, что офицер был именно отравлен, а вовсе не избит.

Придворный лекарь от досады закричал, что Палдий всегда был талантливее его и он ненавидит его за это! На эту реплику Палдий ответил, что у него точно такие же мозги, точно такие же руки и ноги... Просто Палдий стремился к мастерству, а его брат стремился к министерству!

Палдий обратился к Дугрию и сказал, что придворный лекарь, по сути, признался в убийстве тамерского офицера и выкапывание трупа не требуется. Потом Палдий сказал, если Дугрий решил, что убийца офицера должен умереть так, как умер офицер, то пусть так и будет! Палдий попросил Дугрия привести на эшафот придворного лекаря, зачитать обвинение и объявить казнь свершившейся.

Торус и Шамлат подвели придворного лекаря к лесенке, ведущей на эшафот, и Торус попросил царя Дугрия задать вопрос придворному лекарю. Дугрий позволил. Торус спросил, не лечил ли придворный лекарь, накануне рождения принцессы Камиссы крестьянскую девочку и что с ней стало потом? Придворный лекарь заявил, что никогда не стал бы лечить крестьянскую девочку, а роды у царицы Кирмиты принимала его жена! Он

также знает, что и второй придворный лекарь не стал бы лечить простого человека! И добавил, что в эти минуты ему нет смысла врать!

Торус и Шамлат отпустили его руки, и придворный лекарь взошел на эшафот. Палдий вынул у него из кармана шкатулку и передал ее Камиссе, а затем вложил туда сосуд с бальзамом, которым его жена пыталась отправить Камиссу. Потом Палдий глубоко вздохнул и сказал, что его брат, пожалуй, единственный человек, которого Палдий не смог вылечить! Придворный лекарь стал просить, чтобы Палдий не держал на него зла, что все подлости он совершал по велению жены. На это Палдий ответил, что злоба, подобна язве, которая разъедает человека изнутри, а на жену не стоит перекладывать всю вину, ибо они оба друг другу соответствуют! Царь Дугрий зачитал обвинительный приговор и объявил казнь свершившейся. Собравшиеся стали расходиться, и придворный лекарь остался один стоять на эшафоте. Он понял, что карьерная лестница привела его на эшафот, вынул из кармана сосуд и выпил все содержимое. Через несколько минут послышался глухой звук упавшего тела.

Дугрию не терпелось расспросить сына о подробностях его спасения и дальнейшей жизни, но оставался еще один или, точнее, два человека, которым он должен принести свои извинения. В шестером они вошли во дворец и подошли к комнате, где поселился Нэфрий со своим учеником Туоном. Нэфрий не выходил к эшафоту, так как считал, что казнь не является развлекательным мероприятием, и занимался со своим учеником разработкой проекта перепланировки ласфадийского дворца. Подойдя к комнате, Дугрий попросил всех подождать его здесь, а сам, постучавшись, вошёл в комнату. Увидев вошедшего царя Дугрия, Туон встал и поприветствовал царя, а Нэфрий даже не пошевелился. Дугрий попросил Туона подойти к нему. Когда Туон подошёл, Дугрий протянул ему руку и извинился за те резкие слова, что сказал в пути. Туон даже смутился и сказал, что все в порядке. Тогда Дугрий радостно обнял его и попросил выйти и подождать немного в коридоре. Когда Туон вышел в

коридор он увидел свою сводную сестру, слугу, которого он несколько раз видел в дворцовом саду, и троих незнакомых. Туон поздоровался, а Камисса представила своего сводного брата друзьям. Когда она представляла Ронси, то добавила, что это ее жених. Ронси просиял от счастья. Туон же сказал, что глаза у Ронси точь-в-точь как у царицы Рутэнии. Услышав имя Рутэния, Палдий хлопнул от радости в ладоши. Он разгадал каким образом Ронси связан с царем Пэроком, ведь когда Палдий уезжал из Мугалии, царица Бирсэна была беременна и Пэрок с Бирсэной решили, что если родится девочка, то они назовут ее Рутэния. Потом Палдий рассказал, что когда он возвращался сегодня утром из города в свое имение, то увидел возле крыльца карету. Он понял, что приехал его братец. Затем он увидел, что его брат и Ронси вышли из здания. По губам Палдий прочёл, что его брат отравил Камиссу и угрожая ее смертью, вынуждает Ронси сдаться на суд царя Дугрия. Когда Ронси связали руки и они сели в карету, Палдий побежал за каретой и, догнав ее, запрыгнул на задний порожек. Сквозь заднюю стенку он слышал, как его братец велит Ронси не произносить ни слова, если тот хочет, чтобы Камисса осталась жива. Когда карета въехала в царский двор, Палдий тихонько спрыгнул с порожка и пробежал к особняку придворного лекаря. Ему надо было первым делом найти Камиссу, определить яд и сделать противоядие. И уже, после спасения Камиссы спасать Ронси. Он быстро нашел ее комнату, но еесамой там не было. Палдий быстро осмотрел комнату и уловил на спинке одного из стульев запах бальзама и примешанный к нему запах расслабляющего яда. Палдий понял, что Камисса не пила бальзам, а значит жива! Но нужно было ее найти! Палдий обежал все комнаты. В комнате жены придворного лекаря он увидел сосуд, в котором находился отравленный бальзам. Самой жены придворного лекаря в особняке не было. Очевидно, что она решила проверить умирающую Камиссу и не найдя ту лежащей в комнате, поняла, что Камисса провела ее, и теперь ей грозит суд. Вероятнее всего, она

сбежала со двора без оглядки. Палдий догадался, что Камисса побежала к Шамлату, чтобы они вместе нашли Ронси. Ведь нужно было сообщить Ронси об том, что придворный лекарь и его жена пытались отравить ее, но им это не удалось!

Палдий распряг лошадь и поскакал к дому Торуса. Он нагнал Камиссу у самого дома. Торус, услышав топот копыт, решил проверить, кто въехал в заповедник. Увидев Палдия, Торус очень обрадовался, но Палдий сказал, что время для радости еще будет, если они успеют спасти от казни ни в чем не повинного человека. Шамлат тоже слышал топот копыт и прибежал к дому. Палдий попросил Эдиру дать им четыре плаща, чтобы они явились на суд неопознанными сразу. Затем Шамлат и Камисса сели на коня Торуса, а сам Торус сел на спину лошади, на которой прискакал Палдий. И через полчаса они уже были на площади.

Когда Дугрий рассказал Нэфрию, что в слепом гневе едва не погубил собственного сына, Нэфрий обнял его и сказал, по привычке, ворчливо, что даже царю нужно прислушиваться к советам старших.

Дугрий сказал, что свершить правосудие ему помог Палдий, который очень ждет встречи со своим другом Нэфрием.

Услышав, что Палдий за дверью Нэфрий выбежал в коридор и попал прямо в объятия Палдия. Затем Палдий предложил взять продукты и устроить пикник у дома Торуса, где он объявит результаты своего расследования, которое он провел в ходе спасения Камиссы. Когда они шли лесом к дому Торуса, Дугрий сказал, что он тоже объявит кое-что важное.

Эдира, увидев столько гостей сразу, немного забеспокоилась о том, успеет ли она быстро приготовить вкусный ужин для девятерых человек. Но Торус весело подмигнул ей и сказал, что они все принесли с собой.

За ужином, Палдий заявил, что как лекарь, он совершенно определенно установил, что Камисса является дочерью Торуса и Эдиры, и соответственно, сестрой Шамлата. Потом, Палдий рассказал о том, как и

для чего Длама могла быть похищена. Длама радостно обняла своих настоящих родителей и брата и сказала, что всегда чувствовала близость к ним. Ронси несколько раз ласково произнес имя Длама и сказал, это имя ему нравится даже больше, чем Камисса.

Затем Дугрий попросил Эдиру принести шелковый лоскут и золотых нитей. А когда Эдира исполнила его просьбу, Дугрий старательно вышил приглашение на свадьбу Ронси и Дламы. Торус принес голубя и привязав к лапке записку Дугрия, выпустил в небо.

Дугрий же продолжил. С улыбкой он сказал, что всё-таки тогда, в столице Мугалии он не ошибся, приняв Торуса за царя Ласфадии! Ибо сейчас он, царь Тамерии объявляет Ласфадия свободной страной, у народа которой есть свой царь по имени Торус! После радостного одобрения, Дугрий пояснил, что его решение вызвано не только уважением и симпатией к Торусу. Проходя сегодня по западному заповеднику, Дугрий восхитился состоянием и величием этого леса. И тогда Дугрий решил, что если человек заботится о каждом дереве, о каждом кустике, о каждой травинке, то он будет заботиться о каждом гражданине своей страны!

И уже со следующего дня начались приготовления к свадьбе. Нэфрий с Туоном решили произвести реконструкцию дворцового зала. Ронси, Шамлат и Торус вызвались им помогать. Длама и Эдира занялись изготовлением праздничных нарядов и разработкой рецептов праздничных блюд. Палдий решил ехать за семейством Пэрока. Дугрий предложил запрячь в его карету самых быстрых лошадей. Но Палдий улыбнулся и спросил, встречал ли Дугрий когда-нибудь рассвет на реке? Дугрий сказал, что это восхитительное и незабываемое зрелище! Палдий сказал, что тогда Дугрий понимает, что путешествие в простой рыбацкой лодке, гораздо приятнее, чем езда в закрытой и душной карете, и добавил, что с удовольствием взял бы Дугрия в попутчики, если бы Дугрию не надлежало ехать к тамерской границе, чтобы пригласить на свадьбу Флута и Гинду, и потом, встретить своих.

И вот, через две недели в большом, заново отделанном зале ласфадийского дворца собрались царь Пэрок, царица Бирсэна, принц Сонор, его жена Кунпала, дочь Санпина, сын Ансут, принц Боллу, его жена Прила, сыновья Тарли и Гампас, лекарь Палдий, зодчий Нэфрий, его ученик Туон, царь Торус, царица Эдира, принц Шамлат, царь Дугрий, царица Рутэния, принцесса Алдика, пастух Флут, его жена Гинда, жених Ронси и невеста Длама.

Царица Рутэния сказала, что прежде, чем начать чествовать Ронси и Дламу, надо бы поздравить ее и Дугрия. Дугрий вопросительно посмотрел на жену. Рутэния, немного обиженно, напомнила мужу, что ровно двадцать лет назад Дугрий впервые назвал ее своей женой. Дугрий смутился и стал извиняться, оправдываясь тем, что ему пришлось столько пережить за последние дни...

Царица Бирсэна подмигнула и громко заявила, что вот ее муж всегда помнит, в какой день они поженились. Пэрок охотно закивал головой. Бирсэна еще раз подмигнула и попросила Пэрока сказать всем в какой день они поженились. Пэрок машинально поднял голову кверху и заморгал, пытаясь вспомнить день своей свадьбы. Все собравшиеся весело расхохотались.

Когда хохот стих, от дверей зала послышался скрипучий голос вдовы придворного лекаря, которая сказала, что для веселья нет никакого повода, ибо Камисса не является дочерью Кирмиты. Все снова расхохотались.

Вдова придворного лекаря оторопела. Она решила выйти из укрытия, осознавая, что ее поймут и отдадут под суд. Но сильнее, чем наказание ее пугало счастье Камиссы. Вдова придворного лекаря была уверена, как только она раскроет тайну, что Камисса не является дочерью Кирмиты, царь Дугрий откажется от свадьбы своего сына и крестьянской дочери. Вдова придворного лекаря не понимала, что тут может быть веселого...

Палдий объяснил ей, что все уже знают как Длама стала Камиссой, и добавил, что он знает даже каким ядом была отравлена малютка и каким ядом ее снова пытались отравить.

Увидев Палдия, вдова придворного лекаря затряслась и закричала, что он должен умереть уже много раз, а он живой и здоровый!

Царица Бирсэна вновь подмигнула и подошла к вдове придворного лекаря.

Вдова придворного лекаря сразу догадалась, что перед ней царица и стала раскланиваться. Бирсэна велела прекратить эти глупые движения, и спросила, что же тут плохого, если Длама не является дочерью Кирмиты?

Вдова придворного лекаря горделиво объявила, Кирмита была дворянкой в пятом поколении, и если Камисса была бы ее дочерью, то в ней текла бы благородная кровь. А она всего на всего дочь каких-то поганых крестьян. Поэтому она не может быть родственницей царским особам!

Бирсэна улыбнулась и пояснила, что как раз отец Дламы и есть настоящий царь Ласфадии!

Вдова придворного лекаря, услышав это известие, вся покорибилась, голова закачалась, руки задрожали от негодования. Она не понимала, как можно допустить простого крестьянина властвовать?

Бирсэна уточнила, что властвуют только идиоты-императоры, а настоящие цари правят!

Вдова придворного лекаря заявила, что дворяне не будут кланяться выходцу из крестьян!

Бирсэна снова уточнила, что настоящие цари не требуют поклонения, а требуют четкой и слаженной работы каждого на благо государства!

Вдова придворного лекаря поняла, что ей не удастся расстроить свадьбу и стала грозить, что все они еще сильно пожалеют, что пренебрегли чистотой дворянской крови, какая течет в ее жилах!

Бирсэне уже порядком надоели эти бредни старой грымзы, которая за всю свою никчемную жизнь не сделала ничего, кроме гадостей и

мерзостей, и при этом имеет наглость утверждать, что она достойна называться благородной, а крестьян, которые плодами своих трудов кормили таких вот бездельников и тунеядцев, называть погаными!

И Бирсэна спросила вдову придворного лекаря, продолжает ли та настаивать, что в ее жилах течет какая-то особенная кровь?

Вдова придворного лекаря попыталась как можно выше вскинуть качающуюся от злости голову и заявила, что в ее жилах кровь особенная!

Бирсэна резко схватила вдову придворного лекаря за волосы и нагнула, затем выхватила, висевший на поясе, небольшой кинжал, и приставила к горлу мерзкой старухи сказав, что сейчас она проверит особенность ее крови!

Вдова придворного лекаря заверезжала и стала умолять не убивать ее, причитая, что кровь у нее самая обыкновенная...

Бирсэна презрительно швырнула мерзавку с такой силой, что та вылетела за двери и кубарем скатилась с лестницы. Затем Бирсэна попросила принести воды, чтобы умыться после общения с этой гадкой старухой. И умывшись, снова села за праздничный стол, поцеловав любимого мужа. И началась веселая свадьба...

Гуляния длились дольше недели. Гинда и Флут решили погостить во дворце еще несколько недель, так как Ронси и Длама пожелали вместо свадебного путешествия провести медовый месяц в чудесной долине.

Перед самым отъездом Дугрий, прогуливаясь с Рутэнией, сказал, что, пожалуй, года через три они снова все соберутся в Ласфадии и показал Рутэнии как мило беседуют Шамлат и Санпина. Рутэния улыбнулась и ответила, что предполагает, что следующая свадьба состоится немного раньше, и не в Ласфадии, а в Тамерии. Затем пояснила, что хотя Туон и слишком застенчив, но перед обаянием Альдики ему не устоять!

Дугрий нежно обнял любимую жену и сказал с улыбкой, что жизнь должна продолжиться!